

РЕКА 2026
ВРЕМЕНИ

1586–2026

Река времени. 2026

Уфа – 2026

УДК 947(470.55/58)
ББК 63.3(2) (2Рос.Баш)
Р 36

***Посвящается светлой памяти
и 110-летию со дня рождения
Георгия Фёдоровича Гудкова (1916–1995),
выдающегося уфимского краеведа!***

Рецензент:

Павел Валерьевич Чеченков – кандидат исторических наук
(Университет Лобачевского, Нижний Новгород)

Река времени. 2026 / составитель и ответственный
Р36 редактор М.И. Роднов. – Уфа : Книга-принт, 2026. –132 с.
ISBN 978-5-6055772-7-0

Новый выпуск сборника «Река времени», вышедший в год 440-летия основания Уфимской крепости, как обычно составили статьи о неизвестных сюжетах прошлого Уфы и Башкирии с конца XVI по начало XX столетий. Основные темы – ранняя история края (конец XVI – начало XVIII вв.), судьбы местных предпринимателей и деятелей культуры. Все работы основаны на привлечении совершенно новых исторических источников.

Сборник предназначен для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, краеведов, всех интересующихся историей Уфы, России, Башкирии, Южного Урала и сопредельных территорий.

УДК 947(470.55/58)
ББК 63.3(2) (2Рос.Баш)

Содержание

Введение	4
<i>Солодкин Я.Г.</i> К истории Уфы первых лет её существования: приобретала ли она юридический статус города?	5
<i>Друганкин С.В.</i> Гордей Иванович Гладышев. Род и служба.....	12
<i>Курмаев В.Н.</i> Основатель Табынской крепости	25
<i>Роднов М.И., Тарасова Т.В.</i> Уфимские купцы Бондаренко.....	51
<i>Нащокина М.В.</i> Неорусский стиль Ильи Бондаренко	87
<i>Денисевич О.В.</i> Левитские – уфимские педагоги	103
Список сокращений (кроме статьи Я.Г. Солодкина)	131
Список авторов	131

Введение

В одной знакомой улице –
Я помню старый дом,
С высокой, тёмной лестницей,
С завешенным окном.

Там огонёк, как звёздочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил...

(Затворница. Яков Полонский, 1846 г.)

Новый сборник «Река времени» приглашает Просвещённых Любителей Российской Истории в увлекательное путешествие по неизвестным маршрутам прошлого. Вас ждут «лучи света» в тёмных «царствах» древнейших эпох – с конца XVI столетия до блистательного века осмнадцатого. В последние годы стали доступны написанные скорописью тексты, которые ранее читал узкий круг специалистов. Настоящая революция в публикации документов привела к открытию новых страниц как допетровских времён, так и последующего «галантного» века.

Место туманных рассуждений занимают точные научные факты. Новыми яркими красками расцвела подлинная история Уфы с окрестностями, далёкого Табынска, продолжается повествование о дворянах Гладышевых. События прошлых времён нашей земли вплетаются в канву общероссийского наследия. Уфа – неотъемлемая часть Великой Отчизны!

Как всегда в последние годы, не забыты судьбы уфимского купечества и интеллигенции XIX – начала XX веков. На этот раз приглашаем к семейному столу купцов Бондаренко и педагогов Левитских. Уникальные, неожиданные сюжеты профессиональные учёные и любители-краеведы раскрывают внимательному, вдумчивому Читателю. Пусть очередной сборник «Река времени» призовет и Вас пуститься в плавание по рекам, морям и океанам собственной семейной истории.

Ответственный редактор

К истории Уфы первых лет её существования: приобретала ли она юридический статус города?

Недавно уфимская исследовательница И.З. Шаяхметова повторила мнение ряда историков¹ о том, что Уфа приобрела статус города в 1586 г.², а ранее, с 1574 г., когда стрельцы воеводы И. Нагого возвели укреплённое поселение в устье реки Сутолоки, являлась острогом³. И.З. Шаяхметова, ссылавшаяся на работы Р.Г. Букановой, стало быть, воспроизвела опровергнутый ею, да и многими другими учёными⁴, вывод об основании Уфы И.Г. Нагим и превращении её в город 12 лет спустя⁵.

В 1586 г. Уфа, возможно, служила острогом, как утверждается в Поволжском летописце (далее – ПЛ) начала XVII в.⁶, со-

¹ История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX века / отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа, 1996. С. 179; и др. О бытовании этой версии см., напр.: *Роднов М.И.* От мифа к фейку (фальшивый юбилей, 1574–1974 годы) // *Река времени.* 2021. Уфа, 2021. С. 29, 30, 33.

² О приобретении Уфой такого статуса писала и Р.Г. Буканова. См., напр.: *Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 65, 71.

³ *Шаяхметова И.З.* История становления мегаполиса Уфа // Емельяновские чтения. Материалы IX Всерос. науч. конф., посвящённой 335-летию со дня основания города Кургана: г. Курган, 19–20 апреля 2024 г. Курган, 2024. С. 107; *Она же.* Феномен российского города: общее и особенное в процессе градообразования в Западной Сибири и на Южном Урале // *Культурное наследие народов Западной Сибири: русские старожилы.* Сб. мат-лов X Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: русские старожилы», посвящённого 190-летию со дня рождения Д.И. Менделеева и 300-летию Российской академии наук (5–7 декабря 2024 г., г. Тобольск). Киров, 2024. С. 190, 191. Заметим, что во второй из названных работ уфимский острог считается и городом-крепостью.

⁴ См.: *Асфандияров А.З.* Основание города Уфы // *Река времени.* 2021. С. 44; *Буканова Р.Г.* Указ. соч. С. 82; *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 19, 21, 36.

⁵ Этот вывод разделялся не только уфимскими историками. См.: История Урала. В 2-х т. 2-е изд. Т. 1. Пермь, 1976. С. 50; *Тапилин А.И.* Освоение Южного Зауралья в XVI–XVIII вв. и основание Челябинска // *Источник. Историк. Политика.* Мат-лы Международ. науч. конф., посвящённой 125-летию со дня рождения выдающегося российского историка-археографа Александра Петровича Чулошникова: г. Уфа, 5–7 июня 2019 г. Уфа, 2019. С. 383; и др.

⁶ *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // *Летописи и хроники (далее – ЛХ).* 1984 г. М., 1984. С. 214. В том же впервые опубликованном В.И. Корецким в 1968 г. летописце, вышедшем из среды провинциальных служилых людей, говорится о захвате крымскими царевичами в 1586/87 г. острога в Крапивне (Там же), что подтверждают «разряды». См.: *Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.* С.

хранившем уникальные сведения о её предыстории и возникновении, а городом сделалась со временем¹. М.Н. Тихомиров, нашедший краткий московский летописец с упоминанием об Уфе – «граде», выстроенном в 1585/86 г., как и Самара с Тюменью, – полагал, что самое раннее российское укрепленное поселение в Башкирии вначале было городком (Уфимским), а городом оно

384; Разрядная книга 1475–1605 (далее – РК). Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 100–101.

В ПЛ сказано и о сооружении острога в 1608 г. в Тушине, на речке Взвозе (*Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 217). Судя по другим источникам, этот острог мог быть не укрепленным поселением, а крепостницей, предназначенной для защиты «таборов» Лжедмитрия II. См., напр.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической Экспедицией Имп. Академии Наук (далее – ААЭ). Т. II. СПб., 1836. С. 238, 245, 250, 268; Акты Исторические, собранные и изданные Археологической Комиссией (далее – АИ). Т. II. СПб., 1841. С. 148, 202, 210–211, 226, 249–250, 260–267, 286; Т. III. СПб., 1841. С. 6; *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 103, 125, 164, 237; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XIV. Первая половина. М., 1965. С. 72, 76–78, 80, 81, 86–88, 92–94, 97, 108, 124, 126, 132, 134, 135, 140–143, 146; Т. 34. М., 1978. С. 216, 251, 253–255, 265, 271; Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков (далее – ПЛДР). М., 1987. С. 172, 188, 196, 390, 398, 402.

¹ *Солодкин Я.Г.* О некоторых спорных вопросах предыстории Уфы (к интерпретации уникальных свидетельств Поволжского летописца) // Река времени. 2021. С. 58; *Он же.* К ранней истории Уфы: заметки об основании и основателях города // Река времени. 2023. Уфа, 2023. С. 5–6.

А.В. Головнёв полагал, что Уфа возникла «в статусе города» (*Головнёв А.В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 494). Утверждение, будто образованный вслед за её основанием Уфимский уезд входил в состав «Казанского воеводства» (*Исхаков Р.Р., Владимиров О.О.* Социальная стратификация ясачного и служилого населения Западного Приуралья в XVII – начале XVIII в. (на примере Казанской дороги Уфимского уезда) // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. Сб. ст. Вып. 1. Челябинск, 2022. С. 75), следует признать домыслом (А.З. Асфандияров писал лишь о подчинении уфимских воевод казанскому наместнику, см.: *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 54). Даже власти Свияжска были независимы от казанской администрации (*Лихачёв Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 315–316; *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 38; др.) в отличие от администраторов Тетюш и Лайшева, уезд и округа которых соответственно считались пригородной территорией Казанского края (*Пашина Е.В.* Новый документ по истории Тетюшского Покровского монастыря XVII в. // Гасырлар авазы – эхо веков. 2023. № 2. С. 105), подчас называвшегося Казанским царством или государством. См., напр.: ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. С. 34, 36, 130; *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царицы в истории России. СПб., 2018. С. 9, 75–77.

стало впоследствии¹. По наблюдению А.И. Раздорского, в конце XVI–XVII вв. «стены острожного типа в южнорусских крепостях являлись самыми распространёнными», но часто встречались и «стены, рубленные городнями»². Кстати, Лебедянь при возникновении (быть может, весной 1613 г.), по всей видимости, представляла собой острожек или острог, а городом начала считаться спустя всего несколько месяцев – осенью того же года³. (Выдавать ряд первых крепостей «русской» Сибири за города-остроги⁴, думается, нет должных оснований, тем более что во многих городах эпохи позднего средневековья, кроме «градов», имелись остроги).

По наблюдению Б.Б. Овчинниковой, в делопроизводстве России XVI в. чёткое разграничение между терминами «город» и «острог» отсутствовало⁵. Заложенный в царствование Бориса

¹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 518, 520–522; Он же. Русское летописание. М., 1979. С. 230, 231. В упомянутом кратком летописце начала XVII в. речь идёт о «городе Уфинском». В документах следующих десятилетий, кстати, мы читаем об Уфинском уезде, уфинском стрельце, уфинских детях боярских. См., напр.: Друганкин С.В. Новая слобода. Деревня Кадомцева. Село Богородское // Река времени. 2025. Уфа, 2025. С. 18, 24, 26.

² Раздорский А.И. Курск «киевский» и Курск «московский»: проблема континуитета // Российское государство в XVI – начале XVIII века. Сб. ст. к 70-летию Андрея Павловича Павлова. СПб.; М., 2022. С. 330.

³ Гамаюнов А.И. Первые документы по истории Лебедяни // Там же. С. 352–354, 357, 358. Острог нередко отождествлялся с острожком (ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. С. 135, 140, 142; Т. 34. С. 265; и др.).

⁴ См.: Сургутский край глазами путешественников, исследователей и общественных деятелей (середина XVI – начало XX века). Сургут; Тюмень, 2024. С. 7, 103; Академическая история Югры (далее – АИЮ). Т. 3. Югра в составе Московского государства. Ханты-Мансийск, 2024. С. 292, 302; др. Эти укрепленные поселения возникли вслед за «взятием» Сибири «дружиной» Ермака. Кстати, по мысли А.З. Асфандиярова, зауральская экспедиция «рабочего» атамана была предпринята в контексте политики русского правительства (Асфандияров А.З. Указ. соч. С. 39), что нетрудно оспорить. См., напр.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. I. М., 1999. С. 476, 484; Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск, 2015. С. 5, 11–12, 130, 136.

⁵ Овчинникова Б.Б. О формировании русских острогов и городов на Урале в XVI в. // Сургут, Сибирь, Россия. Международ. научно-практ. конф., посвященная 400-летию города Сургута. Докл. и сообщ. 22–25 марта 1994. Екатеринбург, 1995. С. 77. См. также: ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. С. 33, 34, 44, 46, 62, 63, 70, 76, 99; Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 39, 40, 64, 74, 78, 139, 141, 369; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 49; Солодкин Я.Г. «Беседуя к вашей любви...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017. С. 284, 285; Он же. «Во второе лето по Ермакове убиении

Фёдоровича в Комарицкой волости Севский острог (на реке Севе, неподалеку от Новгорода Северского), близ которого (или Добрынского острога, села Добрыничи, Чегъмлига или Чамгижа) произошло сражение между правительственными войсками и отрядами Лжедмитрия I, в источниках представлен и служившим уездным центром городом, и острожком¹. В Летописной книге о Смутном времени, редактировавшейся князьями И.М. Катыревым-Ростовским и С.И. Шаховским, упоминается про городки Монастырище, Новгородок, Кромы, Зубцов, Дмитров, а Старица наряду с «градом» Твери (острог которой летом 1609 г. удалось занять войскам князя М.В. Скопина-Шуйского, включая «немецких» наёмников) считаются и городками, и городами, тогда как в других документальных и нарративных памятниках перечисленные крепости объявляются «градами». (Первый из них именовался и Монастыревым, Монастыревским, Моравском). В Пискарёвском летописце (далее – ПсЛ) Сапожок, относившийся к числу рязанских пригородов, называется как городком, так и городом². В ранних из сохранившихся редакций Сибирского летописного свода (далее – СЛС) Верхтагильский городок принимается и за «град», а Туринск (подобно «разрядам»), Енисейск, Кузнецк («Кузнецы») и Якутск называются то острогами, то городами³. Лишь в Титовском виде Есиповской летописи Основной

...». Экспедиция воеводы И.А. Мансурова и начало присоединения Сибири к России // Военно-исторический журнал. 2025. № 1. С. 108. Иногда же, как в Ростове в начале XVII в., в городе не было «града» (ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. С. 83).

Позднее в Берёзове, Сургуте и Пельме малые остроги считались городами в отличие от больших острогов (АИЮ. Т. 4. Югра в XVIII – первой трети XIX века. Ханты-Мансийск, 2024. С. 42. Сравни: ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. С. 141). В «великом» остроге (имевшем наряду с городом в Царёве-Борисове первых лет его существования) размещались слободы стрельцов, казаков, пушкарей, дворы многочисленных годовальщиков. См.: *Анхимова Ю.В.* К истории русской колонизации Дикого поля: гарнизон крепости Царёв-Борисов в конце XVI – начале XVII в. // Российское государство в XVI – начале XVIII века. С. 346–347.

¹ АИ. Т. I. СПб., 1841. С. 271; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 71, 114, 131, 132, 134, 197, 198; ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. С. 62. См. также: Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 331. Комм. 21; ПСРЛ. Т. 34. С. 241. Сравни: С. 206; ПЛДР. С. 372, 593; РК. Т. IV. Ч. II. М., 2003. С. 87, 88; *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1990. С. 97.

² См., напр.: ААЭ. Т. IV. СПб., 1836. С. 72; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 113, 191; ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. С. 45, 63, 70, 148; Т. 34. С. 195, 206, 218, 219; ПЛДР. С. 358, 366, 370, 372, 374, 394, 396, 398, 400.

³ См.: РК. Т. IV. Ч. II. С. 54; ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 129, 130, 140, 141, 143, 145–147, 149, 151, 152, 161, 162, 165, 170, 193, 195–200, 203, 205, 206, 208, 211, 217, 224, 225, 281, 337. Сравни: С. 36, 75, 77. Албазинский горо-

редакции Мансуровский (Обский) городок подчас признаётся городом¹. В Забелинской редакции «Сказания» Саввы Есипова сообщается о расположенном близ Сибира (Искера) городке князя (вернее, мирзы) Атика и городах, «повоёванных» ермаковцами в Обь-Иртышье, тогда как в самой повести этого владычного дьяка и её остальных, кроме только что упомянутой, разновидностях в данной связи идёт речь о городках². В двух редакциях СЛС говорится про основанный беком Тайбугой на Туре «Чингий городок», который в других сибирских летописях называется «градом» Чимги, Чинги, Чингиден, Чингиди, Чингидин, Чингидий, Чингидес, Чингис и т. п.³ Городом являлась служившая опричной столицей Александра слобода⁴, во многих источниках, по данным Ю.Д. Рыкова, представленная селом. Выдающийся публицист времени Смуты келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын десятки раз объявлял его «градом»⁵. В Новом летописце (далее – НЛ) – крупнейшем памятнике официального летописания первой трети XVII в. – Койса, что на Северном Кавказе, называется и городком, и «градом», село Борисово близ Можайска подчас выдаётся и за городище, т. е. место ранее существовавшего города, и за городок, и за город Борисов (подобно ПсА), городами однажды считаются даже оболенские и серпуховские места⁶. (Примечательно, что в НЛ сообщается о «по-

док, впоследствии превратившийся в город, тобольские летописцы включали в число острогов и острожков (Там же. С. 102, 169, 175, 177, 221, 279–280; и др.).

¹ ПСРА. Т. 36. Ч. 1. С. 80, 87, 88. См. также: ПЛДР. С. 370, 394, 396, 398.

² ПСРА. Т. 36. Ч. 1. С. 33, 34, 39, 53, 60, 83, 86, 92, 94, 110, 121, 124, 131, 134, 181, 182, 184; и др.

³ Там же. С. 32, 35, 38, 41, 46, 47, 65, 81, 88, 108, 115, 118, 126, 129, 136, 138, 179, 186, 236, 252, 368; и др. См. также: Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. С. 18.

⁴ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 230; ПСРА. Т. 34. С. 251.

⁵ ПЛДР. С. 172, 176, 178, 180, 182, 186, 224, 226, 234, 236, 248, 250 и др. См. также: ПСРА. Т. XIV. Первая половина. С. 82, 95.

⁶ ПСРА. Т. XIV. Первая половина. С. 46, 55, 58, 142–144. Сравни: С. 136; Т. 34. С. 200, 215; Восстание И. Болотникова. С. 132, 241. См. также: *Солодкин Я.Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI – первой трети XVII веков. Нижневартговск, 2008. С. 59.

Е.И. Дергачёва-Скоп спутала Борисов, расположенный у берегов реки Протвы, между Можайском и Вереей (Восстание И. Болотникова. С. 368. Комм. 133), который принадлежал ещё боярину Б.Ф. Годунову – «пестуну» Фёдора Ивановича, с основанным при впадении реки Оскол в Северский Донец в 1599 г., т. е. вскоре после вступления на трон преемника «освятованного» государя, Царёвым-Борисовым (ПЛДР. С. 586, 599), часто называвшимся поначалу и Борисовым, а иногда и Царёвым городом, Царегородом (Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 47; ПСРА. Т. XIV. Первая половина. С. 55, 62, 74; Боярские списки последней четверти XVI – на-

ставлении» многих «градов» «во всей Черемиской земле» – в «царстве Казанском», на его Нагорной и Луговой сторонах, в частности, Кокшуги, т. е. Кокшайска или Царёва-Кокшайска, Цивильска, Уржума, а также в Сибири и на крымской «украине» в годы «самодержавства» «праведного и милостивого» Фёдора Ивановича¹, но об основании Уфы умалчивается). Нередко причисляющаяся к городам Кола в Соловецком летописце одной из ранних редакций названа Кольским острогом². Города и остроги нередко отождествляются и в новейшей историографии³.

На взгляд М.И. Роднова, «в XVI в. не было такого, чтобы поселения утверждались законодательно ... или хотя бы административным актом в ранге города»⁴. Тогда юридическое оформление статуса города либо острога, действительно, являлось излишним, они основывались вследствие правительственных распоряжений⁵, в частности, по царским указам, наказам воеводам

чала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее – БСР). Ч. 1. М., 1979. С. 207, 225–227, 233, 234, 236, 241). О «поставлении» этого «древяного» города «блиско Роздоров Донедких» создатель ПСЛ, вышедший из приказных кругов, кстати, мог узнать от дьяка Ф. Голенищева, участвовавшего (о чём в других источниках не сообщается) в основании крепости, получившей имя нового московского самодержца.

¹ ПСРА. Т. XIV. Первая половина. С. 34, 36, 43, 45. Согласно НЛ, кстати, «грады» иногда являлись пригородами (Там же. С. 67, 72).

Вопреки повторённому А.М. Панченко утверждению близкого к правительственным кругам летописца конца патриаршества Филарета (ПЛДР. С. 561), Царёво-Кокшайск был основан при Иване IV. См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 252, 256, 271, 273; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 230; и др.

² БСР. Ч. 2. М., 1979. С. 175; *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // ЛХ. 1980 г. М., 1981. С. 241, 242; и др.

³ См., напр.: *Омельчук А.* Первая пашня Сибири // Историко-культурологический и литературно-художественный альманах «Тобольск и вся Сибирь». Кн. XXXII. Тюмень – столица деревень. Т. I. Тобольск, 2023. С. 111. В частности, некоторые историки признавали Туринск городом (*Вершинин Е.* Верхотурско-Тобольский земледельческий район в XVII в. // Там же. С. 118; АИЮ. Т. 3. С. 302).

⁴ *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 18.

⁵ *Буканова Р.Г.* Указ. соч. С. 95. Ряд сибирских острогов, имевших важное административное значение, в основном уездных центров, с течением времени был официально признан городами (*Бродников А.А., Зуев А.С.* Острог // Историческая энциклопедия Сибири. Т. [2]. К–Р. Новосибирск, 2009. С. 565), но не в каких-то специальных документах.

А.П. Ярков по недоразумению считал первым, основанным после присоединения к России сибирских земель, городок Самарово (*Ярков А.* От Тюмени до Тюмени: сколько ей лет? // Лик. Литературно-краеведческий альманах [Тюмень]. 2016. № 11. С. 11). Благодаря Ремезовской летописи известно, что городок, служивший резиденцией одного из князей Югорской земли – Самара, был занят ещё «ермаковыми казаками».

и письменным, а то и стрелецким, головам¹. (Как читаем, например, в ПсЛ, Постниковском и Бельском летописцах, согласно повелениям государей возводились и храмы, сооружались другие разнообразные здания, каменные лавки в Москве, раки святым, была отлита Царь-пушка, печатались книги²).

¹ См., напр.: ААЭ. Т. I. СПб., 1836. С. 380; АИ. Т. III. С. 349; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. СПб., 1851. Стб. 939; Акты Московского государства. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. С. 59; ПСРА. Т. XIV. Первая половина. С. 4, 7, 11, 36, 45–46, 51, 57. Сравни: С. 43, 47, 55; Т. XIX. СПб., 1903. Стб. 61, 305; Т. 34. С. 185, 195, 202, 237, 239; Т. 36. Ч. 1. С. 41, 65–66, 73, 136, 139, 158, 191, 252, 258, 259, 261, 269; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 180; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 368, 500–501; Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 43–45, 71, 85–86; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 322; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 85; РК. Т. III. Ч. II. С. 64; Т. III. Ч. III. М., 1989. С. 41, 65; Т. IV. Ч. I. М., 1994. С. 71; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 226, 230, 231; Асфандияров А.З. Указ. соч. С. 48, 49; Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Указ. соч. С. 213; ПЛДР. С. 324; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 95; Юго-Восток Европейской России. Ч. I. Дубман Э.Л. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012. С. 123–125, 129, 130; История татар с древнейших времён: в семи томах. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань, 2014. С. 101, 102; Молочников А.М., Несин М.А. Об основании Орла по распоряжению Ивана IV. К вопросу об основании Иваном Грозным крепостей в годы опричнины на территории земщины // Novogardia. 2019. № 2. С. 181, 188, 190–192; Раздорский А.И. Указ. соч. С. 319–321.

² См.: ПСРА. Т. 34. С. 11, 13, 15, 167, 169, 170, 173, 181, 183, 186, 189, 196, 197, 199–203, 215, 239.

Гордей Иванович Гладышев. Род и служба

В начале XVII в. Уфа только складывалась как город на восточной окраине Московского государства. Вместе с воеводами и стрельцами сюда переводили «детей боярских» – служилых людей, которым за службу жаловали землю вокруг новой крепости.

Одной из первых фамилий, которые можно увидеть в уфимских документах, стала фамилия Гладышевых¹. В Отводной книге по Уфе, в записи 1603 г., говорится, что по указу царя Бориса Фёдоровича и воеводы Михаила Нагова велено «устроить пашнею» сына боярского Гордея Гладышева около Уфинского города «на Великом поле» и закрепить за ним поместный оклад в двадцать пять четей пашни. Землю осматривают, границы описывают, велят «грани потесати и ямы покопати» и запись о даче внести в отдельную книгу². В последующие годы Гордей Гладышев постоянно упоминается в отводных делах.

В 1611 г. он вместе с Иваном Черниковым отмеряет поместье Юрию Оничкову³. В 1613 г. воевода поручает уфимскому сыну боярскому Гордею Гладышеву выехать на пустошь у речки Шугуровки, осмотреть землю и отвести её Ивану Рудакову «на прибавку государева жалованья»⁴.

В другой записи того же года он назван уже с отчеством: по государеву указу воевода Михаил Онучин и дьяк Иван Шараров посылают «Уфимского города сына боярского Гордея Иванова сына Гладышева» отводить сенные покосы на Великом поле⁵. Здесь впервые назван его отец – Иван Гладышев. О самом Иване больше ничего не говорится, но его потомок впервые записан с отчеством: Гордей Иванов сын Гладышев.

Уже вскоре после первых отводов, где Гордей Гладышев действует как отводчик, в отводной книге появляется запись о поместье его сына. В 7120 (1612) г. сказано, что по приказу воеводы Михаила Онучина и подьячего Петра Андреева «на диком поле» отделили «сыну боярскому Максиму Гладышеву земли в его оклад, перелогу на двадцать четей в поле»⁶. Иначе говоря, уже в 1612 г. Максим Гордеевич Гладышев – самостоятельный сын бо-

¹ Данная статья – продолжение материалов о дворянах Гладышевых, опубликованных в предыдущем сборнике «Река времени. 2025» – *отв. ред.*

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 517. Л. 16.

³ Там же. Л. 34 об.

⁴ Там же. Л. 67 об.

⁵ Там же. Л. 66 об.

⁶ Там же. Л. 50.

ярский с собственным поместным наделом. Учитывая обычную практику, когда к поместной службе допускали не ранее пятнадцати лет, можно предположить, что к этому времени Максим считался взрослым. Судя по тому, что Максим Гордеевич первым из братьев начал служить и получил в «оклад» землю, он был старшим сыном Гордея Ивановича.

По той же Отводной книге видно, что вскоре, в 1621 г. на службу выходит и другой сын Гордея – Степан, и поместные наделы получают уже по меньшей мере двое из сыновей Гордея Ивановича: «129 году июля в 20 ден по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказной памети воеводы Осипа Яковлевича Прончищева отделил Константин Голубцов Степану Гладышеву помесные заложные земли за Уфою рекою на Воладимеровском перевозе в поле»¹.

Последний раз в Отводной книге имя Гордея Ивановича Гладышева встречается в 1617 г., когда он приносит дозор за рукой уфимца, сына боярского Антона Рудакова². После этого в делах первой половины XVII в. упоминаются уже его дети, получающие поместья и действующие в челобитных самостоятельно.

Сами эти сведения о поместьях Гордея Гладышева и его сыновей известны по Отводной книге по Уфе, которая, по наблюдению Н.Ф. Демидовой, была написана единовременно в 1624–1626 гг. как копия более ранних актов для Поместного приказа³. В предисловии А.В. Антонова к изданию «Материалов по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века» говорится, что после московского пожара 1626 г. поместные акты уездов присылались в Москву: «После московского пожара 1626 г., нанесшего весьма существенный урон архивам центральных учреждений, подлинные нижегородские поместные акты были присланы в Москву, где впоследствии они использовались приказными для наведения справок»⁴.

По-видимому, создание копии уфимской Отводной книги связано с исполнением того же распоряжения, согласно которому акты Нижегородской приказной избы оказались в Поместном приказе. О состоянии же самого уфимского архива можно су-

¹ Там же. Л. 158 об.

² Там же. Л. 101 об. В источнике: «Июля в 26 день принес дозор Гордей Гладышев за рукой уфимца сына боярсково Онтоня Рудакова».

³ Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории города Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 254.

⁴ Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века. Ч. 1 / Сост. А.В. Антонов (отв.), А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. М., 2015. С. 3.

дить по документу Уфимской Приказной избы, где упоминаются пожары 1614 и 1637 годов.

«А поместных и денежных окладов не сыскано потому что в во 122 и в 145 годех в уфинских пожарех в съезжей избе всякие дела погорели»¹.

Возможно, именно по этой причине до нас дошло меньше упоминаний о службе Гордея Гладышева и его детей, чем могло бы быть при полном сохранении уфимских дел.

Особое место среди документов, в которых упоминаются Гладышевы, занимает обычное дело по обвинению уфимского жильца Ариста Коровина. На нём стоит дата: «Лета 7143 августа в 10 день», то есть август 1635 г. По государеву указу сыском по этому делу ведает сын боярский Григорий Шигалеев. Шигалеев, допрашивая попов, дворян, детей боярских, стрельцов, посадских людей и крестьян села Богородского, спрашивал:

«Аристка каким воровством промышляет ли. И в приводе в каком воровстве у записки бывал ли. И у ково что портное возмет делать не отдает ли. И у ково что в займы возмет без суда не отдает ли. И против того поклепа в напрасно ко многим приставливает ли. И пристава поклепных своих исков ищет ли. И на Вятке каким воровством промышлял ли. И жену и детей покинул ли».

В числе дворян и детей боярских, дававших обыскные показания, названы: «Иван Черников Онучин, Фирс Александров сын Оничков, Федор Тарбеев с сыном Федором, Гордей Гладышев з детьми с Ываном, да с сыном с Ываном же, да с Микитою, да с Семеном».

Гордей Иванович вместе со своими сыновьями – Иваном, ещё одним Иваном, Никитой и Семёном, как и остальные, по крестному целованию говорят, что «воровства никакова за Аристом не знаем»².

Этот «обыск» 1635 г. – важнейший документ, позволяющий уточнить годы жизни Гордея Ивановича. До этого можно было лишь косвенно судить о том, продолжал ли он службу после 1617 г., опираясь на родословные построения. Здесь же показано, что Гордей Иванович жив и участвует в сысках ещё в середине 1630-х гг.

Дополнительное указание на состав семьи даёт статья М.И. Роднова³. Он ссылается на В.А. Новикова, который приводит список уфимских дворян 1635 г. из архива дворянского собрания. В этом перечне названы: «Гордей Иванов сын Гладышев,

¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 197. Л. 22.

² Там же. Д. 332. Л. 12 и об.

³ Роднов М.И. Гладышевы в местной литературе // Река времени. 2025. Уфа, 2025. С. 33.

Семён Гордеев сын Гладышев, Максим Гордеев сын Гладышев, Степан Гордеев сын Гладышев, Иван Гордеев сын Гладышев, Иван Гордеев сын Гладышев, Артемий Гордеев сын Гладышев». Этот список показывает семью уфимских Гладышевых, во главе которой стоит Гордей Иванович. Если свести все эти сведения вместе, становится понятнее и время жизни Гордея Гладышева.

Гордей Иванович Гладышев впервые упомянут в документах 1603 г. уже как взрослый сын боярский. С учётом того, что его старший сын Максим к 1612 г. получает собственную поместьную дачу, рождение Гордея Ивановича можно отнести к 1570-м гг. В 1603 г. он получает собственный поместный оклад, а в 1635 г., по обычному делу Ариста Коровина, продолжает числиться в разряде уфимских дворян и участвует в сыске.

Но уже в документе «Выбор во дворянские в нарядчики», датированном «Лета 155 году июня в 21 день» (1647 г.), среди подписавшихся Гордей Иванович Гладышев отсутствует. В выборе представителей от уфимских дворян и сынов боярских, состоящих на службе, участвуют наиболее знатные, авторитетные дворяне и дети боярские Уфы. Это люди, с которыми воевода привык решать дела, представители всех важных родов. Они здесь как «голос» всего служилого общества города. От имени рода Гладышевых документ подписали Иван Гордеевич старший, Иван Гордеевич младший и Никита Гордеевич Гладышевы:

«Лета 7155 году июня в 21 день.

По Государеву Цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу. И по приказу воеводы Христофора Федоровича Рыльского. Уфинцы з дворяня и дети боярские Юрей Оничков, Кирила Нарматцкой, Лука Каловской и всем городом выбрали в нарядчики уфинцов Юря Неверова сына Смирнова и Игнатя Федосеева сына Третьякова.

К сему выбору Илья Ортемьев и вместо Василя да Осипа Ортемевых да Гаврила Писемскова да Федора Белова, по их велению руку приложил.

К сему выбору Еремей Каловской и вместо братеи своих Федора да Петра да Луки Каловских по их велению руку приложил.

К сему выбору вместо Микиты да Михея Кишкиных да Ивана Звягина да Семена Уренкова по их велению Иван Каловской руку приложил.

К сему выбору Еремей Каловской вместо Ивана да Матвея Василчичиных по их велению руку приложил.

К сему выбору Андрей Приклонской и вместо Юря Оничкова да Кирила Нармацкого, Янурса Каловского по их велению руку приложил.

К сему выбору Иван Онучин и вместо Ондreja Сумарокова да Сергея да Михея Оничковых да Михея да Данила Тарбеевых по их велению руку приложил.

К сему выбору Лукян Каловской руку приложил.

К сему выбору Иван Каловской вместо Микиты Кишкина да Максима Каловскова руку приложил.

К сему выбору Михайла Волков вместо братьей своих Дмитрея да Ивана Волковых, Володимера Оничкова, Ивана да Микиты да Ивана Волковых, Володимера Оничкова, Ивана да Микиты да Ивана же Гладышевых по их велению руку приложил.

К сему выбору Еремей Каловской и вместо Бориса Оничкова да Григоря Быкова по их велению руку приложил.

Выбор во дворянские в нарядчики¹.

Глава рода Гордей Иванович Гладышев среди подписавших не значится, что может говорить о том, что он отошёл от принятия важных решений по старости или его уже нет в живых. С этого момента документы позволяют проследить судьбу уже не столько самого Гордея Ивановича, сколько его потомков и всего рода Гладышевых. И возникает вопрос, как дальше складывалась судьба этой семьи в уфимском дворянском обществе.

Сопоставление более поздних сведений Ландратской переписи 1718 г. и ревизий 1747 и 1762 гг. с документами первой половины XVII в. показывает, что со временем меняется состав владений, связанных с фамилией Гладышевых. Подобные изменения становятся заметны лишь тогда, когда смотришь на записи разных лет вместе, а не на каждую по отдельности. Эти изменения объясняются служебным статусом поместья. В XVII в. земля давалась «за службу» и была связана с поместным окладом конкретного человека: пока он служит, надел числится за ним, после его смерти он закрепляется за вдовой и детьми как прожиточный жеребей.

Это можно увидеть на примере нижегородца Сулеша Тишенкова, чьё имя стоит первым в Отводной книге по Уфе. В 1592–1594 гг. он отводил землю уфимским стрельцам и детям боярским². А в грамоте Поместного приказа 1596 г., уже после его гибели «на нашей службе на Яике», его вдова Татьяна Сулешева просит оставить за собой и детьми его поместья в Свияжском и Нижегородском уездах. В той же грамоте сказано, что их сын Семён, двенадцати лет, сохранит отцовский оклад и по достижении пятнадцати лет, должен будет служить с этого поместья.

¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 197. Л. 6 и об.

² Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 517. Л. 1 об., 2 об.

«Била нам челом вдова Татьяна Сулешова жена Тишенкова, в прошлом деи во 104-м году мужа ее Сулеша на нашей службе на Яике не стало. А после деи его осталось она, вдова Татьяна, сама четверта с сыном с Сенкою. А Сенка де ныне двунатцати лет, да з двумя дочерми з девками. А нашего деи жалованья за мужем ее было поместье в Свяжском уезде роспаши и перелогу шестьдесят чети. А по нашему указу с вычетом ста на дватцати на пяти чети, да в Нижнем Новгороде сорок девять чети. А оклад де мужу ее был триста пятьдесят чети. И нам бы ее, вдову Тотьяну, з детми тем мужа ее свияжским и нижегородским поместьем пожаловать. А сын ее Сенка, как к нашей службе поспеет и будет в пятнатцать лет, и он с того отца своего поместья учнет нашу службу служить и ее, мать свою вдову Тотьяну, и сестр девок кормить и, вскормив, сестр замуж выдаст»¹.

Этот документ показывает, что поместная земля остаётся за семейством как опора для вдовы и детей и становится основой будущей службы сына или приданым для дочери. Именно это видно затем и в делах о поместьях Гладышевых: их поместья, переходя после смерти владельцев к вдовам, дочерям и зятям, остаются в разряде служилых земель и прослеживаются в документах уже под другими именами.

В дворянской среде XVII–XVIII вв. исчезновение отдельных представителей фамилии из текущих документов и смена владельцев не связано с ухудшением имущественного положения прежних поместных владельцев. Случаев, когда поместье меняет хозяина, а родовое имя уходит на второй план, довольно много. Например, в одном из документов Приказной избы говорится о том, что Фёдор Богданович Ураков переведён служить в Москву, а его поместный оклад и денежное жалованье передаётся поверстанному Фёдору Ивановичу Уракову.

«И ни кто за него служеб не служат и в проезжие станицы и на отъезжие сторожи не ездят. И у выписки родственники князи Иван да князь Василей Васильевы дети Ураковы сказали, князь Федор Богданов сын Ураков с Уфы съехал и по указу великих государей велено ему служить по Москве.

Бьет челом уфинец князь Федор Ураков меньшей, чтобы Великие Государи пожаловали, велели ево написать в убылой оклад князя Федора Богданова сына Уракова»².

¹ Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века. Ч. 1. С. 91–92.

² РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 159. Л. 18, 19.

Также глава семьи мог умереть, оставив вдову и дочерей, тогда земля переходила к ним как прожиточный жеребей или давалась как приданое и дальше уже учитывалась за их мужьями. Вдова могла вступить во второй брак, и её поместье записывалось за новым супругом, хотя происхождение земель оставалось прежним. Наконец, дети могли рано умереть. Бывали семьи, где сыновей не было вовсе, а рождались только дочери. В таких случаях через одно-два поколения отдельные представители этой фамилии уже не появлялись в новых переписных и отказных книгах. Но сами владения сохранялись и записывались за другими фамилиями того же служилого и дворянского окружения, связанными с прежним родом через дочерей и вдов.

Именно об этом говорят некоторые документы Приказной избы, Ландратская перепись и ревизии 1747 и 1762 гг. относящиеся к семье Гладышевых. По делам Приказной избы XVII в. видно, что из более поздних документов исчезают некоторые поместья и деревни, прежде записанные за детьми Гордея Ивановича Гладышева. В большинстве случаев это связано с особенностями семейной истории. Это последствия того, что сыновей, как наследников, было мало или они отсутствовали. В одном из документов Приказной избы записано, что у Семёна Гордеевича не было детей¹, у Максима Гордеевича была только дочь Пелагея:

«А после ево Семена детей не осталос. А тем поместьем преж сего владел брат ево Семенов родной Максим Гладышев. А после ево, Максима, то поместье со крестьяны дано дочери ево, Максимове, девке Палагее»².

По другим изученным делам Приказной избы у Никиты Гордеевича дети не упоминаются, у Ивана Гордеевича старшего были сын Иван и дочь Домна, у Степана Гордеевича – сын Лука, у Ивана Гордеевича младшего – сын Осип. Лишь у Артемия Гордеевича, в отличие от его братьев, было трое сыновей – Дмитрий, Осип и Иван.

Дочерей, скорее всего, было больше, просто о них нет записей в документах. Получая землю в приданое, они выходили замуж, не вызывая никаких имущественных споров. В результате часть прежних поместий Гладышевых в поздних документах значится уже за другими фамилиями. При малом числе наследников по мужскому роду владения переходили к вдовам и дочерям в приданое и прожиточные жеребья, а затем к зятям и другим родственникам.

¹ Там же. Д. 198. Л. 1.

² Там же. Д. 163. Л. 26.

Именно это описано в деле Приказной избы о поместье бездетного Семёна Гордеевича Гладышева¹:

«И брата их Семена во 154-м году не стало, а детей у него не осталось. А жена его Семенова пошла замуж за казанца, за Григоря Пекарского».

После его смерти в 1646 г. часть поместья перешла сначала к племяннику Ивану Ивановичу Гладышеву, а затем в 1647 г., как приданое его сестры Домны, было отдано казанскому дворянину Василию Непейцыну:

«В прошлом во 155-м году зговорил тот его Иван дочь свою, а дядя его Микита да Иван Гордеева дети Гладышевы племянницу свою, а его Иванову родную сестру, девицу Домну, за казанца, за Василя Микитина сына Непейцына».

Другая часть, прожиточный жеребий вдовы Семёна Гордеевича, Федоры, тоже как приданое, перешла к Григорию Пекарскому.

Показателен также другой пример о поместьях и имуществе Ивана Иванова сына Черникова Онучина. Изначально это поместье входило в состав владений Черникова Онучина: в отказных книгах середины XVII в. оно описано как починок Ошкодан на озере, с двором, пашней, покосами и рыбной ловлей. После его смерти земля была разделена между наследниками, и земля на Ошкодане оказалась в прожиточном жеребье вдовы Алены Павловны и её дочери Овдотьи. В 1677 г., по их челобитным, этот прожиточный жеребей был передан как приданое её зятю, уфимцу Максиму Дмитриевичу Гладышеву, с условием, что он будет содержать тещу «до смерти её».

«7185-го году августа в 6 день. На Уфе в приказной избе столнику и воеводе Венедикту Яковлевичю Хитрово, уфинца Ивановская жена Черникова Онучина болшого жена, его вдова Алена Павлова дочь, сказала. В нынешнем во 185-м году, здала я Алена, прожиточной свой помесной жеребей, что достался мне по роздельным записями по отказу после мужа моего Ивана на Ошкодане озере с рыбными ловлями и санными покосы и со всякими годи и з деревенскими заводы, зятю своему Максиму Дмитрееву сыну Гладышеву. А ему зятю моему Максиму поить и кормить меня до смерти моей. То моя и скаска»².

То есть часть бывшего Черниковского поместья переходит к Максиму Дмитриевичу Гладышеву не как «новое пожалование», а как наследство и приданое по женской линии.

¹ Там же. Д. 198. Л. 1–4.

² Там же. Д. 178. Л. 42.

Через пять лет в делах Приказной избы о споре за поместье на Ошкодане, упоминаются отец Дмитрий Артемьевич и его сын Максим Гладышевы, причём отец на первый взгляд свидетель против сына. В челобитной 1682 г. братья Алексей и Иван Васильчины просят на основе свидетельских показаний закрепить за ними землю как «отцовскую» и «дедовскую», указывая, что прежние записи на это владение были утрачены при пожаре¹.

В деле приводятся свидетельские показания, в том числе уфимца Дмитрия Артемьевича Гладышева: под присягой он утверждает, что этой землёй раньше владели дед и отец Васильчины, а после них владеют сами Алексей и Иван. В процессе рассмотрения спора выясняется, что речь идет о той самой земле, которая ещё в 1785 (1677) г. была передана, как прожиточный жеребей, вдове Алене Павловне Черниковой и её дочери Овдотье. В дальнейшем земля была оформлена за её зятем, уфимцем Максимом Дмитриевичем Гладышевым, как приданое её дочери. В 1790 (1682) г. Максим подаёт собственную челобитную, жалуясь на насильственное вмешательство Васильчиных в его поместье и просит признать за ним права.

2 марта 1791 (1683) г. дела по челобитным Максима Гладышева и братьев Васильчиных «сносятся вместе», и по итоговому отказу прожиточные жеребьи Алёны Павловны и Овдотьи окончательно закрепляются за Максимом, причём на этом «отказе» сами Иван и Алексей Васильчины присутствуют и спора больше не заявляют:

«1791 марта в 2 день. Снести дела вместе и выписать из абейх. И по указу Великого государя те прожиточные жереби ему Максиму буде спору нет велено отказать в поместье»².

При сопоставлении видно, что слова Дмитрия Артемьевича использованы в деле Васильчиных и формально он стоит как бы на их стороне, тогда как его сын в те же годы добивается права на наследство жены. Но слова Дмитрия Артемьевича касаются старого владения Васильчиных, их наследственной земли по *правой стороне дороги*, тогда как спорный участок Максима – на *левой стороне*, и это приданое жены дочери Черниковых. Именно это различие между двумя наделами земли и выявляется в ходе окончательного разбирательства. В результате документы показывают не столько конфликт отца и сына, сколько наложение разных давних отводов земли.

Дальнейшую судьбу этого поместья позволяют проследить документы начала XVIII в. В делах Приказной избы имеется документ

¹ Там же. Л. 59–74.

² Там же. Л. 75–76, 80–89.

под заголовком: «Грамота без начала и окончания по челобитью башкирцев Арасламбечки Аднагулова с товарищами на уфимцев Матюшку, да Якушку, да Тимошку Осиповых детей, да Якушку Дмитриева сына Артёмьева, да Ваську Максимова сына Гладышева в насильном завладении за Белой рекой Духовым озером»¹.

Из заголовка видно, что сын Максима Дмитриевича, Василий Максимович Гладышев, к 1700 г. взрослый служилый человек и участвует в спорах с башкирскими соседями за землю. В Ландратской переписи 1718 г. назван уже его сын, Дмитрий Васильевич Гладышев, двадцати одного года, записанный в той самой деревне на «озере Ошкодан»: «Деревня на городской стороне, над озером Ашкитаром»². Эти записи показывают, что бывшее Черниковское поместье, перешедшее к Гладышевым в результате брака и последующих наследственных переходов, к началу XVIII в. уже прочно закреплено за несколькими поколениями Гладышевых и учитывается в документах как их законное семейное владение.

Похожим образом обстоит дело с деревней Гладышево под Чёрным лесом. В переписи 1647 г. она записана за Никитой и Иваном Гордеевыми детьми Гладышевыми³. В Ландратской переписи 1718 г. в деревне Гладышево указан только один владелец – сын Ивана Гордеевича Осип Иванович Гладышев семидесяти лет⁴. В ревизской сказке 1762 г. говорится уже о его дочери Наталье: «За отставным дворянином Ильей Михайловым сыном Артёмьевым по наследству за женою его, из-за помещицы Натальи, Иванова дочери Осиповской, жены Гладышевой, Уфимского уезду, из деревни Осипа Гладышева»⁵. То есть эта запись означает, что у Натальи (дочери Осипа Ивановича Гладышева) была дочь (имя не указано), которая стала женой Ильи Михайловича Артёмьева. Именно через неё имущество переходит к Артёмьеву «по наследству за женою его». Такая же запись о приданом есть в ревизии 1762 г. по деревне принадлежащей Фёдору Каловскому, где говорится:

«Взятая во приданство за женою Авдотьей Петровой, дочерью Колакольцовой доставшая по наследству от отставнаго поручика Ивана Дмитриева сына Гладышева, положенные в подушной оклад во оном же Уфимском уезде в деревне Гладышевой за ним, Гладышевым»⁶.

¹ См.: Там же. Д. 1320.

² Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 440. Л. 189.

³ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 221.

⁴ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 440. Л. 165.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 3792. Л. 135.

⁶ Там же. Д. 3794. Л. 276.

На фоне этих примеров иначе воспринимаются и сведения ревизий XVIII в., в которых у прежних поместий Гладышевых появляются другие владельцы.

В Ландратской переписи 1718 г. и ревизиях 1747 и 1762 гг. записанные Гладышевы – это действующие военные и дворяне, сохраняющие поместные связи с Уфимским уездом. Особое место среди потомков Артемьева занимает Дмитрий Артемьевич Гладышев.

В деле Приказной избы 1686 г. говорится, что «пожаловали уфинца Дмитрея Артемьева сына Гладышева за многие службы и за раны, велели написать его из городовых по выбору»¹. Ему сохраняют «городовой совершенный денежный оклад», а к поместному жалованью прибавляют «по десяти рублев», за разные периоды службы – за «уфинскую службу», за «крымскую службу» и за полученные раны. Этот документ подводит итог его службе: Дмитрий Артемьевич показан как уфимский дворянин с долгой военной службой и участием в походах. К концу 1660-х гг. – стрелецкий голова Уфы². В 1672 г. – воевода Кунгура³, в 1685–1686 гг. – вновь воевода Кунгура⁴, в 1680 г. – воевода Уржума⁵ и уфимский дворянин, пожалованный «по выбору» за службу и раны.

В документах XVIII–XIX вв. уверенно прослеживаются лишь две линии потомков. Одна идёт от Степана Гордеевича через его сына Луку Степановича. Другая – от Артемия Гордеевича, чьи потомки – воевода Дмитрий Артемьевич и через Ивана Дмитриевича и Ивана Ивановича к порутчику Ивану Ивановичу и далее к генерал-лейтенанту Евграфу Ивановичу Гладышеву⁶.

В Ландратской переписи 1718 г. к этой же линии относится Василий Фёдорович Гладышев⁷, упомянутый в записи «Деревни за Белою рекою, что на Лавошным озере» – сын Фёдора Дмитриевича Гладышева, внук воеводы Дмитрия Артемьевича.

Также в переписи 1718 г. есть запись: «Деревня на городской стороне, на ключе словет Гладышева», где названы Дмитрией Осипович и его брат Максим Осипович Гладышевы⁸ – внуки Артемия Гордеевича.

¹ Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 159. Л. 27.

² Роднов М.И. Указ. соч. С. 33.

³ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 625.

⁴ Кунгурские акты XVII века (1668–1699 г.) / Ред. А.А. Титов. СПб., 1888. С. 102, 103.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 500. Л. 439.

⁶ Тарасова Т.В. Гладышевы в Уфе (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Река времени. 2025. С. 48.

⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 440. Л. 166 об.

⁸ Там же. Л. 186 об.

В той же переписи 1718 г. записана «Деревня на городской стороне, над озером Ашкитаром. Во дворе Уфинских иноземцов и новокрещенов», где указан прапорщик Дмитрий Васильев сын Гладышев с братьями Никифором и Степаном¹ – внуками Максима Дмитриевича.

Потомки Степана Гордеевича Гладышева также отмечены в Ландратской переписи: в записи «Деревни за Белою рекою, на озере Сыркуле» назван дворянской сын Илья Лукьянов сын Гладышев², внук Степана Гордеевича. В ревизии 1762 г. упоминается уже сын Ильи Лукьяновича, Александр Ильич Гладышев³, правнук Степана Гордеевича.

Представители этой семьи на протяжении нескольких поколений непрерывно служили в войсках – от стрелецкого головы и уездных воевод XVII в. до офицеров гарнизонных и драгунских полков XVIII в. В ревизиях 1718, 1747, 1762 гг. упомянуты:

– прапорщик Дмитрий Васильевич Гладышев с семьёй и дворовыми людьми⁴;

– отставной вахмистр Василий Фёдорович Гладышев⁵;

– «отставного вахмистра Никифора Гладышева жена ево, вдова Наталья Ильина дочь, с сыном своим родным Алексеем»⁶;

– капрал Казанского драгунского полка Пётр Иванович Гладышев⁷;

– «во приданство за женою Авдотьей Петровой, дочерью Колакольцовой доставшая по наследству от отставного порутчика Ивана Дмитриева сына Гладышева»⁸;

– вахмистр Уфимского драгунского полка Александр Ильич Гладышев⁹;

– подпрапорщик Казанского драгунского полка Фёдор Дмитриевич Гладышев¹⁰;

– «бывшего в дворянских ротах порутчика Ивана Дмитриева сына Гладышева, жена ево Наталья Филипова дочь»¹¹;

– отставной капрал Иван Иванович Гладышев¹².

¹ Там же. Л. 189.

² Там же. Л. 167.

³ Там же. Оп. 2. Д. 3794. Л. 313.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 440. Л. 189.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 3792. Л. 121.

⁶ Там же. Д. 3794. Л. 212 об.

⁷ Там же. Л. 250 об.

⁸ Там же. Л. 276 об.

⁹ Там же. Л. 313.

¹⁰ Там же. Л. 353.

¹¹ Там же. Л. 372 об.

¹² Там же. Л. 375.

А к середине XIX в. в документах уже упоминается поручик Иван Иванович Гладышев, судья второй расправы Троицкого нижнего суда, и его сын генерал-лейтенант Евграф Иванович Гладышев. Такое служебное продвижение представителей рода в течение нескольких поколений говорит о сохранении и развитии их положения в дворянской среде. Одновременно их старые поместья постепенно дробились и переходили к разным родственникам. Пока оставались сыновья, владения отходили им, а там, где мужская линия обрывалась, земля уходила через дочерей и вдов к другим фамилиям.

История рода Гладышевых позволяет проследить общие тенденции, характерные для провинциального дворянства. В XVIII столетии потребность в исполнении военной службы оставалась высокой, но, в отличие от эпохи Московского царства, теперь дворянин полностью и на долгое время отрывался от управления своими владениями. Гладышевы сумели закрепиться в рядах чиновничества, сохраняли в общем высокий социально-экономический статус.

Исчезновение некоторых поместий Гладышевых из ревизий и позднейших записей не связано с ухудшением имущественного положения. Оно объясняется совокупностью семейно-демографических причин: малым числом наследников по мужской линии, передачей владений дочерям в качестве приданого и вдовьями прожиточными жеребьями. Одновременно с этим потомки, происходящие от Артемия Гордеевича Гладышева, сохраняли и укрепляли своё положение уже главным образом как военный и чиновный род, а не как поместные владельцы Уфимского уезда.

Основатель Табынской крепости

Табынское – село в центре Башкортостана, в его долгой истории немало славных страниц, само название «Табынск» хорошо известно как на территории Южного Урала, так и за его пределами. Одна из таких страниц – основание в 1735–1736 гг. Табынской крепости, крупного военно-административного пункта в самом центре Башкирского края. По замыслу инициатора строительства крепости руководителя Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова, Табынск должен был стать также важным промышленным центром, где предполагалось дальнейшее развитие местного солеваренного предприятия на Усольских соляных ключах, а также открытие нового, медеплавильного завода. Для осуществления своих грандиозных замыслов по становлению и развитию «города Табынска» Кирилов нашёл достойного единомышленника и помощника в лице посадского человека, на тот момент управляющего Табынским соляным заводом-промыслом, Ивана Утятникова.

Если ранее об Иване Дорофеевиче Утятникове знали только как об основателе Табынска, то сейчас очевидно, что это был деятель весьма высокого уровня, проявивший себя как талантливый организатор, энергичный предприниматель и подданный Империи. Простое перечисление тех грандиозных процессов – строительство Балтийского флота, становление горнозаводской промышленности Урала и Сибири, деятельность Оренбургской экспедиции, в которых принимал активное участие Иван Утятников, позволяют сформировать образ одного из истинных первопроходцев, которые создавали величие России.

Материалы первой Генеральной ревизии 1720-х гг. по уездному городу Балахне позволяют довольно точно определить год рождения Ивана Утятникова. В июне 1721 г. с его слов была записана «сказка», где «балахонец, посадчий человек Иван Дорофеев сын Утятников сказал: ... от рождения ему сорок пять лет, у него крепостной купленной Семен Ефимов дватцети пяти лет¹, а прикащиков и ево дворовых людей и лавочных сидельцов у него нет, а десятой д(е)нги [налог с посадских и торговых людей – В.К.] и в другие поборы платит он по четырнатцети рублѣв по

¹ В 1746 г. Семён Ефимов «по данному от оного Утятникова отпускнуму письму по желанию ево ... отдан ис платежа подушных денег балахонскому купцу и завотскому содержателю Петру Осокину на имеющияся ево в Кунгурском уезде медные и железные заводы» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 216. Л. 83 об.).

семи гривен»¹. Перепись касалась только лиц мужского пола, поэтому во дворе могли также жить его жена или дочери, о которых мы ничего не знаем. Зато достоверно известно, что у Ивана имелся сын Илья, который в 1730-х гг. был взрослым². Почему его нет в «сказке» – неясно. Тем не менее, Иван самолично «приложил руку» к «сказке», по меньшей мере, знал грамоту³.

В 1721 г. ему исполнилось 45 лет, значит он родился в 1676 г. В 1674–1676 гг. в Балахне также проводилась перепись, в которой показано семейство Утятниковых: «Ивашко Микитин сын Утятников у него сын Доронка [Дорофей – В.К.] у Доронка сын Васка году»⁴. Ивана Дорофеевича нет, можно предположить, что он родился вскоре после переписи.

Интересно, что «Выпись из книги письма и [меры?] 7099 (1590/91) гг. Тимофея Хлопова и дьяка Семёна Суморокова на Зауольскую и Везломскую волости Балахольского (Балахинского) уезда» упоминает в деревне Степеево некоего Истомку Утятникова⁵, единственного на то время носителя этой фамилии.

Можно допустить, что Иван Утятников оказался в Табынском крае в 1730-х гг. или даже ранее жил там какое-то время. На это намекает реальное нахождение в Соловарном городке в 1696 г. его однофамильца (родственника?) отставного стрельца Максима Утятникова⁶, а также знание Иваном тюркского языка, необходимого для общения с башкирами⁷. Родился он всё же

¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 196. Л. 242. Уплата в виде налогов столь значительной по тем временам суммы свидетельствует о высоком уровне благосостояния Ивана, если не о богатстве. Впрочем, в Балахне были люди и значительно богаче, например, братья Осокины, или отец и сын Винокуровы, будущие компаньоны Утятникова по Табынскому промыслу, имевшие по несколько тысяч годового дохода (Там же. Д. 206. Л. 542 об. – 543).

² Там же. Ф. 248. Оп. 3. Д. 152. Л. 113 об. – 114 об.

³ Многие факты показывают, что для своего времени и положения он был весьма образован.

⁴ Материалы по истории Нижегородского края. Писцовая книга города Балахны 1674–1676 / Под ред. А.Я. Садовского // Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии. Сборник. Т. 15. Вып. 1. Н.-Новгород, 1913. С. 38.

⁵ Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века / Отв. ред. Н.А. Горская; Сост. Е.И. Кольчева, Н.П. Воскобойникова. М., 1997. С. 37.

⁶ Надо заметить, что Табынское Усолёе издавна было связано с Балахной, например, переписью 1647 г. на соляных варницах А. Жегулёва отмечены пять уроженцев Балахны и ещё несколько выходцев из Нижнего Новгорода, Юрьева-Повольского, Луха, Арзамаса (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 6468. Л. 130–137).

⁷ Курмаев В.Н. Красноустьинский: у истоков индустрии Башкортостана. Уфа, 2024. С. 116.

в Балахне, но где жил и что делал, по крайней мере, до 1710 г. пока неизвестно.

В это время шла Северная война, строился Балтийский флот, для чего требовалось огромное количество корабельного леса. Именно в связи с его поставками на верфи Петербурга появляется информация об участии в этом деле Ивана Утятникова. Примерно с 1710 г. для корабельного дела были организованы поставки дубового леса из Казанской губернии – на этот год указывает Сенатский указ от 27 февраля 1713 г., в котором казанскому коменданту Никите Кудрявцову предписывалось ежегодно готовить дубового леса на три корабля и доставлять его до Твери, используя наёмный труд уездных людей Казанской губернии, как это уже происходило с 1710 г.¹

Очевидно, на эти годы приходится начало организаторской деятельности Ивана Утятникова. Уже 27 февраля 1714 г. был издан императорский указ «с прочётом» о содействии подрядчику Ивану Утятникову в поставке дубового корабельного леса из Казанской губернии в Санкт-Петербург². Как много лет спустя утверждал сам Утятников, Пётр I лично знал его и за заслуги отметил своим указом³. Тем самым ему предоставлялись значительные льготы, поэтому в последующие годы Иван ещё какое-то время занимался поставками леса, что, очевидно, способствовало росту его авторитета и благосостояния. В 1718 г. документально подтверждается очередная поставка Утятниковым дубового леса «на постройку пушечного корабля» в Тверь⁴. В 1720 г. он подрядился у фендрика⁵ Семёновского полка А. Маркова поставить корабельный лес из Казанской губернии в Петербург при свободном пропуске его судов через Боровицкие и Ладжские пороги, кроме того, он пользовался правом беспошлинного провоза⁶. 6 июня 1722 г. Пётр I издал ещё один «Указ всем, кому ведать надлежит», чтобы содействовали во всём подрядчикам корабельных лесов Ивану Утятникову, Михаилу Лоушкину⁷ (перечислены ещё четыре человека) при доставке леса в «Санкт-Питербурх Волгою до Твери, Тверцою, Мстою, Волховым, и ни-

¹ ПСЗ РИ. Т. 5. № 2647. С. 15–16.

² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 14, вып. 1 (январь–июнь 1714) / сост., отв. ред. Т.А. Лаптева, Е.Е. Рычаловский. СПб., 2022. С. 87–88.

³ Любимов А.Г. Создание и деятельность духовных правлений на Южном Урале в XVIII веке. Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2021. С. 126.

⁴ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 105. Д. 105. Л. 568–588.

⁵ Фендрик – военный чин Российской империи, низшее офицерское звание, позднее – прапорщик, мичман.

⁶ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 535. Д. 22. Л. 428–441 об.

⁷ Ещё один будущий компаньон Утятникова на Табынском промысле.

каких сборов с них не брать»¹.

Свидетельством роста авторитета Ивана Утятникова в эти годы является подписанный его рукой в декабре 1722 г. документ, из которого следует, что Иван в это время занимал официальный пост бургомистра ратуши города Балахны². Вопрос о длительности пребывания его на этой должности не выяснялся, думается, оно было недолгим. Тем не менее, сам по себе факт является весьма показательным.

После смерти Петра I в 1725 г. ситуация в стране меняется. Видимо, у Ивана Утятникова дела пошли не так хорошо, как раньше, по крайней мере, уже не встречаются упоминания о его поставках леса вплоть до 1729 г. Известно, что в это время для заготовки корабельного леса активно использовался труд «лашманов» – представителей народов Поволжья, для которых работа на лесозаготовках с 1718 г. становится государственной повинностью. Это было выгодно государству, значительно сокращались расходы на строительство флота, но тяжелейшим образом сказывалось на положении нерусского крестьянства Поволжья³.

26 марта 1729 г. вышел императорский указ, по которому предполагалось «для облегчения определенных к работе корабельных лесов иноверцев и казенного прирбытка» вновь привлечь к заготовкам леса на один фрегат и две галеры наёмных подрядчиков⁴. Поиск таковых поручили капитан-командору Ивану Козлову. В июле того же года он доносил в Верховный тайный совет, что после объявлений о подряде «явился в Казанской лесной конторе подрядчик балахонец, купеческий человек Иван Дорофеев, [сын] Утятников, которой доношением и сказкою показал, что с одного фрегата и с двух галер от готовности и вывозки лесов на пристани, возмет он двадцать семь тысяч рублей, а меньше того не возмет, а других подрядчиков и поныне никого не явилось»⁵. При этом Утятников представил доношение, в котором весьма грамотно и обстоятельно, по пунктам обосновал запрошенную сумму и указал работы, которые предполагалось

¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 15. № 15. 1722 г. Л. 1.

² Там же. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 206. Кн. 2. Л. 542 об. В документе за личной подписью Ивана Утятникова сказано: «о сем доносят балахонской земской ратуши бурмистр Иван Утятников с товарищи 1722-го году декабря в 10 (? – неразб.) де(нь)».

³ См.: Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань, 2005. С. 132–168.

⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 101. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Ч. 8: июль–декабрь 1729 г. и январь–март 1730 г. СПб., 1898. С. 170.

⁵ Там же.

выполнить¹. Далее Козлов пишет, что такая цена значительно превышает расходы, которые ранее несла казна при оплате корабельного леса, и оставлял этот вопрос на усмотрение Верховного тайного совета². Как эта проблема разрешилась неизвестно, скорее всего, Утятникову отказали.

Не приходится сомневаться, что в эти годы он не сидел без дела, хотя трудно проследить, где находился и чем занимался этот подвижный и энергичный человек. В конце 1720-х гг. он приобщается к горнозаводскому делу.

В феврале 1728 г. посадские люди из Балахны, двоюродные братья Пётр Игнатьевич и Гаврило Полуэктович Осокины после почти годичной тяжбы с компанией московских купцов получили право на постройку Иргинского медеплавильного завода на Урале (ныне село Нижнеиргинское Свердловской области). В декабре 1728 г. завод выдал первую медь. Успех Осокиным сопутствовал во многом благодаря энергичным действиям приказчика Набатова.

Родион Фёдорович Набатов, старообрядец, знаменитый раскольничий книжник и агитатор, был монастырским крестьянином села Копосова вотчины Троице-Сергиева монастыря в том же Балахнинском уезде³, по некоторым данным – беглым. Но также он известен как крупный специалист медеплавильного производства. С его именем связано изготовление примерно в 1738–1740 гг. первого русского самовара на Иргинском заводе, строительством которого он руководил⁴.

¹ Там же. С. 171–174.

² Там же. С. 175–176.

³ Родион Набатов считается одним из идеологов старообрядчества на Урале и в Сибири. Между прочим, долгие годы сами Осокины официально считались монастырскими крестьянами Троице-Сергиевой лавры, даже когда они владели несколькими основанными ими металлургическими заводами, на которых трудились тысячи зависимых от них собственных людей. Только в 1756 г., после многолетних хлопот, они, наконец, были выведены из подушного оклада и им были пожалованы «чины директорские», при этом их обязали уплатить Троице-Сергиеву монастырю за своё освобождение 190 руб. (*Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. М., 1962. С. 497). Вероятной причиной такой волокиты могла быть их приверженность к старообрядчеству, которую они не очень скрывали. Но после того, как Осокины стали дворянами, «откинулись они от скита раскольничьяго» (*Модестов Н.Н.* Село Табынское и Вознесенская пустынь. Табынская икона Божией матери и крестный ход из села Табынского в г. Оренбург и другие места Оренбургской епархии // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. XXXI. Оренбург, 1914. С. 18).

⁴ *Корепанов Н.С.* Иргинский завод – родина русского самовара // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700–1950 гг. Т. 1. Екатеринбург, 1996. С. 191.

В это же время служителем (одним из приказчиков?) на Иргинском заводе становится Иван Утятников. Очевидно, Осокины старались привлечь к действию завода наиболее надёжных людей, в основном из своей среды – земляков, старообрядцев. Тогда же Утятников сблизился с Родионом Набатовым¹. Видимо, близкое знакомство с весьма образованным для своего времени человеком² впоследствии повлияло на его религиозную стойкость в конце жизни. С другой стороны, в это время Утятников знакомится с металлургическим (медеплавильным) производством.

На Иргинском заводе Утятников пробыл недолго. Уже в 1730 г. он вошёл в новую предпринимательскую компанию по организации Табынского соляного промысла.

В начале XVIII в. солеваренная промышленность России переживала не лучшие времена. Соль, являясь жизненно необходимым продуктом, всегда пользовалась повышенным спросом, поэтому приносила огромные прибыли тем, кто занимался её добычей и продажей. Правительство Петра I, остро нуждавшееся в средствах для ведения Северной войны и осуществления реформ, вполне резонно рассматривало солеварение как надёжный источник фискального дохода. Указом от 1 января 1705 г. была введена государственная монополия на продажу соли. Была установлена закупочная цена, по которой солепромышленники обязаны были поставлять произведённую соль в казну. Она могла составлять не более 200% от себестоимости, в то время, как казна продавала соль в среднем на 600% дороже того, во что она обходилась солепромышленникам³.

С одной стороны, производители соли вроде бы всё равно покрывали свои расходы и могли рассчитывать на существенную прибыль, но, с другой, всё зависело от конкретных обстоятельств. После бурного развития солеваренной промышленности в XVI–XVII вв., большинство промыслов, располагавшихся в центральной России и в Поволжье, стали истощаться. Предприятия, варившие соль из морской воды, не отличались высокой произ-

¹ Возможно, с этим знакомством связано то, что значительно позже (в 1777 г.) в Табынске проживал внук Родиона Семён Варфоломеев сын Набатов (ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 75. Д. 25. Л. 1262). Отец Семёна Варфоломей был приказчиком на Авзянском заводе, в 1773 г. повешен пугачёвцами за отказ отливать пушки и бомбы для бунтовщиков (1773–1775 – война без правил: четыре стороны конфликта / сост. И. Славин. Челябинск, 2021. С. 131).

² *Корепанов Н.С.* Уральские старообрядцы и европейские горные специалисты в XVIII в.: проблема взаимодействия // Немцы на Урале XVII–XXI вв. Нижний Тагил, 2009. С. 22.

³ *Махрова Т.К.* Государственное регулирование соляного промысла на Урале в конце XVIII – первой половине XIX веков // Правопорядок: история, теория, практика (Челябинск). 2015. № 3 (6). С. 87.

водительностью и были достаточно удалены от торговых центров (Белое море). В наиболее выгодном положении оказались богатейшие пермские промыслы, которые, хотя и находились также в значительном удалении, но они располагались в бассейне реки Камы в её верхнем течении, а Кама была важной торговой артерией страны.

Казна рассчитывала получить большой доход от введения монополии на соль, но прибыли оказались не столь велики, зато добавилась масса проблем по скупке соли у солепромышленников и её последующей реализации, в целом наметилась тенденция к снижению производства. В 1727 г. был принят «Устав о соли», которым фактически монополия отменялась и возвращаласьвольная продажа¹. Вновь создаются благоприятные условия для открытия новых предприятий. Именно в это время балахнинские купцы Винокуровы, владевшие несколькими соляными варницами в Балахне, видимо, вспомнили о заброшенном Табынском соляном промысле в Башкирском крае². Столь серьёзное мероприятие, как открытие нового завода в малоосвоенной и враждебной местности, требовало основательной подготовки. Очевидно, претенденты заблаговременно собрали необходимую информацию о Табынских соляных источниках, определённо знали, что они по своим качествам не уступают пермским. Несомненно, учли они и то, что ключи находятся недалеко от судоходной реки Белой, что решало проблему снабжения предприятия и транспортировки готовой продукции.

18 декабря 1729 г. и 8 января 1730 г. Ефрем Винокуров и его сын Андрей подали прошение³ о разрешении им восстановить солеваренный завод на Табынских соляных источниках⁴. 30 мая 1730 г. вышел императорский указ с таковым разрешением. Ещё до выхода указа Винокуровы посчитали необходимым привлечь к этому делу богатых, опытных и влиятельных земляков-предпринимателей, справедливо полагая, что новое предприятие потребует больших финансовых вложений. Так образовалась купеческая компания, в которую, кроме Винокуровых, вошли братья Осокины – Василий, один из богатейших купцов Балахны, упомянутые выше Пётр и Гавриил, владельцы

¹ Там же.

² В 1699/1700 г. в Табынском Соловарном городке стрелецким головой был некий Мокей Винокуров – возможно, родственник упомянутых солепромышленников (*Курмаев В.Н.* Указ. соч. С. 115).

³ Неясно, они дважды подавали прошение с одним текстом, или же прошения отличались? Подавалось прошение ещё на имя императора Петра II, но разрешение выдавалось уже правительством Анны Иоанновны.

⁴ РГАДА. Ф. 353. Оп. 1. Ч. 2. Д. 771. Л. 157–158.

Иргинского завода, Михаил Лоушкин, бывший компаньон Утятникова по лесопоставкам, также имевший соляные варницы в Балахне, и сам Иван Дорофеевич¹. Доли вложенных капиталов распределялись следующим образом: Винокуровы – 1/4 часть, Василий и Пётр Осокины – 1/3 часть, Гавриил Осокин и Михаил Лоушкин – 1/3. Вклад Ивана Утятникова составлял 1/12 часть². Его относительно малая доля, очевидно, объяснялась ограниченными финансовыми возможностями, а также на него легли обязанности по организации работы нового промысла.

В 1707–1708 гг. в ходе башкирского восстания («Алдаро-Кусумовский бунт») в очередной раз был разрушен соляной промысел на речке Усолке (на территории современного курорта «Красноусольск») и Табынский Соловарный городок, тогда (в конце XVII – начале XVIII вв.) находившийся на месте современного села Табынского, близ устья р. Усолки³. Компаньоны взялись за восстановление первого крупного промышленного предприятия на Южном Урале, существовавшего, хотя и с перерывами, по меньшей мере, с рубежа XVI–XVII вв.

В немногочисленных документах XVII в. по этой местности есть указания, что территория в долине Усолки являлась государственной собственностью: «та земля ... Великого Государя», проживавшие по соседству башкиры также признавали таковой её статус, заявляя, что до этой земли им «дела нет»⁴. Но, как писал Р.Г. Игнатъев именно о здешних местах: «особенно начало XVIII века было время всякого произвола и захвата чужих земель; таким образом брошенная земля переходила из рук в руки»⁵. В результате башкирского восстания 1704–1711 гг., после разрушения промысла и Соловарного городка, когда русское население надолго покинуло эту местность, земля запустела и башкиры Табынской волости заняли её явочным порядком.

Правительство Анны Иоанновны придавало большое значение вопросу принадлежности земель близ соляного промысла. Как было сказано в указе: «а ежели вышеписанныя ключи имеютца подлинно в башкирских вотчинах, и тоя землю оным балахонцам Винокуровым у них, башкирцов, нанять или купить добровольно, дабы обиды и тем промыслам остоновки и помешательства не было»⁶.

¹ Там же. Л. 157 об.

² ПСЗ РИ. Т. 10. № 7318. С. 212–213.

³ Курмаев В.Н. Указ. соч. С. 47.

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1262. Л. 2.

⁵ Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. IV: 1873 год. Уфа, 2011. С. 277.

⁶ РГАДА. Ф. 353. Оп. 1. Ч. 2. Д. 771. Л. 157–158.

В октябре 1730 г. уфимский дворянин Фёдор Жилин был направлен на соляные ключи с целью выяснить у местных жителей, каков был статус земли, в прежние времена отводившейся солепромышленникам. В инструкции было сказано, что если земля отводилась на основании царских указов, следовательно, являлась государственной, то надо просто восстановить грани на рубежах. Если же она «явится в башкирских вотчинах», то солепромышленники должны были арендовать или купить её у владельцев. Жилина сопровождал Иван Утятников.

Собрание местных жителей, башкир и татар окрестных деревень, без споров признало права государства на землю. Более того, они изъявили готовность восстановить грани, расположение которых они хорошо знали, и вместе с Утятниковым составили договорное письмо¹. Некоторые исследователи полагают, что это был договор аренды земли у башкир. В 1737 г., уже после очередного разрушения завода, Кабинет министров принял резолюцию, где упоминается договор, который от имени солепромышленников Утятников заключил с башкирами, но он не назван договором аренды, зато отмечено, что по этому документу «они (башкиры – В.К.) не должны впредь того завода разорить и никакого вреда делать»².

Может показаться удивительным, что башкиры практически сразу признали права солепромышленников на земли около соляных ключей и не возражали против восстановления производства, хотя они уже на протяжении двух десятков лет являлись фактическими владельцами этой территории. Очевидно, исходя из опыта длительного соседства с солепромышленниками едва ли не всего XVII и начала XVIII в., башкиры понимали, что такое соседство им выгодно. И дело не только в том, что по договору солепромышленники обязались ежегодно изготавливать для башкир по нескольку железных предметов, необходимых в их быту, выплачивать в виде подарка по 1–2 руб. денег³, как это, видимо, практиковалось ранее. Возможно, и при прежних солепромышленниках на межличностном уровне происходили какие-то контакты, осуществлялся взаимовыгодный обмен, устанавливались иные связи, хотя это не исключало эпизодически возникавших конфликтов. Очевидно, Утятников сумел найти взаимопонимание, в последующие годы он пользовался огромным авторитетом у местного башкирского населения.

¹ Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139. Л. 505 об. – 506.

² ПСЗ РИ. 1737 г. № 7317. С. 211.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139. Л. 506.

Уже осенью 1730 г. под руководством Утятникова начинаются работы по восстановлению соляного промысла. В 1731 г. «компанейщики» сообщали в Соляную контору, что на Табынском промысле действуют две соляные варницы¹, в 1732 г. на Табынском и на расположенном в Кунгурском уезде Бардинском² промыслах «ещё строением в совершенство приходят восемь варниц, в которых надеются варение соли начать в том 1732 году». Ко времени разрушения Табынского промысла в 1735 г. на нём действовало 6 варниц³.

Всего за время действия предприятия выработали 86 061 пуд. 35 ф. соли, которая продавалась в Уфе, Каракулино, Бирске, Мензелинске, Заинске, Старошешминске, Новошешминске, но в основном в Нижнем Новгороде⁴. В 1737 г. Иван Утятников высказал предположение, что, если бы не разорение 1735 г., то соли можно было вываривать до 70 тыс. пуд в год⁵. Предприятие представляло собой сложный производственный комплекс, включавший непосредственное производство соли (варницы), заготовку огромного количества дров, транспортировку топлива и готовой продукции (гужевой транспорт, лады-струи). Табынский завод являлся крупным промышленным предприятием, вовлечённым во всероссийский рынок.

Решал Утятников и проблему обеспечения завода рабочими кадрами. Что касается квалифицированных специалистов соляного дела, то в 1731 г. он писал, что «в работу рабочих людей нанимают из Нижегородского, Балахонского и Юрьевца-Повольского уездов с великою передачею, ибо ... промыслы от ... городов Кунгура и Уфы в дальнем расстоянии, а в Кунгуре и в Уфе, и в уездах нанять некого»⁶. Основную массу черноработного люда завезли из мест, сравнительно недалёких – Осокины просто перевели часть своих работников с Иргинского завода.

Контингент работников заводов Осокиных формировался своеобразно. Ещё в ходе строительства Иргинского завода вышеупомянутый приказчик Родион Набатов добился права для своих хозяев принимать пришлых людей с перспективой их за-

¹ Там же. Ф. 353. Оп. 1. Ч. 2. Д. 771. Л. 5.

² Одновременно с Табынским промыслом, Осокины начали освоение Бардинского соляного промысла в Кунгурском уезде, недалеко от их Иргинского завода (*Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 217–218). Но он оказался значительно беднее Табынского, в связи с чем был закрыт в 1754 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 4206. Л. 118).

³ Там же. Кн. 139. Л. 509.

⁴ Там же. Ф. 353. Оп. 1. Ч. 2. Д. 771. Л. 171 об. – 172 об.

⁵ Там же. Л. 156.

⁶ Там же. Л. 5 об.

крепления, и покупать безземельных крестьян. Пришлые люди непонятного происхождения составили основу их рабочей силы. В 1732 г. Кунгурская воеводская канцелярия жаловалась на иргинцев в Екатеринбург: «приходят пришлые люди многое число непрестанно и показывают, что они тех заводов работные люди, а какие они подлинно и откуда уроженцы – того не объявляют, а оных заводов приказчики о том вида не дают». Несколько лет спустя выяснилось, что почти все эти люди – беглые раскольники из Нижегородской губернии¹. Сам приказчик Набатов, как следует из жалобы старцев Троице-Сергиева монастыря, переселился на завод вместе с семьёй «без всякого указного паспорта и отпуска» духовных властей. Более того, он «сманил» на завод всех своих родственников и других тяглых крестьян в количестве 69 душ м. п., «которые по тому ево, Набатова, подговору без увольнения от Троицкой лавры и без данных им пашпартов в разных годех на той ево, Осокина, завод овые одни, а другия з жёнами и з детьми перебрались»². Часть этих людей оказалась на Табынском промысле. В 1735 г. там было 46 дворов³, в них проживало не менее 100 работников, без женщин и детей⁴.

Своеобразно было организовано снабжение работников соляного завода продовольствием. При заселении большинства уральских горных заводов в XVIII в. работники обычно получали от заводоладельцев надел земли и должны были сами заниматься сельским хозяйством, чтобы обеспечить себя и семью продуктами первой необходимости, являлись своеобразными рабочими-крестьянами. Судя по отрывочным данным, также обеспечивались продовольствием работники Табынского солеваренного промысла, по меньшей мере, с середины XVII в.

А под руководством Утятникова, похоже, вся обрабатываемая земля («завоцкие поля») не разделялась по отдельным дворам работников. Обрабатывалась она, надо полагать, силами специально для этого назначенных рабочих людей, остальные должны были заниматься непосредственно заводскими работами, или строительными, в зимнее время, свободное от полевых работ, происходила заготовка дров этими крестьянами. Продукция, получаемая в этом обширном хозяйстве, поступала на заводские склады, из которых распределялась по мере необходимости между всеми работниками, как и некоторые товары, которые закупались где-либо на стороне. Очень похоже на подсобное хозяйство при крупном промышленном предприятии.

¹ *Корепанов Н.С.* Иргинский завод – родина русского самовара. С. 191–192.

² *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 496–497.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139. Л. 507 об.

⁴ *Курмаев В.Н.* Указ. соч. С. 121.

Учитывая большое содержание соли в Табынских источниках и высокую производительность завода, у предприятия были благоприятные перспективы. Несмотря на то, что как раз в 1731 г., когда завод только начал действовать, вновь была введена государственная монополия на продажу соли¹, компаньоны не пошли на сокращение производства, а, наоборот, как было показано выше, в 1732 г. построили ещё четыре варницы. В связи с большими расходами на строительство, компания в 1734 г. вынуждена была взять ссуду у государства в размере 8 тыс. руб.² Предполагалось выплатить долг произведённой солью в течение 1735–1736 гг. Но в июле 1735 г. начинается самое крупное и кровавое в истории Башкирии восстание.

Активные массовые действия повстанцев начались с нападения на Табынский завод 7 июля 1735 г., практически одновременно со столкновением башкир с ротами Вологодского полка в районе горы Зирган. 14 октября того же года Утятников составил обстоятельную ведомость, в которой показал, что в результате пяти «подъездов» (нападений) башкир было уничтожено и разграблено различного заводского имущества на сумму 27331 руб. 32 ½ коп., убито при столкновениях 6 работников («наёмщиков служащих»), в т. ч. трое татар³, один захвачен в плен⁴. После полного разрушения завода уже не было смысла оборонять это место, поэтому «принуждён он ... Утятников с того завода сойтить на пристань («пристанскую поляну» – В.К.) и своими наёмными людьми построил город Табынск»⁵.

¹ Махрова Т.К. Указ. соч. С. 87.

² ПСЗ РИ. 1737 г. № 7317. С. 212.

³ Каким образом татары оказались в числе заводских работников, не вполне ясно, скорее всего, это были жители татарско-мордовской деревни Тюлькас, располагавшейся на территории нынешнего села Красноустьинского, совсем рядом, в 4–5 км от соляного промысла, и появившейся ещё в начале XVII в. как поселение «усольской мордвы», работавшей на Усолье (Курмаев В.Н. Указ. соч. С. 151–154). Видимо, в последующее время, когда действовал соляной промысел, её жители также участвовали в работах, например, на заготовке дров. Исчезла деревня, скорее всего, именно в связи с восстанием 1735–1740 гг., по данным 2-й ревизии 1748 г. она фиксируется в другом месте – «деревня Тюлькас на речке Берешлы» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 3792. Л. 160 и об.). Берешлы – левый приток р. Усолки километрах в пяти от Красноустьинского ниже по течению.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139. Л. 507–508 об.

⁵ Там же. Л. 508 об. Не вполне ясно, где именно начиналось строительство этого нового «города Табынска». По традиции считается, что он был поставлен у подошвы горы Воскресенской в 3 км от современного Табынска, где действительно прослеживаются очертания старинного поселения, очевидно, острога. Но его небольшие размеры не позволяют предполагать, что в столь малом укреплении могли размещаться продолжительное время (не

К этому времени Утятников был хорошо известен И.К. Кирилову, руководителю Оренбургской экспедиции, который ещё при её подготовке придавал большое значение укреплению бывшего Табынского Соловарного городка. В его лице Кирилов нашёл единомышленника и помощника в реализации своих грандиозных планов, поэтому стремился обеспечить ему соответствующие полномочия, так как до этого времени Утятников действовал как частное лицо, защищавшее свою и «компанейскую» собственность¹. После успешного отражения множества атак повстанцев Кирилов «его, Утятникова, определил камисарским чином, и о том нижайше просил на чин ево конфирмацы. И по имянному Ея Императорского величества ... указу ... состоявшемуся февраля 11 1736 [году], по 1 пункту, помянутой соляного завода компанейщик Утятников за показанную ево верную службу во укреплении Табынска пожалован камисарским чином»². Таким образом, Утятников становится главным представителем государственной власти на обширной территории центральной Башкирии.

В июле 1736 г. Иван Кирилов с воинской командой прибыл в Табынск, где 14 июля заложил «земляной город Табынск о 5-ти бастионах»³. Тогда же он поставил перед Утятниковым задачу до осени в основном завершить строительство укреплений, а также «при том же Табынском ... сделать на первой случай малой мед-

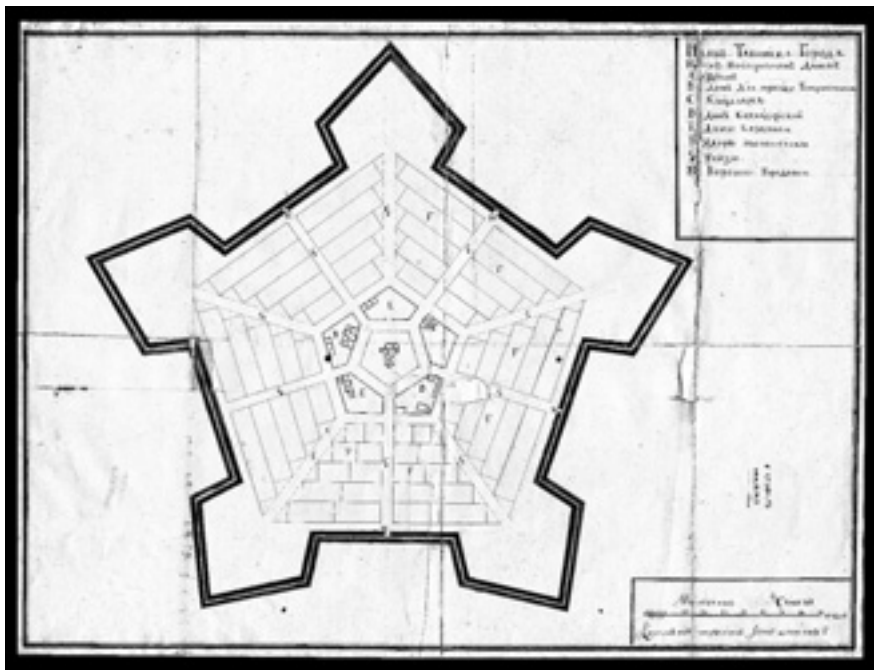
менее года) довольно многочисленные работники промысла с семьями, два капральства солдат (50–60 чел.), артиллерия со служителями и пр. Скорее, это была «ставка», усадьба с острогом самого Утятникова, что отчасти согласуется с данными И.И. Лепёхина (*Лепехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российскаго государства в 1770 году. СПб., 1772. С. 2). Основная часть рабочих людей, очевидно, поселилась близ пристани, где и ранее были амбары и прочие подсобные строения, а в 1735 г. были возведены дополнительные укрепления.

¹ До этого времени Утятников по-прежнему числился посадским человеком в подушном окладе города Балахны. Но с 1735 г. «потерялся», балахинские администраторы не знали, где он находится. В 1746 г. во время 2-й ревизии в ведомости «убылых» записано, что Иван Дорофеев сын Утятников бежал в 1735 г. в возрасте 59 лет (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 216. Л. 60).

² Там же. Л. 502. Чин комиссара в XVIII в. означал чиновника особых поручений, которых ставили во главе важных объектов, областей, глава гражданской администрации определённого округа.

³ Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т. VI. Уфа, 2002. С. 214. Иногда этот день считают датой основания Табынска. На наш взгляд, точной даты нет, условно таковой можно считать октябрь 1735 г., когда основная масса работников соляного промысла поселилась на «пристанской поляне».

ной завод, на котором будет 9 плавильных печей ... То городское и заводское строение положил исправить табынскому комисару Утятникову»¹. Кроме того, согласно упомянутому выше указу от 11 февраля 1736 г., в Табынске учреждалось казачество, организацией которого также должен был заниматься Утятников.

План города Табынска, 1735 г.² Составлен поручиком И. Шишковым
(РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1. Л. 1)

Надо признать, что Утятников вполне успешно справлялся с поставленными перед ним задачами. В первую очередь это касается строительства укреплений Табынска. Уже через полгода, в январе 1737 г., Кирилов писал в Сенат: «Табынск... настоящим городом учинён и земляной вал округлостью две версты зделан...». Кроме того, «медной завод ноября 28 дня [1736 г. – В.К.] ... камисаром зачат и назван Воскресенским». Соляной же промысел было решено не восстанавливать³.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139. Л. 503.

² Датировка 1735-м годом вызывает сомнения, так как сооружённых укреплений не было до осени 1736 г. Если же дата верна, то это, скорее, план предполагаемого города, который ещё предстояло построить.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139. Л. 503.

В условиях продолжающегося башкирского восстания сложно продвигалось строительство медеплавильного завода у подошвы Воскресенской горы, буквально рядом с утятниковским острогом. Думается, именно этим был обусловлен такой выбор места для завода, в первую очередь из соображений безопасности. Как позже было признано специалистами, такой выбор был неудачным из-за маловодия речки, где была построена заводская плотина, а известные на тот момент рудники не могли обеспечить потребности завода¹.

С учреждением гарнизона в Табынске появился комендант, но фактически власть оставалась в руках Утятникова, распространяясь и на военную сферу. Так, он непосредственно занимался комплектованием табынского казачества, записывая туда самых разных людей, в т. ч. из своих бывших работников промысла, а также ссыльных и беглых. Много лет спустя, в 1782 г., атаман табынских казаков Шебанов представил рапорт со списком казаков и указанием их происхождения. За минувшие годы из первоначального состава много людей выбыло, но которые сами или их отцы стали казаками в 1736 г., были записаны Утятниковым².

Восстание продолжалось, из Табынской крепости время от времени проводились карательные операции, которые он возглавлял лично³. Но в большей степени Утятников занимался умиротворением повстанцев, склоняя их к принесению повинной и отходу от восстания. Известный эпизод пленения Утятниковым одного из главнейших руководителей движения Кильмяк-абыза тоже следует рассматривать как результат длительного убеждения его в бессмысленности продолжения борьбы⁴. В декабре 1737 г. опальный уфимский воевода С. Шемякин обвинял Утятникова в том, что он не брал у бунтовавших башкир «штрафных» лошадей, а вместо этого записывал их сыновей в Табынские роты в драгуны⁵. Несколько позже, в 1739–1740 гг., тогдашний начальник Башкирской комиссии Л.Я. Соймонов возражал на это: «на Утятникова из башкирцов ни одного просителя [обвинителя, жалобщика – В.К.] не было... но присовокупил своим приласканием к Табынску более тысячи члвк, кото-

¹ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 231.

² Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 5. Оренбург, 1905. С. 35. В публикации список представлен не полностью.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 307. Л. 186.

⁴ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. С. 345, 346, 361, 362, 385, 386; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 152. Л. 111.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 307. Л. 186 об.

рые и ныне состоят в верности и были в партиях против воров башкирцов неоднократно, и во 737-м году при мне были в походе в горах»¹. Действительно, по данным на июнь 1740 г. в команде табынского коменданта С. Кублицкого, состоявшей из 1336 чел., кроме солдат и казаков находилось «верных башкирцов 963»².

Обвиняли Утятникова и в том, что он «выпускал пойманных воров башкирцов из города Табынска изо взятков ночью тайно»³, на что сам Утятников возражал: «им, камисаром, болея 40 члвк отпущено в такой силе, что он ... до Уфы отлучался, а без него де капитан Кулик-Дорогомир [военный комендант Табынской крепости в начале 1737 г. – В.К.] без разсуждения всякого звания людей сажал под караул, и он де, камисар, по прибытии из Уфы, разобрав, с писменным видом верных в дом отпускал»⁴. В ноябре 1737 г. большая группа старшин Ногайской и Сибирской дорог отправила письмо «Господину камисару Ивану Дорофеевичу» с просьбой остановить нападения на них «верных» башкир, находившихся в его подчинении⁵. В том же месяце они наставляли своего посланца: «скажи камисару Утятникову, что де он к ним был отец, как бы де нибудь дело их поскорее поправил, (то есть им, вора́м, прощение получить без их взятья, изменниками бы де не называли их)»⁶. Также Утятникову приписывали, будто он «похвалялся, Килмяк и все воры башкирцы спрашивают ево, Утятникова, буде велит воровать, воруют, а не велит перестанут»⁷. Понятно, что, даже если это действительно было, вряд ли это было сказано всерьёз. Но всё в достаточной мере показывает, что Утятников пользовался огромным авторитетом среди местных башкир и в целом успешно справлялся с функциями администратора.

14 апреля 1737 г. умер Иван Кириллович Кирилов. Главой Оренбургской экспедиции становится Василий Никитич Татищев, выдающийся государственный деятель, экономист, историк, будущий автор «Истории Российской». Он весьма неприязненно относился к Кирилову и его начинаниям, заступив на новый пост, стремился изменить или отменить многие из них. Если

¹ Там же. Л. 196 об.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / Отв. ред. А. Чулошников. М.; Л., 1936. С. 432.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 307. Л. 186.

⁴ Там же. Л. 208 об.

⁵ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. С. 488–489.

⁶ Там же. С. 490.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 307. Л. 186.

Кирилов придавал очень большое значение Табынску и много сделал для его развития, то Татищев не только не способствовал осуществлению кириловских проектов, но и пресёк некоторые из них, например, остановил строительство Воскресенского завода¹, прекратил финансирование созданного табынского казачества, вследствие чего в течение нескольких лет казаки едва ли не все разбежались².

А в конце 1737 г. наступил черёд Утятникова. В 1739–1742 гг. в отношении самого Татищева в течение нескольких лет велось следственное дело, в ходе которого свидетели давали показания о событиях более раннего времени, касавшиеся не только его, но и многих окружавших его лиц, в т. ч. табынского комиссара. В частности, полковник Тевкелев сообщил, что «по злобе за произвождение Кириловым [Утятникова в комиссары – В.К.] он, Татищев, в 737-м году, призвав его в Самару якобы для щёту, и взял с него 200 рублей, а по возвращении в Уфу от Табынского городка отрешил и послал в Сибирские дальние заводы». Деньги же Утятников отдал якобы для того, чтобы его не посылали в Сибирь. Правда, несколько позже Тевкелев изменил показания: «оной Утятников сыскивал, чтоб ему от команды и от нападков ево, Татищева, отдалится, за что ему во взятку и деньги давал»³. При всей невероятности, данная версия, кажется, имела некую основу для существования⁴.

¹ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 231. Вероятно, с технологической точки зрения завод был расположен неудачно, на маловодной речке, но отсутствие поблизости медных рудников не могло быть сдерживающим фактором – спустя всего 15 лет в этой же местности (на 10 км южнее) был построен Богоявленский завод, 135 лет работавший на привозной руде.

² Курмаев В.Н. Указ. соч. С. 128.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 152. Л. 111 и об., 113 об. Возможно, определённую роль в отстранении Утятникова Татищевым сыграл дворянский снобизм. Многие знатные особы не могли сдерживать неприязни к «выскочке», добившегося такого авторитета: «а он, Утятников, невоенной, балахонец посацкой, к тому ж и раскольщик, и военных людей в команду ему отдавать, мужику, не надлежало» – так говорил, например, бывший уфимский воевода Шемякин (Там же. Д. 307. Л. 187).

⁴ Будучи близок императору Петру I, Василий Никитич однажды «искренне доказывал ... преобразователю России, что разумная взятка поощряет полезное для государства служебное рвение взяткополучателя. Уже при Анне Иоанновне разоблачение соответствующих этой теории действий начальника Монетного двора В.Н. Татищева грозило ему немалыми неприятностями. Императрица, правда, замяла дело, памятуя о заслугах Татищева во время борьбы при её восшествии на престол. Однако Татищев получил не оправдание, а лишь помилование» (Покровский Н.Н. Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 72).

Следственное дело не могло завершиться без допроса всех свидетелей. Утятников в это время (1740–1742 гг.) уже был в Сибири, поэтому следственная комиссия, действуя через Генерал-берг-директориум¹, получила, наконец, его письменный допрос. Надо отдать должное Ивану Дорофеевичу, он не стал опускаться до мести за все неприятности и лишения, причинённые Татищевым. Находясь вдали, Утятников показал, что заплатил Татищеву, но не взятку: «270 рублёв заёмных у него, Татисчева, он, Утятников, по купечеству за прежняго своего компанейщика Петра Осокина ему в платёж отдал, не во взятку и не от нападков ево, Татисчева»². Василий Никитич был оправдан.

Таким образом, в 1738 г. Утятникова отправили (сослали?) в Забайкалье, на Нерчинские серебряные заводы. Путь был не близкий. Мы не знаем, когда точно Утятников туда отправился, но на месте он оказался, видимо, почти через год, в ведомости приписных служащих по Нерчинскому серебряному заводу сказано: «Камисар Иван Утятников 1739 генваря с 17 сего года и поныне обретаецца тамо»³. Вскоре его опять привлекли к медеплавильному делу, недалеко от Нерчинского завода были обнаружены залежи медной руды, с 1729 г. близ них велось строительство Курунзулайского медеплавильного завода. Но специалистов не оказалось, стройка растянулась на 10 лет. Только в 1739 г. стараниями едва ли не крупнейшего в то время знатока горного дела Н.Г. Клеопина⁴ и комиссара Утятникова завод начал работать⁵.

Очевидно, комиссар также обеспечивал и успешное производство серебра. По итогам работы в Нерчинске Утятников был удостоен благодарности «за добропорядочную службу», многие специалисты и другие высокие чины хорошо его знали и ценили, в том числе упомянутой Никифор Клеопин⁶.

Находясь в Нерчинске, Утятников ещё раз удивил администраторов неординарным поступком: прислал в Главное правление Сибирских и Казанских заводов просьбу о вычете из его жалования «за себя и за сына ево ... подушных и за раскол денег»⁷.

¹ Главное государственное учреждение России, ведавшее горным делом.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 152. Л. 114 об.

³ Сафронова А. Горнозаводская администрация Урала в постпетровскую эпоху: новые данные // *Quaestio Rossica* (Екатеринбург). Т. 9. 2021. № 4. С. 1384.

⁴ См.: *Корепанов Н.С.* Никифор Клеопин. Екатеринбург, 2014.

⁵ Мясников А.В. К истории возникновения медной промышленности Забайкалья // *Регион в приграничном пространстве*. Ч. 2. Чита, 2016. С. 20.

⁶ Любимов А.Г. Указ. соч. С. 126.

⁷ Там же; РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 317. Л. 23.

В то время старообрядцы подвергались жесточайшим гонениям, для них была введена двойная подушная подать, они по возможности скрывали свои убеждения. Столь демонстративное признание приверженности к расколу могло сулить Утятникову новые, ещё большие неприятности. Ничего не известно о последствиях этого поступка, возможно, всё обошлось, благодаря его авторитету.

О дальнейших событиях в жизни Ивана Дорофеевича мало сведений. Известно только, что она круто изменилась после того, как его сын совершил какое-то преступление и бежал. В 1749 г. Утятников по его просьбе был «отпущен для собственного потребления до городов Москвы, Оренбурга и Тобольска»¹, и исчез. Возможно, какое-то время искал сына, а потом ушёл в раскольничьи скиты за рекой Яик.

В начале 1750-х гг. раскольники на Яике, на территории расположения Яицкого казачьего войска, подвергались необычайно суровым репрессиям – скиты разорялись и сжигались, особенно упорных ревнителей старины бросали в тюрьмы, подвергали пыткам, ссылали на каторжные работы. Связано это было с тем, что в декабре 1752 г. некий раскольничий старец под пытками показал, что среди старообрядцев ведётся активная агитация за массовый побег на Кубань². Со временем выяснилось, что информация недостоверная, тем не менее, за дело взялась Военная коллегия. В первой половине марта 1753 г. бригадиры Тевкелев и Бахметьев³, принимавшие участие в разорении скитов, донесли оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву⁴, что пойманы 65 чел., в т. ч. семь «ересеначальников», «и главного бывшего камисаром Ивана Утятникова, называвшагося по раскольнически Игнатием»⁵. В ответ на это доношение 23 и 26 марта Неплюев писал: «бывшаго комиссара Утятникова и других грамотных, хотя бы из простых, выслать в Военную колле-

¹ Любимов А.Г. Указ. соч. С. 126; РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 317. Л. 24 об.

² Витевский В.Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в половине XVIII в. Казань. 1877. С. 36–37.

³ Старые знакомцы Утятникова.

⁴ Неплюев также хорошо знал Утятникова и высоко ценил его (Любимов А.Г. Указ. соч. С. 126). 16 декабря 1744 г. он отправил Утятникову ордер с предписанием приехать в Уфу «для донесения его высокопревосходительству о находящихся в Башкирии солях и о протчих тамошних местах и пособиях ... подорожная при том ордере от его высокопревосходительства ... о даче ему, Утятникову, от Красноуфимска до Уфы трех подвод» (РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 317. Л. 24). Утятников к тому времени, видимо, вернулся на Иргинский завод.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 317. Л. 21.

гию»¹. Когда он находился в Военной коллегии, при допросе «увещевания от расколу» не принял, так и остался «в своей замёрзлости»².

На этом заканчиваются данные о комиссаре Иване Дорофеевиче Утятникове. Вряд ли он сумел пережить в своём 76-ти или 77-летнем возрасте содержание в застенках Военной коллегии. Видимо, прав был знавший его Пётр Иванович Рычков, когда писал, что Утятников «впал в явный раскол, в коем и жизнь свою несчастно окончил»³.

Иван Дорофеевич Утятников прожил яркую, богатую событиями жизнь, немало сделал для развития Российского государства. Для нас же особенно важно то, что он оставил след в нашей местной истории как основатель так и не состоявшегося «города Табынска».

Приложение.

«Карта течения реки Белой от верховий до Уфы».

В научно-исследовательском Отделе Рукописей библиотеки Российской Академии наук (НИОР БАН), в собрании рукописных карт (Ф. 35) находится уникальная карта, имеющая исключительное значение для исторического краеведения Республики Башкортостан. Она датируется серединой XVIII в. и называется «Карта течения реки Белой от верховий до Уфы», но фактически охватывает Бельскую долину от города Уфы до линии современного села Красноусольского и Красноусольских минеральных источников. Очевидно, автор данной карты максимальное внимание сосредоточил на окрестностях нынешнего Красноусольского, а его главной задачей было показать пункты и объекты именно этой местности. Но и ниже по течению Белой обозначены многие населённые пункты и географические объекты, располагавшиеся в незначительном удалении от реки; те, что располагались далее, не показаны вообще. Видимо, это и являлось целью создателя карты. Зато прибрежная полоса, деревни, притоки реки, всевозможные истоки, старицы и озёра, включая те, которые ныне не существуют (например, озеро Куккуль) показаны весьма тщательно и детально. Разумеется, имели место некоторые искажения, но для того времени это было неизбежно при отсутствии возможности точно измерить расстояния. Все карты фактически делались «на глаз». Тем не менее, высокий для сво-

¹ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С. 39.

² *Любимов А.Г.* Указ. соч. С. 126.

³ *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 383. Возможно, Рычков действительно знал обстоятельства смерти Утятникова.

его времени уровень проделанной работы позволяет предположить, что данную карту выполнил безымянный специалист, профессиональный картограф-геодезист. Несколько озадачивает то, что надписи на карте сделаны на французском языке.

Можно достаточно точно датировать изготовление карты 1735 г., т. к. именно в это время началось строительство отдельных элементов и укреплений Табынской крепости и, как видно на карте, она ещё не имела официального названия. Уже на следующий, 1736 г. ситуация в этой местности была несколько иной, в частности, уже не существовало Соловарного городка, показанного на карте, как и соляных варниц. Зато строилась Табынская крепость.

Выявленная карта предоставляет массу новой информации, наибольшее отражение получила ситуация в районе Усольских источников. Многие сделанные ранее предположения теперь подтверждаются картографическим материалом – расположение Соловарного городка близ соляных ключей, место бывшего острожка, строившегося ещё во времена солепромышленников-монахов Вознесенского монастыря, две деревни по речке Чесноковке, в то время ещё принадлежавшие Уфимскому Успенскому монастырю. Особый интерес вызывает присутствие на карте деревни Тюлькас, как предполагалось ранее, находившейся в XVII – начале XVIII вв. на месте современного Красноусольского. На карте она показана на правом берегу речки Тюлькас, это центральная часть посёлка. Севернее, на берегу р. Усолки, обозначен погост-кладбище, видимо, этой самой деревни. В этом месте Усолка раньше активно размывала крутой и высокий берег, разрушались могилы. Никто их не изучал, место считалось старым заводским кладбищем. Выявленная карта позволяет заключить, что старое заводское кладбище фактически было продолжением более раннего, жителей деревни Тюлькас, переселившихся с этого места в 1735–1740 гг. Очевидно, что ко времени основания завода в 1752 г. могилы ещё были отчётливо видны, новопоселенцы просто продолжили кладбище далее на запад. Интересно также, что обозначена сухопутная дорога от Усоля до Уфы, проходящая через Белую на левый берег в районе малоизвестного Курмантауского брода, вновь выходящая на правый берег около деревни Ямской и подходящей к городу Уфе с востока. Ещё живы старики, которые помнят об этой дороге.

Кроме новой информации, карта преподносит множество загадок, например, пять круглых непонятных значков с крестиками (?) практически на том месте, где вскоре был построен Богоявленский завод, ныне не существующие деревни с неизвестными названиями и т. д.

Не менее интересен вопрос, кем был безымянный картограф, составивший карту и как его занесло в нашу глушь. Составление карты высокого качества подразумевает присутствие здесь высококвалифицированного специалиста, которые в России того времени были наперечёт. Очевидно, его появление каким-то образом связано с деятельностью Оренбургской экспедиции, её руководитель И.К. Кирилов подбирал по всей стране лучших специалистов по самым разным сферам. Впрочем, сам Кирилов был талантливым географом и картографом, с 1720 г. возглавлявшим все астрономические, топографические и картографические работы по всей России, создавшим «Атлас Всероссийской империи»¹. Возможно, кто-то из его способных учеников сделал интересующую нас карту.

Наконец, надписи, сделанные на французском языке, позволяют сделать ещё одно предположение. В это же время (с 1727 по 1745 г.) в России находился выдающийся учёный, астроном и картограф, академик Парижской и ряда других европейских академий Жозеф Николя Делиль. Он много путешествовал, побывал в 1740 г. в Сибири, лично создал огромное количество карт разных территорий России, а также копировал множество встреченных им карт русских картографов. Со временем выяснилось, что Делиль, согласно взятым на себя в Париже обязательствам, вёл шпионскую деятельность, получив доступ к любым картографическим материалам. Он без помех копировал и отсылал во Францию все новейшие карты Российской империи. Получился скандал, Делиля выдворили из страны, в которой он снискал репутацию «французского шпиона»². Может, он автор карты?

¹ Носкова О.Л. Иван Кириллович Кирилов и его вклад в развитие российской науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 1. С. 264.

² Кирющенко Н.В., Кротов П.А. Ж.-Н. Делиль о развитии картографии в России (1740) // Меншиковские чтения. Научный альманах. 2012. № 3. (11). С. 117.

Фрагменты карты реки Белой вниз от города Уфы до Усолья. 1735–1736 гг.¹

Карта 1. Район Табынска

Комментарии: 1. Верхний левый угол – место, где предполагалось строить Табынскую крепость (nouvelle forteresse – «новая крепость») в устье р. Усолки. 2. В центре, по правому берегу р. Чесноковки – покрытый лесом увал, обозначен как demeure des bachkires – «обиталище башкир». По левому берегу Чесноковки, близ устья, обозначена деревня, возможно, крестьян Уфимского Успенского монастыря². 3. Выше по течению Усолки, на левом берегу – Соловарный городок, на месте корпусов курорта «Красноусольск». Южнее и по правому берегу – соляные варницы. Далее к востоку обозначено строение, очевидно, на месте бывшего острога Вознесенского монастыря³. 4. Западнее, на правом берегу речки Тюлькас – одноимённая деревня, известная по документам XVII–XVIII вв.⁴

¹ НИОР БАН. Ф. 35. Оп. 1. № 3572. Л. 1.

² Курмаев В.Н. Указ. соч. С. 70.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 151–154.

Карта 2. Уфа

Уфимские купцы Бондаренко

В исторической памяти уфимцев особое место занимает имя архитектора Ильи Евграфовича Бондаренко (1870–1947), принимавшего участие в создании нескольких художественных музеев, в том числе прославленного Башкирского государственного художественного музея имени М.В. Нестерова в нашей Уфе. Во многих изданиях упоминаются заслуги И.Е. Бондаренко, среди обилия заметок выделяется добротная статья Тамары Леонидовны Леонидовой «Архитектор, художник, педагог»¹.

В уфимском краеведении об Илье Евграфовиче также в основном говорится в связи с учреждением художественного музея². В персональном справочнике М.В. Агеевой приводятся краткие сведения сразу о 12 носителях фамилии Бондаренко³. Они были купцами, почему в литературе о предпринимателях тоже есть информация по Бондаренкам⁴.

Интерес к наследию И.Е. Бондаренко поддерживается наличием внушительного собрания личных документов в РГАЛИ, включающих воспоминания. Сотрудник архива Алла Львовна Евстигнеева начала работу по подготовке мемуаров к изданию, которая была завершена Марией Васильевной Нащокиной⁵. Свет увидели великолепнейшие очерки, сохранившие живой колорит старой Уфы, острый взгляд архитектора запечатлел ушедшую эпоху. Это один из лучших мемуарных источников по истории Уфы!

На воспоминания И.Е. Бондаренко и ссылаются все авторы, упоминая происхождение семьи. «Тяжёлую жизненную школу прошёл мой дед, выходец из Полтавской губернии, ещё мальчиком приехавший в Уфу на плотях простым бурлаком»⁶. Архитектор в зрелом возрасте, наверняка, пересказывал какие-то се-

¹ *Леонидова Тамара*. Архитектор, художник, педагог // Бельские просторы (Уфа). 2004. № 9.

² См., напр. статьи Анатолия Чечухи и Валентины Сорокиной в сборнике: Уфа: страницы истории. Книга вторая / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2014.

³ Уфимские фамилии. Книга вторая: Купцы и мещане / Авт.-сост. М.В. Агеева, А.А. Чечуха. Уфа, 2025. С. 31–32 (портреты).

⁴ Энциклопедия предпринимательства Башкортостана / Гл. ред. А.Н. Дегтярёв. Уфа, 2006. С. 181; *Роднов М.И.* Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков). Уфа, 2020; др.

⁵ *Бондаренко И.Е.* Записки художника-архитектора. Труды, встречи, впечатления / Под ред. М.В. Нащокиной. Книга первая. М., 2018.

⁶ Там же. С. 59.

мейные предания, смутно оставшиеся в памяти.

Точно он запомнил малую Родину – Полтавскую губернию. В июне 1816 г. прошла ревизия (перепись налогоплательщиков – податного населения) в сельце Ураково, что в районе совр. Шакши под Уфой, где лежало имение помещика полковника и кавалера князя Фёдора Михайловича Уракова. И среди крепостных упоминаются дворовые: Леонтий Яковлев Бондаренко, 22 года, с женой Авдотьей, 19 лет. А ниже важная приписка: *«переведен мною из владения моего состоящего малороссийской Полтавской губернии в Лубенском повете из хутора Александровка в 1814 году»*¹. Так Леонтий Яковлевич Бондаренко, примерно 1794 года рождения, оказался на уфимской земле².

Ураковы принадлежали к одному из самых многочисленных дворянских родов Оренбургской губернии. В числе хозяев родовых поместий в конце XVIII в. был подпоручик Михаил Егорович Ураков³ (умер в 1808 г.). Во время Генерального межевания он являлся совладельцем имений при Касимово и Ураковке⁴.

Ураковы не принадлежали к родовому дворянству Полтавской губернии, но обзавелись там землями, откуда несколько семейств вывели на Южный Урал. Поэтому помещики в Касимово имели связи с Полтавской губернией, привозили оттуда крепостных украинцев, что было редкостью⁵.

Леонтий Бондаренко был не крестьянином, а дворовым человеком, скорее всего, ремесленником – кузнецом или администратором (управляющим). Маленькое уфимское поместье находилось «на отшибе», сам барин-военный не мог за ним следить. Мемуары же архитектора начинаются рассказом про отца, как

¹ См.: НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 348. Л. 162 об. – 163.

² Фамилия не типичная для Уфимского края. В завещании Шестаковой упоминается крепостной Фома Никитич Бондаренко с семьёй. В метриках Успенской церкви однофамильцы встречались редко. 1 июля 1870 г. женился в 49 лет «отставной рядовой Александр по крестном отце Николаев Бондаренко», первым браком. Его избранницей стала 45-летняя солдатская вдова Василиса Феодоровна. Отставной рядовой Александр Николаевич Бондаренко скончался от чахотки в 47 лет (по метрике) 17 декабря того же 1870 г. (Там же. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 11. Л. 547 об., 584 об.). В 1893 г. встречается запасный унтер-офицер Василий Николаевич «Бандаренко» (Там же. Д. 34. Л. 880). Были и другие Бондаренки (1896, 1917 гг.).

³ Азнабаев Б.А. Происхождение и история уфимского княжеского рода Ураковых // Река времени. 2017. Уфа, 2017. С. 28.

⁴ Абсалямов Ю.М. Помещики-землевладельцы Уфимского уезда Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX веков // Река времени. 2011. Уфа, 2011. С. 45–46.

⁵ Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017. С. 65, 72.

тот занимался «кустарничеством по железному делу»¹. Вряд ли за тысячу вёрст стоило переселять обычного слугу.

У помещика, дослужившегося до полковника Фёдора Михайловича Уракова «в сельце Князеве Ураково тож» обитали единственные дворовые Бондаренки и всего два двора крестьян-хлебопашцев. Полковник не обзавёлся семьёй, умер бездетным, его людей унаследовала сестра – Ирина Михайловна, бывшая в замужестве за капитаном Михаилом Степановичем Шестаковым. Сестра тоже оказалась бездетной, овдовела и 28 марта 1833 г. составила духовное завещание, по которому всех крепостных «увольняю я по смерти своей [...] всех их на волю». В списке помещица указала «дворового человека Леонтия Бондаренка с женою и всеми детьми». От имени земляков Леонтий Яковлевич Бондаренко 23 сентября 1833 г. в уездном суде получает копию². Наверняка, он был грамотным и выступал лидером среди крепостных.

Духовным отцом И.М. Шестаковой являлся настоятель Спасской церкви Уфы протоиерей Иоанн Григорьевич Несмелов, ставший одним из свидетелей при составлении завещания. Шестакова проживала в Уфе, скорее всего, недалеко от храма.

Туда же в Уфу переселяется и Леонтий Бондаренко. В крохотной деревушке делать ему было нечего, а в гражданской столице Оренбургской губернии человеку мастеровому найдётся заработок. И в следующую ревизию 17 апреля 1834 г. он уже состоит в мещанах, в мещанское сословие зачисляли всех вольноотпущенников, обосновавшихся в городах. В документе добавлено про Л.Я. Бондаренко: «уволненный от услуг Г. Шестаковой по духовному завещанию причислены по сей 8-й ревизии».

Ревизская сказка за 1834 г. показывает точный состав семьи: сам «Леонтий Яковлев Бандаренко» 35-ти лет, его жена Авдотья (36 лет) и народившиеся уже на уфимской земле дети: Василий (16 лет), Надежда (14), Епистимия (11), Ефим (7), Евграф (3) и Николай (одного года)³. Виден чёткий двухлетний интервал между родами, обычный для той эпохи. Возможно, до Василия (около 1818 г. р., а семья приехала в 1814 г.) были ещё дети.

Трудом, упорством, профессионализмом прокладывали Бондаренки путь к благополучию. Они оставались в мещанах к следующей ревизии 15 октября 1850 г. К тому времени первопоселенец Леонтий Яковлевич Бондаренко скончался в 1840 г. Возраст по предыдущей ревизии ему указали в 39 лет, следова-

¹ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 59.

² НА РБ. И-138. Оп. 2. Д. 433. Л. 310-313.

³ Там же. Д. 435. Л. 180 об. – 181.

тельно он всё-таки примерно 1794 / 1795 годов рождения.

Вдова Авдотья Ивановна здравствовала в 1850 г., ей исполнилось 52 года. Единым хозяйством с ней проживал старший (первый) сын Василий (32 года) с супругой Прасковьей Григорьевной (30), нарожавшей ему кучу детей: Александр (11 лет), Агафья (10), Прасковья (8), Авдотья (6), Алексей (4), Иван (2) и Лев (два месяца). Традиционный двухлетний цикл не прерывался. Можно допустить, семья Бондаренок жила состоятельно.

Этому способствовало, что с матушкой и старшим братом одним подворьем проживали остальные сыновья Ефим (23 года), Евграф (19), Николай (17) и Егор (13 лет)¹. А чем больше рабочих рук, тем выше доходы. Сестёр уже не было, наверняка, выдали замуж, но все дети Леонтия Бондаренко с ревизии 1834 г. дожили до 1850 г.

В ноябре 1850 г. вся Российская империя торжественно отмечала 25-летие царствования императора Николая Павловича. В Уфе купцы и мещане собрали пожертвования для раздачи бедным. Участвовали все «заметные» предприниматели, но Бондаренко среди них нет². Они лишь постепенно повышали уровень своего благосостояния.

А время мчалось вперёд. По Белой пошли первые пароходы, край оживает, огромные массы хлеба, леса, металлов сплавляются вниз по течению. Большая семья Бондаренко расширяет свой бизнес и переходит из мещан в купечество (3-й гильдии). Случилось это как раз во время очередной ревизии в 1858 г.

По указу Оренбургской казённой палаты (орган министерства финансов) от 6 марта 1858 г. семейство Бондаренко перечислено в Уфимское купечество³. Все сыновья и дочери Васиия Леонтьевича, а также четыре брата становятся купцами. Глава фамилии теперь ежегодно выкупал гильдейское свидетельство и туда вписывал родственников (за деньги).

На 1858 г. во главе обширной семьи по-прежнему стояла матушка – вдова Авдотья Ивановна Бондаренко (60 лет). Ей по-

¹ Там же. Д. 600. Л. 158 об. – 160.

² См.: *Роднов М.И.* Уфимское купечество середины XIX века: опыт реконструкции // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. / отв. ред. Е.Ю. Рукосуев. Екатеринбург, 2018. Т. 1.

³ На крестинах у мещан Алексеевых в октябре 1857 г. Евфимий Леонтьевич Бондаренко записан ещё уфимским мещанином (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 40. Л. 24 об.). Когда у Евфима Леонтьевича Бондаренко и Пелагеи Михайловны 5 июля 1857 г. родились близнецы Сергей и Владимир, отец также был мещанином. Крёстными стали мещане и дворовые (Там же. Л. 262 об.). Оба ребёнка прожили недолго. Сергей умер 6 августа, а Владимир – 25 августа 1857 г. (Там же. Л. 330 об., 333 об.).

могал Василий Леонтьевич Бондаренко (39 лет), супруга Прасковья Григорьевна (37), дети: Александр (18), Агафья (17)¹, Прасковья (15)², Авдотья (13)³, Алексей (11), Иван (9), Фёдор (3), Надежда⁴ (2) и Капитолина⁵ (три месяца). Лев умер в 1850 г., прожив несколько месяцев. Затем, 3 апреля 1859 г. у купеческого сына Василия Леонтьевича Бондаренко и Пераскевы Григорьевны родилась дочь Александра, крёстные – брат Егор и жена Евграфа. Девочка прожила два месяца, † 4 июня 1859 г.⁶

Второй брат Ефим Леонтьевич Бондаренко успел жениться, супруга – Палагея Малафеевна / Малахиевна (22 года в 1858 г.), но молодой муж внезапно скончался в том же 1858 г.⁷ Третий брат – Евграф Леонтьевич (26 лет) только что обвенчался, жена – Авдотья / Евдокия Михайловна (21), детки ещё не появились.

¹ Девушка, купеческая внучка Агапия Васильевна Бондаренко (1840 г. р.) первой из сестёр вышла замуж. В «17 лет» в Успенской церкви 6 мая 1859 г. она обвенчалась с 19-летним мещанином из городка Княгинина Нижегородской губернии Василием Николаевичем Добрыниным. В поручителях дядя Егор и брат Александр Бондаренки (Там же. Д. 41. Л. 215 об. – 216). Молодые оставались в Уфе, 12 марта 1860 г. у них появился на свет первенец – дочь Дария (Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 533 об.). Крестили в Успенской церкви, возможно, жили в фамильной усадьбе Бондаренок. Были ещё дети (и внуки).

² Вторая сестра, «18-летняя» купеческая «внука» (внучка) Праскева Васильевна Бондаренко (1842 г. р.) 30 октября 1863 г. в Успенской церкви повенчалась с 19-летним Гавриилом Всеволодовичем Васильевым, статус коего священник записал так: «причисленный в Уфимское общество мещанин», но без фамилии. Она появилась лишь при фиксации первенца Алексея (род. 13 марта 1866 г.) (Там же. Д. 4. Л. 537 об. – 538; Д. 7. Л. 463 об.). Можно предположить, что супруг происходил из отпущенных на волю дворовых, коих причисляли к мещанским обществам после отмены крепостного права. Видимо, она – уфимская мещанка Пераскева Васильева (без фамилии) скончалась от порока сердца в 47 лет 16 июня 1888 г. (Там же. Д. 29. Л. 771 об.).

³ Мещанская девушка Евдокия (Авдотья) Васильевна Бондаренко упоминается в метриках в 1864 и 1866 гг., а 19 февраля 1869 г. 26-летняя мещанская дочь Евдокия Васильевна Бондаренко в Успенском храме повенчалась с 40-летним бирским мещанином Никитой Даниловичем Шестаковым (Там же. Д. 10. Л. 540 об.).

⁴ На третьем году Надежда померла, 15 августа 1859 г. (Там же. Оп. 1. Д. 42. Л. 251 об.).

⁵ Капитолина родилась 18 сентября 1857 г., крёстные купец 3-й гильдии Л.И. Васильев и крепостная крестьянка (Там же. Д. 40. Л. 274 об.). Прожила недолго, умерла от скарлатины 5 ноября 1859 г. (Там же. Д. 42. Л. 259 об.).

⁶ Там же. Д. 41. Л. 164 об., 239 об.

⁷ 3-й гильдии купеческий сын Евфим Леонтьевич Бондаренко умер 28 марта 1858 г. в возрасте 33 лет от горячки (Там же. Л. 325 об.). Последние дети, близнецы прожили недолго: Сергей (5 июля – 6 августа 1857) и Владимир (5 июля – 25 августа 1857) (Там же. Д. 40. Л. 262 об., 330 об., 333 об.).

Остальные двое братьев – Николай (24) и Егор (20 лет) ходили в холостяках¹. Недолго.

В Успенском храме Уфы 29 ноября 1858 г. обвенчались 24-летний купеческий сын Николай Леонтьевич Бондаренко и его сверстница купеческая дочь Онисья Васильевна Кондратьева² из известного и сильнейшего тогда купеческого клана.

А 10 января 1862 г. в той же Успенской церкви 23-летний купеческий сын Егор Леонтьевич Бондаренко повёл под венец 17-летнюю мещанскую дочь Елизавету Николаевну Бажанову. Сразу пошли детки: Екатерина (род. 23 ноября 1862 г.), Иоанн (18 октября 1864 – 19 апреля 1865)³. На крестинах в храме стояли родственники – купеческий сын Николай Бондаренко, купеческий внук Александр Васильевич Бондаренко и, неожиданно, мещанин Евграф Бондаренко. Прямого предка архитектора не внесли в гильдию, он первым из сыновей отделился, ушёл из родительского дома, «отрезанный ломоть» (в 1858–1861 гг. он ещё в купеческом сословии, но с 1862 г. в метриках уже указывается мещанином). Не случайно, в мемуарах Ильи Евграфовича в основном говорится о родне по материнской линии.

Записи в метрической книге приоткрывают ситуацию внутри семьи. Женихи указаны не купеческими братьями, а сыновьями. Если бы гильдейское свидетельство выкупал Василий Леонтьевич, их бы записывали как купеческих братьев. Но они сыновья. Значит, гильдия покупалась на имя матушки! Уже с августа 1858 г. Николай Львович Бондаренко пишется уфимским 3-й гильдии купеческим сыном⁴. Отчество с 1860-х гг. нередко записывали не Леонтьевич, а Львович.

Именно Авдотья Ивановна Бондаренко выступала юридически и, думаем, фактически главой семейства. Именно её твёрдая и властная рука управляла семейным бизнесом, держала почти всех взрослых сыновей вместе, не позволяя разделяться и ослаблять фамильное дело (кроме ушедшего Евграфа).

Вдова купчиха Евдокия Ивановна Бондаренко, жена первопоселенца, приехавшая с ним с Полтавщины, прожила долгую жизнь, скончавшись «от горячки» 8 октября 1864 г. в возрасте 72-х лет⁵. Отпевали в Успенской церкви.

Тот год, 1864-й, стал вообще переломным в судьбе обширного семейства. Незадолго до кончины мудрой хозяйки, именно при ней Бондаренки вошли в купечество, умер старший наслед-

¹ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 708. Л. 43 об. – 45, 146 об.

² Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 41. Л. 311 об.

³ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 487 об., 495 об.; Д. 5. Л. 632 об.; Д. 6. Л. 670 об.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 41. Л. 92 об., 467 об. и др.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 711 об.

ник и опора. Василий Леонтьевич Бондаренко долго болел и 27 сентября 1864 г. купеческий опять-таки сын скончался на 47 году жизни¹. Теперь родню никто не держал, единое хозяйство распалось и судьбы каждой линии сложились по-разному.

Тем временем грянули Великие реформы, ликвидировали по законам 1863–1865 гг. третью гильдию, Бондаренки записались во вторую. Бизнес распался на четыре части: 1) потомки Василия, 2) Евграф, 3) Николай и 4) Егор. Братья сохраняли между собой родственные связи, так Николай и Евграф стали поручителями на свадьбе Е.Е. Коровкина в 1864 г.² Жили по-прежнему в приходе Успенской церкви. Приходская территория начиналась за оврагами от соседнего Спасского храма.

Фамильное гнездо Бондаренок возникло не очень далеко, в городском квартале № 30. Тогда это была почти самая северная окраина Уфы. Видимо, Бондаренки там поселились практически сразу после переезда в Уфу. В метриках Спасской церкви за 1840-е и первую половину 1850-х гг. они не встречаются. Сам квартал был разрезан поперёк оврагом, зады усадьбы выходили как раз к нему. Фактически он являлся продолжением одной из беднейших в Уфе Солдатской слободки, соседние улицы даже не имели названий, что видно из карты справочника 1883 г. ниже.

Если идти на север от перекрёстка с Калмацкой (совр. Чернышевского) вдоль по улице Малой Успенской (совр. Худайбердина), то домовладение № 2 по данным однодневной городской переписи 17 июня 1879 г. принадлежало наследникам Авдотьи Бондаренкиной³. Сейчас на этом месте главный вход в Уфимский завод УфаВита («витаминку»).

¹ Там же. Л. 708 об.

² Там же. Л. 656 об. – 657.

³ Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел IV. Описание г. Уфы. С. 89, карта в конце книги.

Почти вся многочисленная родня плотно обосновалась в фамильном «гнезде». Даже через 15 лет после кончины в 1864 г. Авдотьи / Евдокии Ивановны Бондаренко, семьи трёх братьев: Николая, Егора и умершего Василия теснились на этой неприятельской окраине. Наверняка, здесь находился комплекс деревянных жилых и хозяйственных строений, возможно, питейный дом. Лишь непокорный и самостийный Евграф (с Николаем) отселается в центр города. Остальные то ли не захотели, то ли не договорились как поделить родительскую усадьбу.

По данным на 1897 г. усадьба по-прежнему числилась за наследниками Авдотьи Ивановны Бондаренко и оценивалась городской управой в 450 руб., выше чем у большинства соседей. Там стояли два деревянных флигеля, имелись службы (хозяйственные строения) и баня. Примерно до 1894 г. потомки начинают приобретать домовладения по-соседству. К тому времени из окраины район превратился в один из престижных тихих уголков Уфы, где селились состоятельные лица.

Рядышком купчиха Екатерина Яковлевна Бондаренко, супруга Александра Васильевича, покупает (или выделила часть общего имущества) землю с постройками. Стоимость её усадьбы поднялась до 600 руб. Кроме двух ветхих деревянных флигелей с баней, появился новый одноэтажный дом, крытый железом¹. В этом районе и обитали почти все Бондаренки. Даже в 1908 и 1911 гг. усадьба по адресу улица Церковная, 22 по-прежнему числилась за давно умершей Е.И. Бондаренко (наследниками).

Васильевичи:

Из сыновей у Василия Леонтьевича оставались Александр (около 1840 г. р.), Алексей (около 1847 г. р.), Иван (1848 г. р.) и Фёдор (около 1855 г. р.)², дочери, очевидно, ушли в замужество. Самый младшенький – Илия – появился на свет 17 июля 1860 г.³ В момент кончины отца ему исполнилось всего четыре годика. Вдова, мещанка Пераскева Григорьевна Бондаренко, по всей видимости, вела тихую жизнь, в крёстные согласилась пойти лишь у дочери Агапии Добрыниной в 1876 г. Формальная хозяйка семьи Пераскева Григорьевна Бондаренко скончалась от удущья на 70 году 12 декабря 1886 г.⁴

¹ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1698. Л. 42 и об.

² В 1865 г. поручителем на свадьбе у Д.Д. Кондратьева выступает уфимский купеческий сын Михаил Васильевич Бондаренко. В ревизиях он не упоминается, кто это и откуда взялся, непонятно.

³ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 1. Л. 555 об.

⁴ Там же. Д. 27. Л. 688 об.

Дела же шли под гору, все скатились в мещане. В 1865 г. двое – Алексей и Александр «батрачили» на дядю Евграфа за прилавками его магазинов¹. В 1869 г. в бакалейной лавке крестьянина Егорьевского уезда Рязанской губернии Ф.Ф. Круглова торговал приказчик 1-го класса (управляющий с правом подписи) уфимский мещанин Иван Васильевич Бондаренко (в метриках встречается изредка, в 1868, 1871, 1882 гг.), Фёдор Васильевич Бондаренко трудился приказчиком 2-го класса у дяди Николая, Александр – у дяди Егора². На 1873 г. в доме мещанки Бондаренки на Успенской улице находилась лавочка с бакалейным товаром и табаком уфимского мещанина Н.П. Дюкова, продавал сам³. Бондаренки сдавали помещение под торговлю.

Успешнее других дела пошли у старшего брата Александра Васильевича. С января 1873 г. он всего лишь торговал косами на толчке на Верхне-Торговой площади со стола, который принадлежал тому же Н.П. Дюкову⁴. Но затем начинает собственный бизнес, по всей видимости, по торговле железными изделиями, как у дяди Евграфа.

Его единственного из Васильевичей упоминал в воспоминаниях двоюродный брат Илья Евграфович, можно предположить, что тот был достаточно запоминающейся личностью. В фамильной Успенской церкви 27 января 1865 г. уфимский мещанин 23-летний Александр Васильевич Бондаренко женился на 16-летней Екатерине Яковлевне (фамилия не проставлена, видимо, из простых). Поручителями стали все трое дядьёв – Николай, Егор и Евграф⁵. Видимо, племянник Саша был всеобщим любимцем. Сразу пошли детки⁶.

¹ Здесь и далее материалы генеральной поверки 1865 г. приводятся по: НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 7, 33 об. – 34, 103, 188.

² Там же. Д. 33. Л. 214 об. – 215, 407 об. – 408, др.

³ *Роднов М.И.* Уфимское купечество во второй половине XIX века. Уфа, 2024. С. 314.

⁴ Там же. С. 276–277.

⁵ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 6. Л. 639 об. – 640.

⁶ Дети: Мария (род. 23 января 1866 г.), Константин (умер 11 июля 1868 г., девяти месяцев), Пётр (31 января 1869 – 19 мая 1870), Глафира (род. 26 апреля 1870 г.), Елена (12 мая – 5 июля 1876), Татьяна (28 декабря 1877 – 27 июня 1878, крёстная – Екатерина Георгиевна Бондаренко) (Там же. Д. 7. Л. 454 об.; Д. 9. Л. 540 об.; Д. 10. Л. 467 об.; Д. 11. Л. 497 об., 566 об.; Д. 17. Л. 477 об., 552 об.; Д. 19. Л. 434 об., 546 об.).

17-летняя Глафира Александровна Бондаренко 27 мая 1887 г. в Успенской церкви вышла замуж за уфимского купеческого сына Ивана Евдокимовича Иванова, 22 лет, поручитель – уфимский мещанин Илья Вас Бондаренко (Там же. Д. 28. Л. 682 об. – 683). Ивановы – известная купеческая семья. У Глафиры Александровны родилось много детей: Константин (18 мая 1891 г.) (Там же. Д. 32. Л. 747 об. – 748), Виктор (23 февраля 1893 г.)

Вслед за дядей Евграфом, в 1876 г. Александр Васильевич Бондаренко идёт в уфимский филиал Волжско-Камского коммерческого банка, получает чековую книжку и открывает текущий счёт № 177 (оборот капиталов небольшой – 2898 руб.¹, в 1877 г. – 6447 руб.)², к 1879 г. счёт закрывает. В банке он также проводит операции через векселя (долговые расписки), которые принимались у него на 3 тыс. руб. (в июле 1880 г. хранился его неоплаченный вексель на имя П.С. Колмацкого в 1967 руб.)³. А.В. Бондаренко закупал товары в Москве (в 1887 г. у П.С. Губанова на 100 руб., в 1890 г. – на 200 руб. и И.Д. Шляпникова на 50 руб.)⁴. Бизнес потихонечку шёл в гору, к 1890 г. А.В. Бондаренке кредитную линию подняли до 6 тыс. руб. (учтены векселя на 3,5 тыс. руб.)⁵. В 1898 г. от А. Бондаренко перевод в 50 руб. ушёл в Царицын, в 1904 г. из Нижнего Новгорода приходят векселя на 257,25 и 50 руб. уже на имя самого А.В. Бондаренко⁶. Хозяйственные контакты были самые разнообразные, так, в 1892 г. инженер Ф.Ф. Докс предъявил иск к купцу Александру Васильевичу Бондаренко на 190 руб. по счёту за товар⁷. В эти годы инженер путей сообщения Фёдор Фёдорович Докс (1845 г. р.) занимался проектированием Кругобайкальской железной дороги, вероятно, в Уфе закупал различные металлические компоненты у А.В. Бондаренко.

Александр Васильевич Бондаренко – предприниматель «средней руки», по метрикам окружение состояло часто из крестьян. Он попал на страницы мемуара брата-архитектора. «В числе племянников отца был Александр Васильевич, уже почтенных лет, уважаемый человек. Необычайно серьёзный, спокойный, он с деловым видом подшучивал» над Евграфом Леонтьевичем. На праздники специально закупали корзинку пива «в двадцать бутылок для дяди Александра Васильевича, он водки не пил». Другая родня из рода Бондаренок почти не упоминается, лишь рассказывая про «прощёное» воскресенье, И.Е. Бондаренко вспоминал как «взрослые и почтенные родственники при-

(Там же. Д. 34. Л. 834 об. – 835) и другие, семья дружила с Фёдором Васильевичем Бондаренко, его постоянно приглашали в крёстные.

¹ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1179. Л. 9 об.

² Там же. Д. 1180. Л. 78.

³ Там же. Д. 1183. Л. 76, 116. Кредит сохранялся и на следующие годы. В 1886 г. сдал на учёт векселя на 2500 руб. (Д. 1189. Л. 84), в 1887 г. – на 1745 руб. (Д. 1190. Л. 82).

⁴ Там же. Д. 1190. Л. 74; Д. 1196. Л. 4 об.

⁵ Там же. Д. 1196. Л. 12.

⁶ Там же. Д. 1208. Л. 36; Д. 1215. Л. 95 и об.

⁷ Сенатские объявления по казённым, правительственным и судебным делам (СПб.). 1892. 8 июня.

езжали к отцу, как к старшему, и кланялись ему в ноги»¹.

Уфимский мещанин Александр Васильевич Бондаренко имел общественную жилку. В ноябре 1882 г. его избрали гласным (депутатом) городской думы на четырёхлетие с 1883 г. по 3-му избирательному собранию (мелкие собственники)², также состоял членом приёмного комитета Общества взаимного кредита (и в 1899 г.). На 1889 г. купец А.В. Бондаренко член учётного комитета Уфимского городского общественного банка, здесь он очень долго числился – по 1900 г., также его выбирали кандидатом от земства в Уфимское губернское податное присутствие, там устанавливали величину налогов. В списках избирателей в 1892 г. в городскую думу за Александром Васильевичем не числится имущество, он проходил только по гильдии, как купец³.

Показателем успешности «среднего» бизнеса стала покупка в новых деревянных корпусах на Верхне-Торговой площади, в главном центре торговли, лавки (помещения) в пятом корпусе, рядом с дядей Евграфом Львовичем⁴. А реклама за 1904 и 1905 гг. показывает чем торговал Александр Васильевич.

Бизнес купца Александра Васильевича Бондаренко (торговля железными, скобяными, москательными товарами) был закрыт в 1905 г., дело передал другим лицам, уточнили в Волжско-Камском банке⁵. В тот год умер дядя Евграф Львович, возможно и с этим было связано прекращение торговли.

Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1905 год.
Уфа, 1905. Рекламные объявления

¹ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 62, 64, 74, 78.

² За него проголосовали 47 выборщиков, 42 – против (Уфимский листок объявлений и извещений. 1882. 13 декабря). Но в выборах в 1890 г. Бондаренко не участвовал.

³ Там же. 1892. 14 декабря.

⁴ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1698. Л. 168.

⁵ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1216. Л. 131 об.

По уфимским спискам домовладельцев, на 1904 г. Александр Васильевич Бондаренко имел владение на окраине, по адресу Будановский выселок, 19, к 1908 г. переселился в конец улицы Центральной (совр. Ленина), ближе к пристани (№ 104). Тоже скромный райончик.

Видимо там и провёл последние годы уфимский мещанин Александр Васильевич Бондаренко. Бывший торговец железом скончался «от удущья» 31 октября 1910 г. в возрасте 72 лет, но отпевали в родной Успенской церкви¹.

Неизвестна судьба других сыновей Василия Леонтьевича Бондаренко – Алексея (около 1847 г. р.) и Ивана (около 1849 г. р.). Последний, видимо, не отличался крепким здоровьем и в возрасте 42 года уфимский мещанин Иоанн Васильевич Бондаренко скончался от чахотки 21 октября 1890 г.² Илья Васильевич Бондаренко начинает встречаться в метриках с 1884 г. как уфимский мещанин (в 1893, 1900 гг.). В 1911 г. в крестных по Успенской церкви у крестьянина из Иглино находим уфимского мещанина Алексея Васильевича Бондаренко³ (и в 1915 г.⁴).

Фёдор Васильевич (около 1855 г. р.) отслужил в армии полковым писарем, к 1884 г. вернулся в Уфу, записался в мещанство, женился на Пелагее Петровне из рода уфимских купцов Степановых, пошли детки⁵. Жили в приходе Успенской церкви, наверняка, в старой фамильной усадьбе.

В начале 1890-х гг. Ф.В. Бондаренко начинает заниматься бизнесом, если в 1892–1893 гг. по метрикам он то купец, то мещанин, то с 1895 г. стабильно в купцах. Фёдор Васильевич про-

¹ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 25. Файл 00696.

² Там же. Оп. 2. Д. 31. Л. 749 об.

³ Там же. Оп. 5. Д. 29. Файл 0603.

⁴ Мещанин Алексей Васильевич Бондаренко в 1915 г. избирался старостой Успенской церкви Уфы (Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 6. 15 марта. С. 247).

⁵ У Фёдора Васильевича и Пелагеи Петровны родились Клавдия (4 ноября 1888 г.), Алексей (12 февраля 1890 г.), Григорий (15 ноября 1891 г., копию брали в 1931 г.), Анна (28 июня 1893 г.), Мария (6 августа 1894 г., видимо, прожила недолго), Татяна (27 декабря 1896 г., копию в Москву заказывали 6 сентября 1940 г.), Мария (26 марта 1898 г.), Лидия (19 марта – 28 июля 1899), Ирина (28 апреля – 7 июля 1907) (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 29. Л. 725 об.; Д. 31. Л. 670 об. – 671; Д. 32. Л. 782 об. – 783; Д. 34. Л. 854 об.; Д. 36. Л. 398 об. – 399; Д. 42. Л. 344 об. – 345; Д. 44. Л. 519 об. – 520; Д. 46. Л. 570 об.; Д. 47. Л. 533 об. – 534; Оп. 5. Д. 4. Л. 60 об. – 61; Д. 15. Файл 0477; Д. 17. Файл 0319). С 1908 г. в метриках встречаются купеческие сыновья Алексей и Григорий Фёдоровичи Бондаренки. Анна Феодоровна Бондаренко в 20 лет 5 февраля 1914 г. в Успенской церкви обвенчалась с 22-летним стерлитамакским купеческим сыном Аркадием Васильевичем Патрикеевым (Там же. Оп. 5. Д. 37. Файл 0685).

водит сделки через Волжско-Камский банк, в 1894 г. рассчитался векселем в 200 руб. с Нижегородским обществом взаимного кредита, в 1897 г. в Уфу пришёл на оплату его вексель в 220 руб. из Второго Рижского общества взаимного кредита¹. Бывший писарь уверенно ориентируется в финансовых сферах. В конце века в соседнем с родичами новом деревянном корпусе № 6 на Верхне-Торговой площади арендует сразу две лавки стоимостью в 600 руб.²

В 1894 г. уфимскому мещанину Фёдору Васильевичу Бондаренко открывают кредитную линию в 3 тыс. руб. в Уфимском отделении Государственного банка. Он торговал железными изделиями, на 1897 г. в банке ждали оплаты векселя на эту сумму³. При этом, в 1892 г. Фёдор Васильевич Бондаренко вообще не числится в списках избирателей в Уфимскую городскую думу, у него нет ни купеческой гильдии, ни серьёзной недвижимости в городе. Но именно в 1890-е гг. он резко богатеет и покупает усадьбу, где строит кирпичный дом (фото).

По данным за 1897 г. там находилась усадьба купцов Васильевых, стояли деревянные дома. Видимо, в это время Ф.В. Бондаренко покупает участок и возводит кирпичный одноэтажный дом. А в 1902 и 1903 гг. он обращается в городскую управу за разрешением надстроить второй этаж⁴.

¹ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1202. Л. 5; Д. 1206. Л. 72.

² НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1698. Л. 168.

³ РГИА. Ф. 587. Оп. 52. Д. 1159. Л. 290 об.

⁴ См.: НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 663. По данным переписи 1923 г. на быв-

Реклама за 1904 г. показывает, что Фёдор Васильевич остался верен семейному бизнесу, торговал скобяными, медными, железными, чугунными, москательными товарами. В его магазине продавались английские и немецкие инструменты, минеральное и варёное масла, листовое стекло, алмазы (технические), клеёнка, пеньковая белёная снасть различных сортов (верёвки и канаты), медные самовары, оконные, дверные, печные приборы, тёртые краски, цемент, различных сортов газовые трубы¹. Реклама точно повторяет объявление брата Александра (см. выше). Возможно, вместе закупали товар.

Фёдор Васильевич немного поучаствовал в общественной жизни, в 1900 и 1901 гг. состоял членом от купеческого общества в Казённой палате по делам о государственном промысловом налоге (и с 1912 по 1916 гг.), с 1904 по 1911 гг. трудился в учётном комитете Городского общественного банка. В 1907 и 1908 г. Ф.В. Бондаренко входил в ряды аппарата Уфимской биржи². Но после 1906 г. он исчезает из справочников вместе с рекламой.

В корпусе № 6 на Верхне-Торговой площади Фёдору Васильевичу принадлежали сразу четыре лавки (№ 1, 2, 3 вместе и четвёртая отдельным помещением) стоимостью в 3010 и 980 руб. Они сдавались в аренду. Ему принадлежала усадьба на углу улиц Уфимской, 75 и Бекетовской, 16 (Чернышевского и Карима). Домовладение было весьма дорогим, оценкой свыше 16 тыс. руб.³, находилось недалеко от Верхне-Торговой площади.

Бизнес продолжили женатый на Глафире Александровне, урождённой Бондаренко, купец Иванов с братом последней Иль-

шей усадьбе Бондаренко (улица Чернышевского, 75) площадью 510 кв. саж. стояли разрушенный каменный дом, деревянный одноэтажный жилой дом, такой же флигель, каменный двухэтажный склад и деревянный каретник (Там же. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 319). На 1926 г. в квартале 23 на участке Горкомхоза по адресу ул. Чернышевского 75/16 находились: 1) жилой кирпичный двухэтажный дом (арендатор Союз строительных рабочих, на первом этаже мастерская), 2) жилой деревянный одноэтажный дом, 3) жилой деревянный двухэтажный дом (две комнаты занимала контора Башгостреста), 4) жилой кирпичный двухэтажный дом (шесть комнат снимал Башоблгострой). Также на усадьбе имелись каретник, склад и пустовавшая баня, провели водопровод. Всего проживало десять семей (29 чел.) (Там же. Д. 530. Файл 00145).

¹ Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1904 год. Уфа, 1904. Рекламные объявления; То же за 1905, 1906 гг.

² Роднов М.И. Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа, 2016. С. 70, 181.

³ Григоренко Л.Ф., Роднов М.И., Тарасова Т.В. Юридические материалы по истории города Уфы начала XX в. (списки домовладельцев по окладным книгам) // Исторические портреты. Т. 4: Материалы конференции «Символика родного края» и документальные приложения. Уфа, 2019. С. 146, 181.

ей. По документам с 11 июля и 7 декабря 1905 г. был зарегистрирован на десять лет Торговый дом в виде полного товарищества И.Е. Иванова и И.В. Бондаренко для торговли железными и скобяными изделиями (оба отвечали всем своим имуществом). Уставной капитал составил 28 тыс. руб. Уфимский купец Иван Евдокимович Иванов вложил в дело 21 тыс. руб., уфимский мещанин Илья Васильевич Бондаренко – 7 тыс. руб. Распорядителем товарищества стал Иванов¹.

В 1909 г. появляется реклама торговли скобяными, медными, железными и прочими товарами в корпусе № 5 на Верхне-Торговой площади из магазина И.Е. Иванова и И.В. Бондаренко². Судя по рекламе, бизнес продолжался в 1910 г. (переместились в новый каменный корпус) и 1911 г. Но между компаньонами случился разлад и с 15 июня 1911 г. товарищество прекращает своё существование, всё имущество осталось за Ивановым³. Реклама за 1915 г. это подтверждает. А 11 августа 1916 г. уже несуществующее товарищество Е.И. Иванова и И.В. Бондаренко продаёт лавки 2 и 4 в корпусе № 5 В.М. Титову (оценка недвижимости 2100 руб.)⁴.

В 1911 г. издававшийся в Перми Уральский торгово-промышленный адрес-календарь информировал, что торговлю железом, скобяными и пр. изделиями на Верхне-Торговой площади отдельно вели Фёдор Васильевич Бондаренко и Товарищество И.Е. Иванов и К^о⁵. Уральский справочник за 1915 г. сообщает, что торговали железом, железными и скобяными изделиями на Верхне-Торговой площади Ил. Вас. Бондаренко и Фёд. Вас. Бондаренко⁶.

А на Церковной улице, так стал именоваться отрезок Малой Успенской, домовладение № 22 по-прежнему числилось за купчихой Евдокией Ивановной Бондаренко (наследников). По всей видимости, там обитала многочисленная иная родня. Эти Бондаренки выступали благотворителями Успенской церкви.

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 1021. Л. 50 об. – 51.

² Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1909 год. Уфа, 1909. Рекламные объявления. Упоминался ещё загадочный Иван, пресса сообщала о пожаре в электротeatре «Комета» Ивана Бондаренко, испорчен аппарат и ленты (Вестник Уфы. 1908. 10 февраля). Возможно, он не имеет отношения к уфимским Бондаренкам, приехал из Челябинска?

³ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 1021. Л. 121.

⁴ Григоренко Л.Ф., Роднов М.И., Тарасова Т.В. Указ. соч. С. 147.

⁵ Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1911. Пермь, б. г. С. 158, 162.

⁶ Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1915. Пермь, б. г. С. 242, 248.

Николай Леонтьевич Бондаренко:

Второй сын первопоселенца на уфимской земле Николай Львович (отчество писали и в таком варианте) (около 1834 г. р.) после кончины матушки и старшего брата становится самостоятельным купцом 2-й гильдии¹. В этом качестве он восприемник у М.В. Кондратьева и свидетель на свадьбе Д.Д. Кондратьева вместе с братом Егором в 1865 г.² Родственные узы с этим богатейшим кланом, наверняка, помогли в бизнесе.

При обследовании торгово-промышленных заведений Уфы в 1865 г. купцу Николаю Бондаренко принадлежала бакалейная лавка, что находилась в доме отставного унтер-офицера Бокалина. За прилавком стоял приказчик государственный крестьянин Рыбинского уезда Ярославской губернии Василий Иванов.

Кроме того, «в доме мещанина Бондаренкова», Николай Бондаренко открывает ещё один «питейный дом». Клиентов там обслуживал «сиделец», временнообязанный крестьянин.

Затем дела пошли хуже и в 1867 г. купеческий брат Николай Бондаренко перечисляется из купцов в мещане³. Но бизнесом продолжает заниматься. На 1869 г. мещанину Николаю Львовичу Бондаренко в Уфе принадлежали два питейных заведения (торговали приказчики белебеевский мещанин П. Иванов и племянник Фёдор), лавка с железом (за прилавком стоял уфимский мещанин С.И. Теняков) и «анбар с железом при доме» мещанина Н.Л. Бондаренко, где торговал самолично⁴. Николай Львович даже выдвигался на некоторые общественные должности⁵. Но затем помер. Купец 2-й гильдии Николай Львович Бондаренко скончался 2 января 1873 г. от чахотки на 42-м году жизни⁶. Супруга Николая, Анисия Васильевна Бондаренко (её

¹ В 1863 г. на призыв о помощи школе священника Успенской церкви о. Иоанна Темперова откликнулся уфимский купеческий сын Н.Л. Бондаренко, подаривший четыре дюжины карандашей (Оренбургские губернские ведомости (Уфа). 1863. 30 марта).

² НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 6. Л. 20 об. – 21, 644 об. – 645. Видимо, первенец Н.Л. Бондаренко сын Яков скончался от младенческой в возрасте трёх лет 6 июня 1867 г. (Там же. Д. 8. Л. 532 об.).

³ Уфимские губернские ведомости. 1867. 10 июня.

⁴ НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 33. Л. 223 об. – 224, 303 об. – 304, 407 об. – 408.

⁵ С 21 мая 1869 г. в Уфимскую раскладочную комиссию по налогу с недвижимых имуществ избран кандидат (замещающий) депутата от мещан Николай Бондаренко (Уфимские губернские ведомости. 1869. 31 мая). Возможно, он же – кандидат Словесного судьи при Уфимском уездном суде с 12 февраля 1870 г. (Там же. 1870. 28 февраля).

⁶ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 14. Л. 431 об.

изредка звали в крёстные к родне, как в 1893 г.) в возрасте 80 лет умерла 7 марта 1911 г., отпевали в Никольской церкви¹.

Егор Леонтьевич Бондаренко:

Егор (около 1839 г. р.) в конце 1850-х – начале 1860-х гг. числится в купеческих сыновьях (при матери), в 1863 г., видимо, недолго пробыл в мещанах, затем вернулся в купеческое сословие, в 1865–1867 гг. всего лишь купеческий брат, подручный в делах у Николая. Лишь в конце 1868 г. Егор Леонтьевич Бондаренко становится самостоятельным купцом 2-й гильдии. Естественно, он продолжил семейный бизнес, на 1869 г. ему принадлежала лавка с железным и скобяным товаром, торговал сам вместе с племянником Сашей². Дела шли не очень и по необъявлению капитала в 1873 г. купец Егор Львович Бондаренко зачислен в мещане³. К 1873 г. на верхней базарной площади у мещанина Е.Л. Бондаренко имелась лавка со скобяным товаром⁴. А тут проклятая чахотка, от коей в возрасте всего 35 лет 24 февраля 1874 г. уфимский мещанин Георгий Львович Бондаренко и преставился⁵. В семье был единственный ребёнок.

Племянник, архитектор И.Е. Бондаренко спустя десятилетия вспоминал: «У отца были братья, но когда я рос, их уже не было в живых. От брата отца Егора осталась дочь, сиротку взял отец и стал её опекуном [к началу 1880-х гг. – *авт.*].

Эта сиротка, моя кузина Катя, уже училась в гимназии и была лучшей ученицей, переходя из класса в класс с "похвальными листами" и наградами».

Девушка отличалась необычным характером и уровнем развития, оказав на кузена большое влияние. Через многие годы тот отмечал, что «с появлением Кати в нашем доме повеяло словно весной, и дом осветился именно "лучом света в тёмном царстве". Отец любил Катеньку, и даже её постоянные отлучки к её знакомым не возбуждали в нём протеста, а отец не любил, чтобы дети "зря шались"».

Начитанная, передовая, она имела большое знакомство среди незначительного круга уфимской интеллигенции. Лет на десять старше меня, она стала руководить моим воспитанием. Раздались уже протесты её против посылок нас в церковь, да ещё к ранней обедне, и мне позволено было уходить ко всенощ-

¹ Там же. Оп. 5. Д. 28. Файл 0089.

² Там же. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 33. Л. 214 об. – 215.

³ Уфимские губернские ведомости. 1873. 15 сентября.

⁴ Роднов М.И. Уфимское купечество во второй половине XIX века. С. 269.

⁵ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 15. Л. 373 об.

ной с Катей в собор, куда мы заходили минут на пять, а затем шли куда-либо к её знакомым. Носила домой книги, читала их вслух в столовой, и отец невольно заслушивался»¹.

Купеческая дочь Екатерина Егоровна Бондаренко в возрасте 24 лет в Успенской церкви 14 октября 1887 г. выходит замуж. Её избранником стал 22-летний Иван Николаевич Бок, помощник бухгалтера уфимской казённой палаты². Служил в структурах Министерства финансов в Уфе и Мензелинске, к 1899 г. переезжают в Белебей, где коллежский секретарь И.Н. Бок занял пост казначея, главы уездного казначейства³. Там служил по 1909 г., надворный советник. В Белебее в 1898 г. у них родился сын Иван⁴.

Иван Иванович Бок (1898–1983) станет известным геологом, доктор наук, академик АН КазССР, лауреат Ленинской премии (1958). В честь него назван минерал бокит. В его биографии указывается, что «отец служил в казначействе, а мать работала библиотекарем. С 1910 по 1917 г. Иван учился в реальном училище г. Белебея. Одновременно он давал уроки, помогал своим родителям и всей большой, многодетной семье»⁵.

Евграф Леонтьевич / Львович Бондаренко:

Знаменитый архитектор происходил из семьи Евграфа Леонтьевича Бондаренко (около 1832 г. р.), отчество потом указывалось как Львович, видимо, для престижу. Он рано женился, супруга – Авдотья / Евдокия Михайловна из рода мещан Филипповых. Первенцем, видимо, была дочь Анна (18 июня – 21 июля 1860), крёстные – брат Егор и мещанская девица Праскева

¹ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 82.

² НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 28. Л. 690 об. – 691. Пошли дети, 1 июля 1889 г. родился Борис, был ещё сын Николай (21 января – 14 июня 1891) (Там же. Д. 30. Л. 581 об. – 582; Д. 32. Л. 237 об. – 238, 360 об.). Молодые в Уфе жили отдельно, детей крестили в Троицкой и Никольской церквях. В крёстных родня, включая Евграфа Львовича. Родились ещё дети – Зинаида (1892), Александра (1894), др.

³ Уфимские фамилии. Книга 1. Дворяне и чиновники / авт.-сост. М.В. Агеева. Уфа, 2023. С. 51.

⁴ Иоанн появился на свет 26 сентября 1898 г., крестили 13 октября, родители: коллежский секретарь Иоанн Николаевич Бок и Екатерина Георгиевна, восприемники: коллежский ассесор Василий Максимович Васильев и купеческая дочь девица Ольга Евграфовна Бондаренко (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 493. Файл 00363).

⁵ Шорин А.Г., Ерохин Ю.В. Иван Иванович Бок (1898–1983) и бокит // Известия УГГУ (Екатеринбург). 2021. Вып. 3 (63). С. 165.

Михайловна Филиппова¹. Наверняка, сестра роженицы. Когда на свет 23 октября 1861 г. появился Михаил, восприемниками стали мещанин Андрей Михайлович Филиппов и крестьянская жена Праскева Михайловна Бисярина² (вышла замуж). Первая супруга Евграфа была из «простых».

Но после третьей беременности 25-летней Евдокия Михайловна Бондаренко скончалась 11 декабря 1864 г. («от родов»)³. Новорождённый Николай прожил недолго (5 декабря 1864 – 6 мая 1865)⁴. Евграф Львович остался вдовцом с трёхлетним сыном Михаилом на руках. А без женщины в хозяйстве никак.

Вторую супругу Е.А. Бондаренко подыскал в расположенном недалеко от Уфы посёлке Благовещенский завод. В местной церкви 12 сентября 1865 г. 33-летний уфимский мещанин Евграф Леонтьевич Бондаренко обвенчался с 16-летней крестьянской девицей Александрой Ивановной Кузнецовой. В свидетели приехал из Уфы брат Николай, а со стороны невесты поручителем стал крестьянин Благовещенской родни перебралась в Уфу, возможно, не без помощи нового зятя.

В браке с Александрой Ивановной появилось много детей: Василий (род. 21 января 1867 г.), Варвара (28 ноября 1868 – 23 февраля 1870), **Илья** (род. 6 июля 1870 г., крёстные – уфимский мещанин Андрей Михайлович Филипов и купеческая жена Фёкла Симеоновна Васильева), Анатолий (род. 6 апреля 1873 г.), Татьяна (род. 5 января 1875 г.), Семион (род. 12 февраля 1878 г.), Константин (2 октября 1879 – 29 июня 1880), Ольга (род. 1 июля 1882 г.), Александр (род. 9 июня 1884 г.), не получивший имени сын, что умер при родах 8 ноября 1885 г.⁶

¹ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 1. Л. 547 об., 616 об.

² Там же. Д. 2. Л. 554 об.

³ Там же. Д. 5. Л. 717 об.

⁴ Там же. Л. 643 об.; Д. 6. Л. 672 об.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 33. Файл 00190. Последнего запомнил архитектор Илья Евграфович. «Деда моей матери, т. е. моего прадеда, я ещё помню. В маленьком домике <где-то в конце Мало-Успенской улицы> доживал свои последние дни аккуратный старичок Иван Михайлович Ростовцев (бывший дворецкий у помещиков Дашковых) со своей старушкой Агафьей Павловной», любил читать и курить сигары (*Бондаренко И.Е.* Указ. соч. С. 72). Уфимская мещанка Агалия Павловна Ростовцева прожила 65 лет и тихо скончалась «от старости» 8 марта 1881 г. (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 22. Л. 536 об.). Любящий супруг ненадолго пережил свою верную спутницу. Уфимский мещанин Иван Михайлович Ростовцев скончался на 84 году жизни 30 июля 1883 г. (Там же. Д. 24. Файл 00707). Обоих отпевали в Успенской церкви.

⁶ Там же. Д. 8. Л. 433 об. – 434; Д. 9. Л. 167 об.; Д. 11. Л. 509 об., 557 об.; Д. 14. Л. 377 об.; Д. 16. Л. 267 об.; Д. 19. Л. 444 об.; Д. 20. Л. 485 об.; Д. 21. Л.

На крестины детей часто приезжали крестьянин Благовещенского завода Павел Иоаннович Кузнецов и крестьянские дочери Анна и Елена Иоанновны Кузнецовы. Родня по материнской линии, о ней вспоминал потом Илья Евграфович. Он застал и дедушку – Ивана Спиридоновича Кузнецова, бывшего крепостного Дашковых, строителя, который обосновался в Уфе¹.

В мемуарах художника мать часто упоминается, но всегда «вскользь» и кратко. Занятая многочисленными детьми и обширным хозяйством, Александра Ивановна запомнилась сыну своей любовью, не соблюдала строго посты «и для детей разрешала мясное», любила цветы, у окон стояли фикусы и филодендроны, «отец почти никогда не поднимался в мезонин», где жили младшие, «предоставив наблюдение за детьми матери». На праздники «в кухне топится печь, мать хлопочет, жарится что-то большое и выпекается куча пирожков и сдобы».

Александра Ивановна была «прямой противоположностью строгому отцу». «Молчаливая, мягкая, добродушная и любвеобильная к детям, незлобивая и никого не осуждавшая, она молча выслушивала ворчание отца. Постоянно помогала она бедным». «Ко мне мать была очень снисходительна и никогда не возражала, когда я ездил с дворником на реку за водой или убегал с мальчишками купаться».

Выросшая в образованной семье, матушка знала грамоту, «часто сидела она у окна в зале, читая с увлечением "Ниву" и зачитывалась особенно Всеволодом Соловьёвым, его бесконечными "Горбатовыми". Смотрела рассеянно в окно», а затем «снова принималась за чтение "романов", пощёлкивая кедровыми орешками, или суегилась по хозяйству». Мать настояла, чтобы сын Илья поступал в гимназию². Видимо, она вела замкнутый, «домашний» образ жизни, Александра Ивановна почти не встречается в метрических книгах в качестве крёстной.

Начало жизненного пути Евграфа Леонтьевича пришлось на предреформенные годы. Сын-архитектор запомнил рассказы родителя. «Нерадостна была жизнь и моего отца, оставшегося мальчиком сиротой, нужда доходила до того, что ситцевая рубашка была событием». Отец, Леонтий Яковлевич Бондаренко,

578 об.; Д. 23. Л. 497 об. – 498; Д. 25. Л. 539 об. – 540; Д. 26. Л. 278 об.

¹ По материалам городской переписи 1879 г. в квартале № 63, выходявшем на улицу Большую Успенскую, но в доме по параллельной Большой Казанской располагалась усадьба Ивана Кузнецова (*Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел IV. С. 133). И.Е. Бондаренко отмечал, что дом деда сгорел во время большого пожара в 1878 г. (Там же. С. 107–108).

² *Бондаренко И.Е.* Указ. соч. С. 60, 62, 66, 68, 75, 80–81, 116. Всеволод Сергеевич Соловьёв (1849–1903), популярный тогда русский писатель.

скончался в 1840 г., когда Евграфу исполнилось всего восемь лет. Он был третьим сыном и мать отдала его в «мальчики» в винную лавку. «Тяжёлый физический труд на воздухе закалил его молодость, когда он был ещё мальчишкой на побегушках у целовальника Ивана Ефимовича, которого отец всегда вспоминал как "благодетеля", хотя этот благодетель лупил его»¹. Опыт торговли крепким спиртным (дистиллятом, самогоном) пригодится в будущем. Наверняка, с юности Евграф освоил все тонкости профессии продавца алкоголя.

Евграф был третьим сыном в семье овдовевшей Авдотьи Ивановны после Василия и Ефима. В ревизию 1850 г. его зафиксировали как парня 19-ти лет. Можно предположить, что на него «махнули рукой», пусть живёт как хочет. Судя по всему, Евграф отличался независимым, упрямым характером и в юности «ушёл в народ», трудился на «чёрных» работах. Сын-архитектор вспоминал, что отец считал ненужным гимназическое образование. «Мы люди простые, – говорил он, – учёность нам ни к чему». И вещественным доказательством своей "простоты" хранил в сундуке свои бурлацкие порты и грубую холщёвую рубаху из синей пестрядины»². Наниматься в бурлаки, тянуть барки вверх по Белой – самый простой заработок, для которого, однако, требовалась физическая сила.

Облик Евграфа оставил в мемуарах сын. «Невысокого роста, необычайно крепко сложенный, отец обладал огромной силой – сгибал подкову и гнул в пальцах серебряный рубль». Рано вставал, постоянно занят, «аккуратный, всегда очень скромно, чисто одетый», спал на кошме и обливался холодной водой, строгий в обращении, привыкший к простой пище (щи да каша с чёрным хлебом), строгий постник и вообще жёстко соблюдавший православные обряды (непременная борода), целые дни проводил в лавке, не стеснялся кустарничать, гостей принимал редко, «только в праздники»³. И, судя по мемуару, с родней из Бондаренок держал дистанцию.

Складывается образ, что третий сын Евграфа в семье матери был как «отрезанный ломоть», где-то скитался, приводил в дом невест из простых. Если в 1860 г. в метриках Евграф Леонтьевич ещё указывался как купеческий сын (мать записалась в 3-ю гильдию в 1858 г.), то к 1862 г. он всего лишь мещанин. Или мать за него не стала вносить деньги, чтобы включить в гильдию, или показал характер – сам, без вас обойдусь. «Дурит, чу-

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 60, 62, 67, 68, 70.

дит» младшей, видимо, думала матушка, качая головой. А судьба распорядилась по-иному.

В 1858 г. внезапно умирает второй сын Ефим, первенец Василий болеет и отправится на кладбище в 1864 г. Тогда же умирает мать Авдотья Ивановна. Евграф оказывается старшим в семье. В семье, с которой сложные отношения. И он не становится главой рода, а заводит свой собственный бизнес. Не желает содержать нахлебников.

Перепись торгово-промышленных заведений Уфы в 1865 г. показывает целую «бизнес-империю» Евграфа Бондаренко. Ему принадлежали две бакалейных лавки, причём, в собственном доме! Сын-архитектор вспоминал, что отец «небольшой свой дом продал и переехал в более просторный, по Лазаретной улице, ближе к базару»¹.

Эту фразу не обязательно понимать как переселение из фамильной усадьбы Бондаренок на улице Мало-Успенской (затем Церковной). До переезда примерно в 1874 г. у Евграфа уже имелось своё жильё. И, как показывает обследование 1865 г., оно тоже располагалось на улице Лазаретной, где велась «бакалейная торговля в доме мещанина Бондаренко». Эта фраза предполагает, что Евграф к 1865 г. уже живёт отдельно от остальных Бондаренок (Васильевичей и пр.).

Можно допустить, что изначально Евграф обосновался на усадьбе севернее по современной улице Ленина (Лазаретной, Центральной), которая принадлежала брату Николаю². Возможно, там имелось несколько построек. Если в первой бакалейной лавке за прилавком стоял уфимский мещанин Н. Дюков, то была вторая лавка, там торговал племянник Алексей Бондаренко.

Сам же Евграф успешно продавал спиртное. В своём доме, где первая бакалейная лавка, он открывает «питейный дом» (на-

¹ Там же. С. 59.

² Когда 28 января 1868 г. в семье Евграфа Бондаренко родилась дочь Варвара, её крестили в Иоанно-Предтеченской (кладбищенской) церкви, причём в первый же день. То есть, семья проживала рядом. Можно предположить, что по нечётной стороне улицы Лазаретной (Ленина), где сохранился старинный дом (Ленина, 19), и проживали Бондаренки. В январе 1879 г. реклама извещала: «В открытом мною с 1 января сего года ренсковом погребе, по Лазаретной улице, в собственном доме (бывший Николая Львова Бондаренко), продаётся лучшее очищенное вино, водка, наливка, виноградные вина, лимонад, зельтерская вода, пиво и проч. по самым умеренным ценам. Василий Львов Соколовский» (Уфимский листок объявлений и извещений. 1879. 15 января). А по данным городской переписи 17 июня 1879 г. именно в этом месте (квартал 26) располагались две усадьбы Василия Соколовского (Гурвич Н.А. Указ. соч. Отдел IV. С. 83). Вероятно, семья Евграфа Львовича Бондаренко тоже здесь обитала.

кануне, в 1863 г. отменили откупа, началась свободная акцизная продажа крепкого алкоголя), который принадлежал «ему же Бондаренко, торгует сам с начала года».

Наконец, в руках уфимского мещанина Евграфа Бондаренко была мелочная продажа железных изделий. Правда, трудился там уфимский мещанин Александр Бондаренко, ещё один племянник, сын покойного Василия Леонтьевича. Дядя за него в декабре 1864 г. выкупил приказчиье свидетельство 2-го класса (обычный продавец без права подписи).

А довершал образ «империи» Евграфа Леонтьевича Бондаренко открытый в июле 1865 г. на базарной площади шапочный балаган, где голвные уборы реализовал приказчик уфимский мещанин Василий Добрынин (женатый на Агафье Бондаренко). В балагане «шла «мелочная продажа крестьянских шапок».

Документы фиксирует образ не столько кустика по железу, сколько успешного предпринимателя, вложившегося в самые выгодные проекты (бакалейную и винную торговлю), стремившегося диверсифицировать своё дело, вплоть до торговли железными изделиями и шапками. Свою родню Евграф использовал в качестве наёмных работников.

Но во время следующей поверки торгово-промышленных заведений Уфы в 1869 г. зафиксированы всего две торговых «точки» уфимского мещанина Евграфа Львовича Бондаренко под соседними номерами: № 468 – лавочка при доме с бакалейным товаром, при торговле находился приказчик 2-го класса рыбинский мещанин Сергей Александрович Пономарёв, и № 469 – питейное заведение, где продавал приказчик 2-го класса уфимский мещанин Никита Дюков¹. Наверняка, сказалась смерть первой жены в 1864 г. и вторичная женитьба на молодой в 1865 г., когда пошли детки во втором браке Евграф Львович выбирает более «спокойный» бизнес.

Через четыре года, в 1873 г. в собственном доме осталась только лавочка «с бакалейным товаром», где с 8 января стали продавать табак «внутреннего приготовления». А владелицей записана уфимская мещанка Александра Ивановна Бондаренко, «при торговле находится сама»², жена.

Ситуация загадочная. С одной стороны, сокращение торговли, но, с другой стороны, по метрикам с 1868 г. Евграф Львович пишется купцом 2-й гильдии, значит разбогател (в 1873 и 1874 гг. снова в мещанах, с 1876 г. – купец). И он меняет место жительства. Как вспоминал сын-архитектор: «Когда мне было

¹ НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 33. Л. 380 об. – 381.

² Роднов М.И. Уфимское купечество во второй половине XIX века. С. 297.

четыре года, мой отец, уфимский мещанин, занимавшийся кустарничеством по железному делу, небольшой свой дом продал и переехал в более просторный, по Лазаретной улице, ближе к базару». Купец второй гильдии «завёл на базаре небольшую лавку, деревянную из досок, открытую со всех сторон, без теплушки. С утра до вечера гнул и рубил железо, делал железные лопаты, грабли, вёдра»¹.

Сделав скидку на необходимость в советских мемуарах изобразить предка тружеником-пролетарием, отметим явные несовпадения. Железным товаром торговали родичи (Александр, Егор и другие), сам же Евграф Львович успешно «спаивал» уфимцев самогоном, занимался бакалейной торговлей. И на заработанные капиталы покупает более дорогую усадьбу.

Е.А. Бондаренко с семейством переехал буквально в соседний квартал по той же улице Лазаретной (Центральной, ныне Ленина), действительно, поближе к базару, Верхне-Торговой площади. На участке стояло несколько деревянных строений. На 1897 г. по Лазаретной на восточной стороне находилось домовладение купца Евграфа Львовича Бондаренко стоимостью в 1500 руб. Здесь имелись деревянный старый крытый железом дом, деревянный флигель с железной крышей, а также каретник, погреб и баня – все деревянные и, добавлено, ветхие².

Последняя запись, как и воспоминания сына-архитектора (дом купили, а не построили, профессиональный строитель непременно обратил бы на это внимание), свидетельствуют, что Евграф Львович около 1874 г. приобрёл готовое жильё³.

Усадьба Бондаренок, где вырос будущий мэтр, лежала возле прекрасно известного уфимцам кинотеатра «Родина» на улице Ленина. По ней ходил трамвай, напротив была остановка и ехавшая в кино молодёжь не забывала спрашивать девушек: выходите у «Родины»? Этот сюжет обыгрывает выросший в Уфе известный бард Юрий Шевчук в своей знаменитой песне: «еду я на родину, пусть кричат уродина...» Дом Бондаренок даже попал на полотно живописца.

Около 1952 г. уфимский художник Василий Степанович Сыромятников (1885–1979) написал картину «Здание нового кинотеатра на ул. Ленина» (хранится в собрании художественного музея имени Нестерова, который открывал И.Е. Бондаренко). И

¹ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 59–60.

² НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1698. Л. 24.

³ Это подтверждают воспоминания. На заднем дворе «под навесом сарая стояла старая развалившаяся карета, доставшаяся вместе с домом» (Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 73). Наличие кареты и сада, обширная планировка предполагает, что прежние жильцы были люди не простые.

слева, перед кинотеатром в лесах, выглядывает семейная усадьба Евграфа Львовича Бондаренко с входными воротами.

В воспоминаниях Ильи Евграфовича есть крайне редкое описание уфимской купеческой усадьбы, сделанное самим жильцом. Заглянем внутрь картины Сыромятникова. «Дом наш был не лучше соседних: длинный, одноэтажный, деревянный, ошитый тёсом "под руст", выкрашенный тёмно-красной краской. Парадное крылечко на двух столбиках со скамейками по бокам, на которых отец любил посидеть летним вечером, подзывая знакомых прохожих побеседовать и угощая их копчёной воблой, огромный короб которой стоял в чулане галерейки, ведущей с крыльца в комнаты. Ворота с типичными резными ампирическими розетками на полотнищах, калиткой, и рядом маленький деревянный флигелёк. Большой двор с каретниками (сараями), через весь двор по протянутой проволоке ночью бегают цепная собака. За сараями огромный запущенный сад с высокими берёзами [одна дождалась кисти Сыромятникова – *авт.*], дикими яблонями, кустами малины, смородины, крыжовника, два деревца сирени и клумба с выродившимися многолетками. В глубине заднего двора небольшой сруб бани»¹.

Купец поселился в весьма большом доме ранее зажиточной (дворянской?) семьи. «Постройки были старинные, но ещё крепкие. Наша семья расположилась в лицевой части дома по Лазаретной улице». Сын-архитектор даже приводил площадь семейной квартиры в 125 кв. м, четверть которой занимало «зальце с тремя окнами», рядом была гостиная, затем угловая комната

¹ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 60–61.

(видимо, в сторону совр. улицы Чернышевского) и столовая, «центр жизни дома», «для детей был отведён "верх", одна комната в мезонине: два маленьких окна с подъёмными рамами и дверью на балкон, где я с ранних лет спал всё лето до осени, причём балкон был защищён лишь с одной стороны парусиной от дождя». Также в доме имелись тёмный чулан и кухня с огромной русской печью, на ней спала кухарка. «На полатях спал кучер, за печью на нарах помещались дворник-татарин и мальчик, работавший в лавке, а два приказчика спали на полу в соседней, совершенно тёмной комнате. Кухня служила одно время столовой и для всех нас, только впоследствии была устроена отдельная столовая»¹.

Однако, количество лавок у Евграфа Львовича сокращается в начале 1870-х гг. В справочнике за 1876 г. среди крупнейших торговцев Уфы железным, скобяным, медным товаром Бондаренки не названы, как и среди ремесленников.

За счёт чего жила немаленькая семья? Мемуары сына показывают зажиточную обстановку квартиры, никаких «филиппик» про трудное детство у Ильи Евграфовича нет. Ели сытно, гуляли на праздники, могли позволить ненужный рояль поставить.

Изучение архивных документов позволяет предполагать, что Евграф Львович зарабатывал тремя способами. Во-первых, он продолжал семейное дело по продаже железных изделий, но, по всей видимости, перешёл к оптовой (или оптово-розничной) торговле. А родственникам оставил розницу. По крайней мере, по воспоминаниям сына Евграф Львович «лавку продал» перед самой болезнью и кончиной (см. далее).

Как раз во время сокращения числа своих лавок, к 1875 г. Евграф Леонтьевич делает шаг к инновациям, открывает текущий счёт № 115 в Уфимском отделении Волжско-Камского коммерческого банка, получает чековую книжку и начинает проводить операции по безналичному расчёту, безденежному, говорили тогда. В первый же год оборот капиталов у Е.Л. Бондаренко составил 12 640 руб. (пришло 6375 руб., а сам перевёл 6265 руб.)². Отчётность банка показывает размеры бизнеса, в 1876 г. оборот капиталов достиг величины в 19 937 руб.³, в 1877 г. – 19 042,5 руб.⁴, в 1880 г. – 22 700 руб. (сделки совершались в первой половине года, к июлю остаток на чековой книжке составлял всего 154 руб. 90 коп.)⁵.

¹ Там же. С. 62, 65–68.

² РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1178. Л. 87.

³ Там же. Д. 1179. Л. 8 об.

⁴ Там же. Д. 1180. Л. 76 об.

⁵ Там же. Д. 1183. Л. 82 об., 108 об.

25 июля 1880 г. в уфимском филиале Волжско-Камского банка прошла ревизия, из которой узнаём детали бизнеса Евграфа Леонтьевича. Он продавал в кредит под векселя (Н.О. Паршину, Я.И. Антипину, Н.Д. Шестакову на 1000 руб. каждому), сам под вексель купил товар в Нижнем Новгороде у К.А. Морозова на 3000 руб., у наследников Мурашова на 200 руб. В банке Е.А. Бондаренко открыли кредит на 10 тыс. руб. (лежали неоплаченные векселя на 4000 руб., в основном его должников)¹. Евграф Львович – крепкий средний предприниматель.

Это подтверждают его сделки через Волжско-Камский банк в последующие годы, в 1881 г. оборот по текущему счёту № 115 составил 32 017,99 руб., в 1882 г. – 27 609,44 руб., в 1883 г. – 12 129,29 руб. После чего Евграф Львович снимает остаток в 96 копеек и закрывает счёт в банке². Там ему, кстати, ликвидировали кредитную линию, теперь его векселя «просвечивали» на предмет надёжности, как у обычного посетителя. Но и в 1880-е гг. банк учитывал (покупал) векселя Е.А. Бондаренко, как его самого, так и партнёров³.

Е.А. Бондаренко привозил товары из Москвы (в 1887 г. купил под вексель у Г.Ф. Киббеля на 455 руб., это известный в столице Торговый дом Г. Киббель и К°, хозяин Герман Фёдорович Киббель, лаковая фабрика), Екатеринбурга (от П.Я. Коровина вексель в 1890 г. на 400 руб.), Нижнего Новгорода (в 1894 г. у Торгового дома братья Первовы под вексель на 177 руб. 4 коп.)⁴.

С последними Евграф Львович поддерживал постоянные контакты, у тех в Павлово был завод металлических изделий, где купец заказывал ножи, ножницы, пилы и пр. В 1896 г. купил товар под вексель в 150 руб., в 1897 г. на 191 руб., у наследников А. Иконникова тоже из Нижнего взял товара на 400 руб.⁵ Александр Иконников владел скобяными лавками.

Не критично смотрится и отказ от операций с безналичным расчётом. В конце XIX в. сложилось быстрое пароходное сообщение, легко доехать до Нижнего Новгорода, на ярмарке выбрать самолично интересующий товар, договориться, расплатиться, тут же погрузить на пароход и айда до дома. А с безналом... покупка по образцам, потом долгая доставка по нескольким железным дорогам, перегрузки, ящики без хозяйского надзора. Проще и удобнее по-старинке, с ветерком на пароходе...

¹ Там же. Л. 70, 71 об., 74, 76, 78, 80 об., 116.

² Там же. Д. 1184. Л. 78 об.; Д. 1185. Л. 78 об.; Д. 1186. Л. 78 об.

³ В 1886 г. – на 1800 руб., в 1887 г. – на 3000 руб. (Там же. Д. 1189. Л. 84; Д. 1190. Л. 82).

⁴ Там же. Д. 1190. Л. 74 об.; Д. 1196. Л. 5; Д. 1202. Л. 4 об.

⁵ Там же. Д. 1205. Л. 5; Д. 1206. Л. 68 об.

Во-вторых, на новом месте Евграф Львович сдавал помещения в аренду. Уфа стремительно разрасталась, площадей не хватало. Арендаторы – постояльцы не могли не запомниться мальчику, и в мемуарах Илья Евграфович указал, что «в крыле по другую улицу [Уфимскую, Чернышевского – авт.] поместилось городское приходское училище в один большой класс на сорок человек, с квартирой, где жил учитель А.И. Некрасов со своей семьёй»¹. То есть, сдавалось несколько комнат.

Во дворе стоял деревянный флигель, где «сначала жил грек, делавший халву, затем серебряник, паявший своей цевкой всякие кольца и цепочки, затем немец-колбасник Отто Манн, которого в доме у нас звали сокращённо "атаман"». А «в подвале под училищем жили крендельщики. Я подолгу смотрел на них, полуголых, как они месили тесто и пекли вкусные сушки и баранки»². Расчётливый Евграф Львович буквально каждую сажень усадьбы использовал, отдавая под аренду.

Действительно, немец (Саксонский подданный) О. Манн, в 1879 г. державший булочную с изготовлением колбас и ветчины в доме священника Покровского на Казанской улице рядом с телеграфной станцией³, в 1880-е гг. переезжает на Лазаретную, где снимал помещение в доме купца Бондаренко⁴. Он даже размещал рекламу (см. далее).

Из рекламы очевидно, что немец здесь торговал булочно-колбасной продукцией, значит имелся маленький магазинчик. Уфимцы десятилетиями ходили сюда за покупками, хотя арендаторы менялись. В 1902 г. в доме Бондаренко по Центральной улице 15 ноября открылась кондитерская К. Муравской⁵.

Уфимский листок объявлений и извещений. 1884. 12 марта

Во время инспекции в 1911 г. кондитерская Бондаренко на улице Центральной запомнилась проверяющим слоем на полу «не

¹ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 62.

² Там же. С. 69.

³ Уфимский листок объявлений и извещений. 1879. 3 декабря.

⁴ Там же. 1886. 22 декабря.

⁵ Там же. 1902. 18 ноября.

первой свежести опилок, сорная пыльная, ветхая печь; на окне ненужная бутылка под слоем пыли и грязи; кондитерские изделия не все покрыты и засиживаются мухами. В помещении для отдыха рабочих кроме круглого стола хозяйская кровать, и другие хозяйские принадлежности, что едва ли соответствует назначению помещения для рабочих»¹. По справочнику за 1911 г. по адресу улица Центральная, 40 работали парикмахерская Алексева и мебельная торговля Бондаренко.

Наконец, примерно в 1870-е гг. на Верхне-Торговой площади городские власти выстроили новые деревянные корпуса, где площади сдавались в аренду. И в корпусе № 5 сразу две соседние лавки № 5 и 6 выкупил Евграф Львович Бондаренко, в соседях – племянник А.В. Бондаренко. Стоимость имущества на 1897 г. оценивалась примерно в 600 руб.² Сравнительно небольшой пятый корпус находился в створе совр. улицы Свердлова, прямо на его месте возвышается главный корпус УУНиТа.

По всей видимости, Е.А. Бондаренко выкупил лавки в полную собственность, но за землю платил городу. По списку избирателей в городскую думу в 1892 г. ему принадлежали два объекта недвижимости ценностью в 1500 руб. (усадебка) и в 390 руб.³ (лавки в Гостином дворе). Их купец либо сдавал в аренду, либо использовал как оптовый склад для железных изделий, коими рядом торговал племянник Александр Васильевич.

В последние годы Евграф Львович Бондаренко пользовался в Волжско-Камском банке скромным кредитом в 3 тыс. руб., он торговал железными, скобяными, москательными товарами. Кредит был закрыт в 1905 г. после его смерти⁴.

Изучение архивных документов неожиданно открыло ещё один вид бизнеса. Оказывается, купец был... помещиком. Евграф Львович Бондаренко по купчей крепости от 25 января 1874 г. и данной от 26 мая 1892 г. приобрёл землю в Петропавловской волости Уфимского уезда близ дер. Охлыстино – всего 375 дес. Эти угодья по купчей крепости от 11 ноября 1898 г. он продал крестьянам Охлыстино / Ахлыстино за 20 500 руб.⁵

Это необычный факт. В Петропавловской волости располагались дворянские имения Антоновых, Тихана, Воецких, Нови-

¹ Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. С. 178.

² НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1698. Л. 168.

³ Уфимский листок объявлений и извещений. 1892. 14 декабря.

⁴ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1216. Л. 131 об.

⁵ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 400. Л. 178. Данная запись оформлялась при покупках с аукционов или передачи недвижимости от казны.

ковой, Аничковой¹. В источниках не удалось найти никаких свидетельств об этом владении (оно состояло из двух частей, вторая была приобретена с аукциона). Можно предположить, что Е.Л. Бондаренко сдавал его в аренду крестьянам деревни Ахлыстино. По переписи 1912–1913 гг. у них в каждой из двух общин имелось по 400 дес. купчих земель². Возможно, в имении имелась усадьба и летом Бондаренки там отдыхали, от Уфы недалеко вниз по Белой, но свидетельств никаких нет. Кроме мемуара.

Сын-архитектор вспоминал. «Смутно рисует память одну из первых поездок на пароходе по р[еке] Белой. Где-то около Дюртюлей пароход остановился ночью, подали с берега лодку и меня, полусонного, несли мать по трапу куда-то в неведомую чёрную бездну реки... Это мы ехали в деревню Ахлыстино»³.

Немного спугав географию, Дюртюли ниже по течению, чем Ахлыстино (или плыли с низа, от Казани), Илья Евграфович свидетельствует, что Бондаренки ездили в своё имение всей семьёй, значит, там имелись жильё, обстановка для маленького ребёнка. Наверняка, рачительный отец организовал там какой-нибудь бизнес.

Более того, в 1890-е гг. у Бондаренко с улицы Лазаретной имелось второе имение! На 1894 г. Евграфу Львовичу принадлежал немалый участок в 135 дес. к югу от города, возле станции Шингак-Куль⁴. Можно предположить, что купец участвовал в быстро развивавшемся под Уфой дачно-курортном бизнесе. В воспоминаниях сына есть строки о южных окраинах, где у его дяди была мельница при башкирской деревне Салиховой⁵. Там летом отдыхал будущий архитектор. Возможно, в строках проглядывает память и об отцовском поместье. Илья Евграфович поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества в 1887 г., в 1891 г. ненадолго возвратился в Уфу. Вероятно, отец уже приобрёл второй участок при Шингак-Куле.

Сохранившийся алфавит гражданских дел в суде за 1888–1894 гг. показывает сделки Е.Л. Бондаренко с Чемодуровым, Верниковским, Михайловым как по купчим, так и по закладным и данным (приобретение с торгов)⁶. Евграф Львович совершает

¹ См.: *Роднов М.И.* Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в.: Забелье. Запад. Уфа, 2019. Не у кого-то ли из них и усадьбу на Лазаретной выкупил Евграф Львович?

² Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 736.

³ *Бондаренко И.Е.* Указ. соч. С. 81–82.

⁴ Уфимский листок объявлений и извещений. 1894. 2 мая.

⁵ *Бондаренко И.Е.* Указ. соч. С. 123–125.

⁶ НА РБ. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 544. Л. 105 об. – 108 об.

операции с недвижимостью.

Повторимся, с нашей точки зрения, такой «умеренный» бизнес во многом был связан с непрерывно растущей семьёй, для благополучия которой требовалась стабильность. В многолюдном доме Евграфа Львовича и Александры Ивановны Бондаренко подрастали не только их дети, вместе со всеми воспитывался сын Михаил от первого брака (1861 г. р.).

Его облик сохранил в памяти единокровный брат-архитектор. «Появлялся старший брат мой от первого брака отца, его любимец, тогда уже молодой человек, помогавший отцу по торговле, но совершенно спившийся среди приказчиьего мира и, в конце концов, погибший от пьянства. Он был красив, с приятным голосом, франтовато одевался, недурно рисовал и отлично играл на гармонике». На семейных праздниках «брат Михаил, уже выпив с приказчиками, которым также выставлялось угощение (при отце он не смел пить), начинал на своей "итальянке трёхрядной" репертуар народных песен»¹. Михаил Бондаренко в документах не фиксируется как самостоятельный предприниматель, видимо, так и провёл жизнь в приказчиках. Согласно записи в метриках Всесвятской церкви, что на окраине Уфы, Михаил Евграфович Бондаренко скончался 4 апреля 1918 г. «от сужения пищевода» в возрасте 58 лет².

Судьба детей от второго брака прослеживается фрагментарно. При отце (до 1905 г.) сыновья, видимо, учились и трудились в его бизнесе, некоторые покинули Уфу. Более-менее ясна ситуация с девушками. Они остались в купеческом «круге», наши суженых, наверняка, в окружении деловых партнёров отца.

Татьяна в 18 лет в Успенском храме 9 мая 1893 г. вышла замуж за 28-летнего уфимского купеческого сына Василия Арсеньевича Бушмарина, первенец Анна появилась на свет 31 января 1894 г.³ Татьяна Евграфовна ушла в богатую семью купцов-хлеботорговцев. После уехала в Москву. В метрической книге столичной церкви в Тверской-Ямской слободе за 1908 г. есть запись о рождении сына у уфимского купца 2-й гильдии Василия Арсеньевича Бушмарина и Татьяны Евграфовны (в крёстных сын уфимского купца Иван (Илья?) Евграфович Бондаренко)⁴.

Ольга в 1898 г. ещё в девицах, крёстная у Боков в Белебее (см. выше). А 2 февраля 1901 г. в семейном Успенском храме 19-летняя купеческая дочь Ольга Евграфовна Бондаренко венчается

¹ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 74.

² НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 50. Файл 0150. Похоронен на Преображенском (ныне Сергиевское) кладбище.

³ Там же. Оп. 2. Д. 34. Л. 905 об. – 906; Д. 36. Л. 361 об. – 362.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2124. Оп. 2. Д. 36. Л. 39 (Яндекс-архив).

ся с 21-летним рыбинским мещанином из Ярославской губернии Александром Петровичем Орешниковым. В свидетелях муж сестры В.А. Бушмарин¹. Молодые оставались в Уфе, первенец Георгий прожил недолго (14 августа – 16 декабря 1902)².

Затем, видимо, семья обосновалась в Нижнем Новгороде, где в 1907 г. супруги расстались³. В 1910 г. она записана в метрике ещё как мещанская жена Ольга Евграфовна Орешникова из Рыбинска Ярославской губернии, а уже в 1912 г. – как разведённая жена Ольга Евграфовна Бондаренко⁴. Орешниковы – предприниматели, на 1914 г. в Рыбинске действовал лесопильный завод Е.И. Орешниковой. После редкого в те времена развода, Татьяна вернула девичью фамилию и возвратилась в Уфу.

В своих воспоминаниях Илья Евграфович Бондаренко несколько раз упоминается на кончине старших из семьи. Он регулярно приезжал в Уфу, с 1888 г. действовала железная дорога и его, видимо, вызывали телеграммами. Поэтому трагические моменты врезались в память.

В первую очередь кончина отца. Уфимский купец Евграф Львович Бондаренко скончался в возрасте 75 лет 23 января 1905 г. Видимо, долго болел, причиной смерти в метрике записали рак печени. Торжественное, наверняка, отпевание 26-го января в Успенском храме провели лично протоиерей Александр Надеждин и знаменитый в уфимской истории священник Виктор Константиновский⁵.

Ситуацию в семье в последние годы описал сын-архитектор. «Потеря меня для дома и для отца была неощутительна: он давно уже махнул на меня рукой, только и полагался на двух братьев, помогавших ему в лавке; но под конец своей жизни, когда один брат должен был уйти на войну, отец, оставшись с младшим братом, лавку продал и скоро слёг, чтобы более не встать. К этому времени дом уже стал дряхлеть. Мать была больна, и из большой семьи в 11 человек в живых кроме меня и двух братьев остались обе дочери. Обе были замужем, и в по-

¹ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 49. Л. 823 об. – 824.

² Там же. Оп. 5. Д. 3. Файлы 0608, 0756. Крёстными у малыша были дети чиновника Борис и Александра Ивановичи Бок.

³ В метрике Успенской церкви запись о браке перечёркнута и ниже добавлена следующая запись. «Решением Нижегородского Епархиального Начальства от 23–25 января 1907 г., утверждённым Св. Синодом 8 Августа 1907 г. за № 9055-м, брак супругов Орешниковых расторгнут (указ Уфимской Дух. Консistorии от 18 Сентября 1907 г. за № 10727-м)» (Там же. Оп. 2. Д. 49. Л. 824).

⁴ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 25. Файл 00000541; Д. 31. Л. 25 об. – 26.

⁵ Там же. Д. 10. Файл 00703.

следние свои дни отец остался только с младшим братом»¹.

Сравнение метрик и мемуара показывает «исчезновение» старших сыновей Василия (1867 г. р.) и Анатолия (1873 г. р.). Умерли в юности или куда-то «отчалили», неизвестно. С отцом в лавке до его смерти в 1905 г. трудились Семён (1878 г. р.) и Александр (1884 г. р.). Семёна, значит, мобилизовали на русско-японскую войну. Дочери упоминались не случайно. Они тогда были рядом, Татьяна Евграфовна Бушмарина жила в Уфе, а в 1907 г. развелась Ольга и вернулась под отчий кров.

Умирал «недолго проболевший» Евграф Львович Бондаренко (1831–1905) в полном сознании, сыну Александру сделал необходимые распоряжения, на панихиду позвать родственников, «у кого нет лошадей». «И тихо умер отец в эту же ночь. Я не застал уже его в живых и приехал на отпевание. А со смертью отца окончилась и жизнь нашего дома»².

Основной бизнес наследовал сын Александр, именно он указан владельцем недвижимости на Верхне-Торговой площади в 1905 г. Тихо жившая престарелая матушка нигде не фиксируется, но Александр Евграфович Бондаренко в 1907, 1909, 1910 гг. указывается купеческим сыном, в 1908 и 1910 гг. – купцом.

Остававшийся первое время единственным наследником 22-летний Александр Евграфович Бондаренко создаёт семью. 6 октября 1906 г. в Спасском храме он обвенчался с 25-летней дочерью диакона Любовью Иоанновной Нечаевой³. В старинном доме на Центральной вновь зазвучали детские голоса, родились Анатолий (3 июля 1907 г., копию метрики заказывали в архиве в 1924 г.), Надежда (18 августа 1908 г.), Елизавета (29 августа 1909 г.), Евграф (9 декабря 1910 г., копию брали в 1932 и 1951 гг.), Георгий (29 марта 1912 г.)⁴.

Отцова усадьба на Центральной по справочникам за 1908 и 1911 гг. оставалась в собственности наследников Е.Л. Бондаренко, мудро не стали делиться (с 7 октября 1911 г. только у Се-

¹ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 131.

² Там же. С. 131–132.

³ В поручителях сводный брат мещанин Михаил Евграфович Бондаренко, двое крестьян и сын чиновника (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 14. Файл 00000516).

⁴ Там же. Д. 15. Файл 0503; Д. 21. Файл 0914; Д. 23. Файл 00000607; Д. 25. Файл 00000541; Д. 31. Файл 00000554. На крестины Георгия в 1912 г. приехал «архитектор города Москвы Илья Евграфов Бондаренко». Последний был в Уфе в 1915 г., когда планировалось устройство братского кладбища для погибших на войне. «Сегодня член управы Кузнецов и архитектор художник Бондаренко выезжают на братское кладбище для вырешения вопроса об архитектурном украшении кладбища» (Уфимская жизнь. 1915. 25 октября).

мёна и Александра Бондаренко). Последний, видимо, стал основным преемником и пытался продолжить торговлю железными изделиями. В 1910 г. в крёстные новорождённому Евграфу Александровичу позвали Алексея Александровича Литвинова, крестьянина из Пожевского завода Соликамского уезда Пермской губернии. А Пожевский машиностроительный завод выпускал противопожарное и иное оборудование. Но в 1912 г. при рождении Георгия, Александра Евграфовича учитывали уже как уфимского мещанина. Отцовы же лавки в пятом деревянном корпусе на Верхне-Торговой площади были сданы в аренду И.А. Забарко¹. Дела шли неважно. На 1912 г. усадьба оценивалась в 10 325 руб., но торговлей занимался только брат Семён².

И к 1911 г. брат Семён Евграфович Бондаренко пытается открыть собственный отдельный бизнес на отцовской усадьбе (Центральная, 40). Справочник за 1911 г. разместил рекламу мебельного магазина С.Е. Бондаренко (в другом месте его ошибочно нарекли В.Е.). Здесь предлагалась разная мебель – гостинная, будуарная, кабинетная, столовая, а также зеркала, кровати, матрацы и умывальники. «Цены умеренные». Принимались заказы на столярные и обойные работы.

Затем грянула война с германцем, свалилось самодержавие, революционные витии накликали Гражданскую войну, утвердились большевики. Неожиданно явился архитектор Илья Евграфович Бондаренко ... и учреждает художественный музей. Но это уже совсем другая история.

Судьба усадьбы Бондаренок на улице Центральной (Ленина) такова. 27 августа 1914 г. она по данной записи переходит к дочери, Татьяне Евграфовне Бушмариной. Данная (а не купчая) оформлялась в случае перехода недвижимости по аукциону, с торгов или по решению казённого (муниципального) органа власти. Значит, братья Александр с Семёном обанкротились.

Дочь Татьяна проживала в Москве, и 31 июля 1915 г. она продаёт домовладение мужнину брату Фёдору Арсеньевичу Бушмарину, а тот в 1917 г. перепродал дом с участком Муфтахутдину Мухаметзянову (сделка утверждена старшим нотариусом 30 декабря 1917 г.)³. У бедолаги Мухаметзянова недвижимость и муниципализировала советская власть.

По переписи 1923 г. по адресу ул. Центральная, 40 домовладение площадью 950 кв. саж. принадлежало Горкомхозу (бывш. Бондаренко). Там находилось сразу пять одноэтажных

¹ Григоренко Л.Ф., Роднов М.И., Тарасова Т.В. Указ. соч. С. 147.

² Уфимские губернские ведомости. 1912. 19 декабря. Приложения.

³ НА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 88. Л. 59 об. – 60.

деревянных домов, три с жилыми квартирами, амбар и погреб. Всего здесь проживали десять семей и трое одиноких (38 чел.), находилось четыре промышленных заведения¹.

К следующей переписи 1926 г. бывшую усадьбу Евграфа Львовича Бондаренко разделили на две части. Основную часть по адресу улица Зенцова, 40а сохранил за собой Горкомхоз (741 кв. саж.). Тут стояли два деревянных одноэтажных дома. В первом располагалась пивная лавка и четыре квартиры – трёхкомнатная, двухкомнатная и две однокомнатных, в коих ютились восемь семей (21 душа).

Второй участок (Зенцова, 40б) к 1926 г. снял арендатор А.А. Михайлов. В жилом одноэтажном деревянном доме (двухкомнатная квартира) проживали две семьи из пяти человек, работала парикмахерская².

Наконец, кому-то из уфимских Бондаренок принадлежала дача за городом, на окраине Восточной слободы. Где ныне Южный автовокзал, на 1926 г. раскинулся аэродром. Землю в 60 тыс. кв. саж. у Горкоммунотдела арендовал Башавиахим, стоял ангар с самолётами (900 кв. саж.). А рядышком лежала бывшая дача Бондаренко, тоже в аренде у Башавиахима. Там находился жилой деревянный двухэтажный дом с двумя квартирами (двухкомнатная и однокомнатная), стояли деревянная одноэтажная сторожка (однокомнатная квартира), каретник, баня, сарай, погреб. Обитателями дачи являлись 11 человек и две коровы³, видимо, работники авиации (без копытных). То, что бывшая дача Бондаренко вошла в состав первого уфимского аэродрома подтверждают сведения за октябрь 1929 г.: «Восточная слобода в г. Уфа (б. Бондаренко). Бензино-хранилища и голубятни»⁴. Это видно из советской карты:

¹ Там же. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 309. Файл 00208.

² Там же. Д. 530. Файл 00306.

³ См.: Там же. Д. 530.

⁴ Там же. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 1236.

Неорусский стиль Ильи Бондаренко

Архитектор Илья Евграфович Бондаренко (1870–1947) – известное имя в Москве первых десятилетий XX в. Сын уфимского купца, начавший свой путь к творчеству в московском Училище живописи, ваяния и зодчества (1887–1890), а затем доучившийся на строительном отделении Политехникума Цюриха (1891–1894), был образованным, энергичным, любознательным, лёгким в общении человеком, что открыло перед ним по возвращении в Москву многие возможности. В 1896–1899 гг. он уже «помощничал» на постройках А.Е. Вебера, Н.И. Какорина, В.Г. Сретенского и Ф.О. Шехтеля. Наблюдая в 1896 г. за постройкой шехтелевских сооружений на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде, он познакомился с одним из самых успешных участников этой экспозиции – Саввой Ивановичем Мамонтовым, который, видимо, сразу оценил его строительные навыки и организаторские способности, а также любовь и знание музыки. Как вспоминали многие современники, Мамонтов не пропускал способных молодых людей, вовлекая их в круг интересов Абрамцево, в котором стихийно сформировался «самый живой художественный центр»¹. «Своим темпераментом Мамонтов умел разжигать художественную страсть у молодых художников, умел веселить, воодушевлять, забавлять и увлекать разными затеями»². Во всяком случае, в том же 1896 г. Бондаренко стал не только членом «Кружка любителей русской музыки», но и Мамонтовского кружка. Фактически сразу он получил от «Саввы Великолепного» заказ на жилые и производственные строения будущего гончарного завода «Абрамцево» за Бутырской заставой³, которые были выстроены из дерева и сохраняли выразительную фактуру сруба, а в 1897–1898 гг. на перестройку театра Г.Г. Солодовникова для Русской частной оперы Мамонтова.

В своих воспоминаниях Илья Бондаренко⁴, обладавший несомненным литературным талантом, подробно описал знамени-

¹ *Щербатов Сергей*. Искусство как вид духовного познания. М., 2022. С. 183.

² Там же.

³ *Нащокина М.В.* Архитектурные предпочтения Саввы Мамонтова // Абрамцево 2019/14. Абрамцево в истории и культуре России. Материалы и исследования. М., 2019. С. 99–113.

⁴ См.: *Бондаренко И.Е.* Записки художника-архитектора. Труды, встречи, впечатления. Кн. 1–2 / Под ред. М.В. Нащокиной. М., 2018.

тую Всемирную выставку 1900 г. в Париже, в которой стал непосредственным участником. Именно она стала для него первым и самым важным опытом работы в зарождавшемся неорусском стиле. К проектированию павильонов Кустарного отдела в Париже молодой зодчий был привлечен С.И. Мамонтовым совместно с коренным «мамонтовцем» – художником Константином Коровиным. Видимо, такой творческий тандем, созданный Саввой Ивановичем, изначально предполагал определённое распределение обязанностей. Коровин должен был предложить запоминающийся национальный образ, может быть даже намеренно фантастический, призванный привлечь внимание публики в многоликой выставочной среде, а Бондаренко воплотить его в реальность, то есть перевести художественные идеи в форму профессионального архитектурного проекта и выстроить его с хорошим качеством.

Так всё и произошло. Сохранившиеся эскизы К.А. Коровина показывают, как далеки они были от архитектурного чертежа. Их преобразованием в проект и последующим строительством занимался Бондаренко, руководивший бригадой приехавших с ним русских плотников. В результате вместе с Коровиным они открыли новую страницу в истории русского стиля. Образы народной русской архитектуры, первоначально развивавшиеся в недрах Мамонтовского кружка, в живописных, сценических и архитектурных работах Виктора Васнецова, были преобразованы в несколько утрированные, но яркие и выразительные формы Кустарного отдела, выстроенного в виде Русской деревни, оказавшейся у истоков нового этапа развития национального стиля начала XX в., который вскоре получил название ново- или неорусского.

В работе над этими павильонами нашли своё первое воплощение и впечатления, накопленные Бондаренко в путешествиях по древнерусским городам Центральной России, Поволжью и деревням Русского Севера. Как писал Бондаренко: «Весь русский кустарный отдел представлял собой группу зданий, непосредственно связанных друг с другом переходами и открытой галереей. Начинался отдел выставки рубленой церковкой по типу северных русских церквей. Общая масса этой церкви весьма напоминала церкви архангельского края, но не была повторением ни одной из существующих церквей. Это была свободная композиция, придерживались лишь общих форм древнерусского деревянного зодчества»¹. В архиве зодчего, хранящемся в РГА-ЛИ, сохранилось несколько рабочих материалов (кальки) по па-

¹ Там же. Кн. 1. С. 552.

рижским павильонам, которые позволяют сравнить образные эскизы Коровина со степенью детализации чертежей Бондаренко, превративших фантазии художника в реализуемые архитектурные формы. Неудивительно, что награду Выставки по архитектуре за павильоны получил только он¹.

Кустарный павильон на Всемирной выставке 1900 г. в Париже.
Архитектор И.Е. Бондаренко, 1899 г. (интернет)

Нельзя не подчеркнуть, что эта работа, получившая мировое признание², стала родоначальницей целого направления в выставочной архитектуре России. Впоследствии стилистические мотивы и формы Русской деревни были не раз использованы в

¹ Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб., 1900. С. 83.

² Высшую награду Всемирной выставки 1900 года по разделу Архитектура получил автор главного русского павильона (Павильон Русских окраин) – Р.Ф. Мельцер; серебряные медали получили авторы павильона Финляндии, входившего в экспозицию России – А. Линдгрэн и Э. Сааринен; Бондаренко был отмечен бронзовой медалью Всемирной выставке в Париже за комплекс павильонов русского Кустарного отдела. К.А. Коровин получил несколько медалей по разным отделам – золотую медаль по разделу «Живопись, картины, рисунки», две серебряных медали по разделу «Декорирование зданий и жилищ», серебряную медаль по разделу «Обыкновенная и художественная мебель» (Там же. С. 82, 83, 100, 101).

экспозиционных ансамблях. Первым идею русской деревни с доминантой в виде шатрового храма подхватил Франц Шехтель, создавший в 1901 г. Павильоны русского отдела на Международной выставке в Глазго. Хотя язык стилизации в его павильонах был более модернизированным, идея создания экспозиции в виде деревянных строений русской деревни повторяла задумку Мамонтова, Коровина и Бондаренко. Позднее стилистика Кустарного отдела была использована для создания русского павильона на выставке в Милане в 1906 г. (арх. А.Н. Дурнов). В расширенном виде русская деревня с шатровыми верхами башни и колокольни предстала в павильонах Юбилейной выставки в Ярославле в 1913 г. (арх. А.И. Таманов). Любопытно, что, по словам Бондаренко, по окончании выставки «все павильоны были куплены в дачные места, а главный павильон приобрела Сара Бернар для своей виллы где-то под Парижем, и десятник Вилков¹ ей перевозил и собирал павильон»².

По возвращении в Россию И.Е. Бондаренко стал уже довольно известен в профессиональном сообществе, однако его собственное творчество с трудом набирало обороты в Москве, где уже сложился круг востребованных практикующих архитекторов. В него молодому зодчему было войти трудно. Хотя уже в 1896 г. он открыл собственную архитектурную мастерскую, частных заказов у него было мало – частью это были строительные перестройки, частью – скромные провинциальные сооружения в Иванове-Вознесенске. Поэтому с 1900 г. он занял место архитектора Иверской общины сестёр милосердия Красного Креста в Москве, что дало ему постоянный заработок. Однако Илья Евграфович продолжал энергично прокладывать свою дорогу к подлинному творчеству. Он участвовал в архитектурных и художественных конкурсах, стал одним из организаторов значимой для развития стиля модерн выставки «Архитектуры и художественной промышленности Нового стиля в Москве» (1902–1903), подготовил альбом памятников московского ампира, создал несколько проектов, в основном, неосуществленных, и ... дождался своего звездного часа. Им стал Высочайший манифест «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 (30) апреля 1905 г. В данном законе раскольники стали официально называться старообрядцами, им была объявлена свобода в проведении бого-

¹ Колоритная фигура владимирского десятника Вилкова, руководившего плотниками, приехавшими строить павильоны Кустарного отдела, а затем продолжившего работу на постройках Бондаренко в России, занимает в главе о Парижской выставке в воспоминаниях зодчего одно из центральных мест.

² *Бондаренко И.Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 556.*

служений, строительстве храмов, основании монастырей и беспрепятственной проповеди своих убеждений. С этого момента жизнь Бондаренко оказалась довольно неожиданно, но тесно связана с последователями старой веры.

Его первым знакомцем из старообрядческой среды стал Николай Петрович Ануфриев (?–1941, Москва) – тогда ещё молодой человек, выпускник Московского университета, влюблённый в древнерусское искусство, сын П.И. Ануфриева – старообрядца, видного деятеля Второй Московской Поморской общины старообрядцев брачного согласия, председателя правления Товарищества фарфоровых фабрик знаменитого М.С. Кузнецова. Будучи по семейной традиции убежденным сторонником старой веры, Н.П. Ануфриев, вскоре ставший секретарём общины, познакомил Бондаренко с Елисеем Поляковым, сыном известного фабриканта И.К. Полякова – главы правления мануфактуры Викула Морозова и также старообрядца. Так волею судеб зодчий оказался сразу связан с наиболее авторитетными кланами московских старообрядцев, а вскоре получил заказ на постройку первого старообрядческого храма в Москве в Токмаковом переулке (1907–1908).

Почему же из немалога числа московских зодчих, умело строивших в национальном стиле, именно молодой сибарит Бондаренко, с удовольствием предававшийся в Москве всем радостям жизни, получил заказы на новые храмы строгих и аскетичных старообрядцев, строительство которых было разрешено Манифестом 1905 г.? В специальной главе своих воспоминаний Илья Евграфович подробно рассказывает, как произошло его сближение с московскими староверами. Но надо добавить, что детство И.Е. Бондаренко прошло в Уфе, где проживали многочисленные старообрядцы, а в рядах местных купцов выделялись внушительные кланы сторонников старой веры¹. Не случайно старообрядческие мотивы присутствуют у его старшего современника и также уфимца Михаила Нестерова. Как не вспомнить картины Нестерова с изображением задумчивых девушек в старинных сарафанах и узорных платках до бровей на высоких берегах реки Уфимки – старая вера в поликонфессиональной Уфе существовала вполне легально, никаким преследованием и до 1905 г. не подвергалась, была довольно распространённой.

¹ В календаре за 1914 г. в Уфе отмечены четыре старообрядческих общины (три поморцев и одна белокриницкой иерархии, «австрийцев») (Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С. 71–72). Среди старообрядцев Уфы выделялись видные купеческие фамилии – Кузнецовы, Першины, Калмацкие и другие.

Видимо, главными для практичных и рачительных заказчиков было всё же не знакомство и даже не личные качества выбранного зодчего, а два других обстоятельства: успех выстроенных Бондаренко павильонов Русской деревни в Париже и его солидное европейское образование, удостоверявшее профессионализм в строительных и технических вопросах.

Когда был снят запрет на старую веру, особого типа древлеправославного храма не существовало. Бондаренко по существу пытался его выработать, вероятно, опираясь на мнения и желания заказчиков. Об их требованиях он не написал в своих воспоминаниях, не рассказал, и как родился его первый проект старообрядческого храма – были ли варианты? Но судя по тому, что он продолжал получать заказы от старообрядцев – его подход к созданию архитектурного образа их удовлетворил.

Образ выстроенного им в Токмаковом переулке небольшого храма беспоповцев Поморского согласия Воскресения Христова и Покрова Богородицы кардинально отличался от всего церковного зодчества той поры – полностью облицованный керамической плиткой – кабанчиком, который ранее никогда не применялся для храмовых построек, с дивным абрамцевским керамическим порталом, напоминающим по форме белокаменные перспективные порталы древнерусских церквей, с непривычными для православного зодчества витражами в окнах и двумя парящими ангелами на цветном майоликовом панно щипца звонницы, этот поблескивающий на солнце московский храм появился в городе как приковывающая взгляд яркая и очень современная диковина. Своим необычным обликом он сразу заявил о старообрядцах как заметной духовной и культурной части общества. На этот результат и рассчитывали его заказчики, которые, вопреки бытующим представлениям об ортодоксальности и сугубой традиционности старообрядцев, оказались способны первыми воспринять новую храмовую эстетику.

В самом деле, храм в Токмаковом переулке не имел конкретных исторических прототипов, как часто бывало в церковном зодчестве начала XX в., их не упомянул и Бондаренко. Разве что двускатное покрытие звонницы и небольшие бочки в основаниях главок напоминали формы клетских деревянных храмов Русского Севера – как обмолвился в своих воспоминаниях архитектор – «вспомнился наш Север». Обмолвка красноречива, как известно, именно Север стал прибежищем гонимых ревнителей старого благочестия, что, видимо, заметили и оценили в его проекте московские поморцы. Ещё одним важным смысловым знаком для них была икона Спаса Вседержителя в руках парящих ангелов на щипце храмовой звонницы, которая копировала

икону середины XVII в. со Спасских ворот Московского Кремля¹. Это напоминало им о почитаемых дониконовских временах.

Общая объёмно-пространственная композиция постройки традиционна: притвор, колокольня, собственно храм и алтарная апсида нанизаны на ось запад-восток. Однако нельзя не подчеркнуть, что трактовка всех форм храма была весьма далёкой от привычных первообразов, причём их бросающаяся в глаза современность сочеталась у Бондаренко с конструктивной новизной – он привлёк к строительству известного инженера А.Ф. Лолейта, работавшего в лучшей фирме по бетонным работам «Юлий Гук», и смело использовал железобетон для всех частей здания.

Пожалуй, самым оригинальным приёмом отделки этого храма была необычная рельефная разработка стены, имевшей несколько планов, ставшая вскоре отличительным знаком почерка зодчего. В ней обращала на себя внимание не только игра керамических поверхностей – основной, покрытой светлым кабанчиком, и чуть отступающей в верхней части (фризовой) с крупным кокошником в центре, облицованной тёмной абрамцевской акварельной плиткой, – но и лаконичные обрамления окон в виде гладких треугольных щипцов на коротких дутых колонках, наложенных на стену как аппликация, и намеренно усложнённые выступающие фигурные рамы витражей. Витражи, как известно, не свойственны русской храмовой архитектуре, хотя некоторые их образцы с реалистическими изображениями евангельских персонажей можно найти в церквях второй половины XIX в., в основном, в алтарных окнах, видимых лишь во время службы. Витражи же храма в Токмаковом переулке совершенно другие – их металлические рамы являются едва ли не самым значимым элементом пластического декора во внешнем виде постройке. Лаконичные и выразительные рисунки креста, цветков, шестикрылого серафима выделены выступающими рамками, отделяющими один цвет стекла от другого, причём, кроме прозрачных стёкол использованы и матовые светлые, которые хорошо видны именно снаружи.

В этом сооружении, как представляется, лучшим из всех построенных старообрядческих храмов Бондаренко, зодчий трансформировал богатую пластику храмостроительства Пскова и Новгорода в новые сравнительно камерные архитектурные формы, обобщив их и пропустив через художественное мироощущение Мамонтовского кружка, свободно комбинируя сильно стилизованные и даже утрированные элементы древне-

¹ Новый московский храм старообрядцев // Церковь. 1908. № 23. С. 827.

русского зодчества. В этом смысле его старообрядческие храмы (всего их было 12), строившиеся на протяжении 10 лет с 1906 по 1916 г., стали развитием принципов, заявленных ещё в 1881–1882 гг. В.М. Васнецовым и В.Д. Поленовым в маленькой абрамцевской церковке¹. Приверженность Бондаренко эстетике Мамонтовского кружка выразилась и в том, что почти все его храмы были украшены (или их по проекту предполагалось украсить) керамикой московского завода «Абрамцево», руководимого С.И. Мамонтовым, нередко игравшей в них ведущую декоративную роль².

В храме в Токмаковом переулке предстали полностью сформированными основные приёмы его церковной архитектуры, определившие его творческий почерк – образный лаконизм и внимание к прорисовке силуэта, использование традиционных луковичных глав и выразительных квадратных или прямоугольных в плане колоколен, подчёркнутое внимание к разработке плоскости стены, аппликативное расположение на ней отточенных деталей (окон с наличниками, ниш, панно), частое использование фасадной майолики (конечно, абрамцевской (!), от Саввы Ивановича), живописных вставок и витражей, акцент на границах фактур и по-разному облицованных поверхностей.

Этот храм произвёл сильное впечатление на московских старообрядцев и стал убедительным аргументом для следующего заказчика Бондаренко – миллионера, видного деятеля поповцев белокриницкого согласия Арсения Ивановича Морозова, прозванного «Столпом староверия» – главы Богородско-Глуховской мануфактуры. Именно он поручил ему создание нового капитального храма в Богородске (в Глухове) при его фабриках. Стоит заметить, что Богородский уезд был издавна густо населён старообрядцами, в нём располагались такие области староверов как Гуслица, Патриаршина и пр., где к концу XIX в. было более 120 старообрядческих моленных, существовали моленные и при фабриках в Глухове и Истомкове, но не было ни одной новой старообрядческой церкви.

Первой, выстроенной в Глухове (входило в состав Богородска) после Манифеста в 1910–1911 гг. стала церковь во имя пророка Захарии и великомученицы Евдокии, возведённая И.Е. Бондаренко. Посвящение церкви было непосредственно связано с семьёй заказчика – храм воскрешал в памяти тезоименных

¹ *Нащокина М.В.* Московская архитектурная керамика. Конец XIX – начало XX века. М., 2014. С. 253–258.

² *Нащокина М.В.* Савва Иванович Мамонтов в мемуарах и судьбе архитектора Ильи Бондаренко // *Абрамцево 2020/15. Абрамцево в истории и культуре России. Материалы и исследования.* М., 2021. С. 116–122.

святых деда и бабушки Арсения Ивановича – создателя Глуховской мануфактуры Захара Саввича Морозова и его жены Евдокии Мартыновны. Как сообщал старообрядческий журнал «Церковь» в 1911 г. (возможно со слов самого Морозова) глуховский храм отдалённо напоминал строгий одноглавый Спасо-Преображенский собор XII в., основанный Ефросиньей Полоцкой в Полоцке (теперь – на территории Спасо-Ефросиньева монастыря), но был дополнен декоративными деталями московского зодчества XV в. и узорочья XVII в., аранжированными в совершенно иное художественное целое¹.

Архитектурный декор храма грубоват по исполнению, но его лапидарность, видимо, нивелировала фасадная живопись с некрупными одно- и многофигурными религиозными сюжетами, замысел которых, возможно, также принадлежал Бондаренко. Благодаря необычной грузной в основании ярусной колокольне с двумя ярусами слухов, пристроенной к северо-восточному углу храма посредством придела, облик этой постройки стал единственным в своём роде. Все средства на строительство церкви, дом причта, колокола и иконостас были пожертвованы А.И. Морозовым, который кроме того купил и уникальные Царские ворота, созданные в XVI в. для Благовещенского собора Московского Кремля².

Несколько старообрядческих храмов Бондаренко создал для могущественного фарфорового короля России – М.С. Кузнецова, председателя Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища (белокриницкое согласие), который после выхода Манифеста активно занялся храмовым строительством в своих имениях и при фабриках. Самым удачным из них стал, пожалуй, лаконичный выразительный храм во имя Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы в его тверском имении Кузнецове на Волге, возведённый в 1909 г. Это было сравнительно небольшое одноглавое сооружение, построенное по прежней схеме – паперть, притвор, храм, алтарь, то есть без трапезной. Над притвором возвышалась колокольня с высоким шатром на два ската, в которую по сторонам были врублены дополнительные острые двускатные шатрики, создававшие поперечный проход на

¹ В 2024 г. Русской Православной Старообрядческой Церкви возвращено здание храма в честь святых пророка Захарии и преподобномученицы Евдокии, построенное в 1906–1910 гг. на средства знаменитого церковно-общественного деятеля А.И. Морозова по проекту архитектора И.Е. Бондаренко. Теперь открыт путь к его реставрации (<https://rpsc.ru/news/regional/zaharinskij-hram-noginsk/?ysclid=mmbs3n9wqx461277678>).

² *Бондаренко Илья*. Записки коллекционера // Памятники Отечества. Заветано России. 1993. № 29 (1–2). С. 26.

уровне яруса звона. Кубический объём храма имел со всех сторон пологие треугольные щипцы, покрытые двускатными кровлями. Они пересекались с четырёхскатным усечённым шатром, увенчанным барабаном луковичной главы храма. Характерным элементом отделки этого храма была разработка северного и южного фасадов в виде заглублённого в плоскость огромного трёхчастного «кокошника», на поверхности которого выделялись окна в два яруса и остроконечные порталы боковых входов.

Самым крупным храмом Ильи Бондаренко стала московская Покрово-Успенская церковь в Малом Гавриковом переулке в Лефортове (1909–1912) с глухим луковичным шатром над колокольней, которая, безусловно, привлекала интересными авторскими деталями наружной отделки фасадов и художественным решением интерьера, продолжавшими развивать приёмы храма в Токмаковом переулке. Здесь также зодчий использовал абрамцевскую керамика кровель и керамическую облицовку стен, витражи, характерный архитектурный декор, эффектный декоративный металл, изысканные предметы религиозного назначения, деревянные резные киоты и иконостас. В облике храма особенно запоминаются два пластических элемента – необычная выступающая из плоскости фасада («накладная») трёхлопастная композиция южного и северного фасадов, напоминающая закомары раннемосковских храмов, и оригинальная ниша над южным входом в колокольню в виде стилизованного луковичного трёхглавия, первоначально выделенного цветом и включавшего иконы деисуса. Нельзя не заметить и совершенно необыкновенные фигурные окна в объёме колокольни, стилизующих совсем другие образцы – затейливые барочные абрисы окон храмов нарышкинского стиля. Однако в процессе строительства этого незаурядного храма общая высота сооружения была уменьшена за счёт высоты и объёма барабана с луковичной главой. Было это сделано из-за технических проблем для облегчения нагрузки на своды или для уменьшения общей высоты сооружения – неизвестно. Выстроенный храм грешит диспропорцией объёмов в силуэте – величина барабана главы мала для массивного объёма собственно храма, шатер узок для широкой звонницы, а его луковичная главка для него великовата. Всё это не соответствует и первоначальному проектному замыслу. Монументальность и замечательная отделка всей нижней части сооружения до кровли не получила адекватного ей завершения.

И всё же последующие церковные постройки и проекты зодчего для старообрядцев при формальных находках и отдельных оригинальных и хорошо нарисованных деталях оказались менее интересны его московских храмов в Токмаковом и Малом

Гавриковом переулках. Их разработка, как правило, дробна, а формы более просты, традиционны и нередко воспроизводят узнаваемые образцы. Например, Никольский храм Первой Московской общины Поморского согласия, построенный в 1908 г., по композиции напоминал не храм, а знаменитый дом бояр Романовых на Варварке. В отличие от образно и декоративно изысканных и стильных храмов А.В. Щусева, работавшего с первоклассными скульпторами и художниками, от поражающих монументальностью, красотой силуэта и силой образа храмов В.А. Покровского, произведения И.Е. Бондаренко более дробны, их детали чаще аппликативны, для их создания не обязательны руки Коненкова и кисть Нестерова. Однако пластический декор его построек оригинален и, скорее всего, спроектирован им самостоятельно вплоть до дизайна предметов церковного обихода. С сюжетными керамическими вставками он справлялся хуже. Парящие ангелы по сторонам иконы Спаса на облицованном керамикой щипце звонницы в Токмаковом переулке нарисованы довольно беспомощно. Это, пожалуй, самая слабая деталь в облике этого храма, хотя и выполнена Абрамцевским гончарным заводом.

Наиболее оригинальным авторским приёмом Бондаренко в церковной архитектуре стала пластическая разработка стены в виде двух или нескольких аппликативно наложенных друг на друга фасадных планов. Уже в храме в Токмаковом переулке кирпичные стены, в верхней части усложнённые выступающими плоскими бетонными треугольными наличниками над центральным и боковыми окнами наложены на немного заглубленные стены северного и южного фасадов, облицованные майоликой. Этот же приём видим в храме в Гавриковом переулке и в проекте храма при фабрике Товарищества М.С. Кузнецова в Риге (сам храм не сохранился). Он позволял соединить разные приёмы отделки стены – цветную абрамцевскую майолику с кирпичной стеной и бетоном, облицовку кабанчиком с рельефом из квадратных кахелей и т. д. Декоративные пояски в завершении барабанов глав, в верхней карнизной части храмов и апсид, в отделке пилястр и горизонтальных тяг Бондаренко решал в лаконичных формах поребрика, лемеха, квадратных кахелей, но сильно уплощённых и зачастую гипертрофированно крупных.

В данном случае, как и многие его современники, архитектор использовал архитектурные мотивы северо-востока Руси XIV–XV вв., то есть дониконовской архитектуры. Образцами, от которых оттолкнулся зодчий, стали древние храмы Новгорода – церкви Фёдора Стратилата на Ручью (1360 г.), Спаса Преображения на Ильине (1374), Петра и Павла в Кожевниках (1406),

Двенадцати апостолов на Пропастях (1454–1455), и Пскова – церкви Георгия со Взвоза (конец XV в.), Богоявления с Запско-вья (1496), Успения Богородицы с Пароменья (XV в.), Петра и Павла с Буя (XVI в.), Николы со Усохи (XVI в.) и некоторые другие, в которых была ярко проявлена характерная особенность храмов XIV–XV вв. – трёхлопастное завершение фасадов, сочетавшееся с многолопастной, немного заглублённой в плоскость аркой-нишей и декоративными вставками из бегунца, поребрика и квадратных кахелей. Однако в его интерпретации есть одна особенность – он ориентировался не только на известные памятники Новгорода и Пскова, но и на образы скромных провинциальных сельских храмов XIX в. с их развитыми входами, папертиями, трапезными и колокольнями. Например, на такие, как деревянная Петропавловская церковь в Тезине¹, на которую похож по общей композиции его храм во имя Святой благоверной княгини Анны Кашинской (1909) в с. Кузнецы Павлово-Посадского района Московской области.

Старообрядческая церковь во имя Святой благоверной княгини Анны Кашинской в селе Кузнецы Павлово-Посадского района Московской области. Фото первой половины XX в.
(Бондаренко И.Е. Записки художника-архитектора. Кн. 1. Ч/б вкладка)

У Бондаренко многолопастные фасадные арки-ниши были использованы в самых разных интерпретациях и формах – разделённые на три части лопатками и цельные, глубокие и мелкие,

¹ См.: Вичуга. Петропавловская церковь // Соборы. РУ ([URL:https://sobory.ru/article/?object=38082](https://sobory.ru/article/?object=38082)).

килевидные и остроконечные, вторящие форме покрытия или нет и т. д. Самыми оригинальными, единственными в своём роде, пожалуй, были абрисы фасадной ниши на южной и северной стенах храма св. Николая Чудотворца Николо-Рогожской единоверческой общины (1910–1912). Сам приём не был открытием архитектора, он был использован уже в самых первых проектах храмов в неорусском стиле В.А. Покровским (например, в проекте храма Покрова в Пархомовке, 1903–1907¹), однако Бондаренко в своих проектах сделал его основным средством создания яркого национального образа.

В результате И.Е. Бондаренко сумел сформировать не очень яркий, но отчётливо свой индивидуальный вариант неорусского стиля и создать собирательный образ сравнительно небольшого камерного храма с вытянутым базиликальным внутренним пространством и одной венчающей главой. Дополнительные главки или кресты он помещал над звонницей и над абсидой. Заметим, что он явно избегал характерного для XVII в. пятиглавия, которое в глазах староверов связывалось со временем никоновских реформ, но почти не проектировал и шатровых храмов, с которыми, как известно, боролся Никон. Исключение составляет неосуществленный проект храма 1907 г.² Формы шатра в разных вариантах он использовал только в колокольнях.

Хотя проекты церковных построек Бондаренко уступают в силе и цельности образов работам признанных корифеев неорусского стиля – В.А. Покровского и А.В. Щусева, именно его вклад в храмовое зодчество старообрядцев Москвы начала XX в. оказался наиболее значителен, что и обеспечило ему место в ряду крупных русских зодчих своего времени. Ему довелось поработать для трёх основных согласий староверов – поморцев-беспоповцев, единоверцев и поповцев белокриницкого согласия. Его камерные храмы, украшенные современной керамикой и оригинальными (авторскими!) предметами декоративно-прикладного искусства, по объёмам и силуэту имели традиционно русский облик, который ответил чаяниям большинства гонимых в течение 250 лет раскольников. Индивидуальный почерк зодчего, характерный для него набор стилизованных деталей древнерусского зодчества и узнаваемая традиционность храмовых силуэтов, отличаясь от яркого художественного языка и подчёркнутой стилизационности построек В.А. Покровского и А.В. Щусева, тем не менее, также повлияли на формирование

¹ Слезкин А.В. Владимир Александрович Покровский (1871–1931) [Серия «Великие архитекторы мира», т. 28]. М., 2017. С. 22–29.

² Бондаренко И.Е. Записки художника-архитектора. Кн. 2. Цветная вкладка.

церковных канонов неорусского стиля начала XX в., внеся в него некоторые оригинальные приёмы.

Переработанные элементы древнерусской архитектуры Бондаренко использовал и для создания двух своих наиболее значительных усадебных работ в неорусском стиле.

В имении барона В.Р. Штейнгеля¹ «Хуторок» на Кубани² он возвёл большой усадебный ансамбль³, центральным сооружением которого был главный усадебный дом (1911–1912)⁴. К счастью, в архиве И.Е. Бондаренко в РГАЛИ сохранился проект фасада дома и альбом фотографий имения Штейнгеля, которые позволяют подробно рассмотреть эту незаурядную постройку. Стилизация внешнего облика этого дома была по-своему уникальна не только для Кубани, но и для России этого времени. По словам Бондаренко Штейнгель просил его ориентироваться на современные виллы Мюнхена⁵. Однако западноевропейский язык раннего ар деко был не единственным стилистическим источником форм дома в Хуторке, другим – стали сильно трансформированные древнерусские элементы. Своеобразной эмблемой дома стал высокий острый щипец с овальным окном, покрытый двускатной кровлей и обращённый к парадному двору. Плоскость щипца была покрыта светлой керамической плиткой, на которой был изображен дворянский герб барона В.Р. Штейнгеля – яркая работа абрамцевского гончарного завода Саввы Мамонтова, визуально сразу вызывающая в памяти национальные об-

¹ Владимир Штейнгель – крупный и удачливый предприниматель, создатель мощного промышленно-сельскохозяйственного комплекса «Хуторок», ежегодный оборот которого составлял 3 млн руб. К своему имению барон подвёл железнодорожную ветку, телефонную связь, водопровод и канализацию. При школе была устроена метеорологическая станция и т. д.

² *Котов П.Н.* Описание образцового кубанского имения «Хуторок». М., 1900.

³ См.: *Нацокина М.В.* Главный дом кубанской усадьбы Хуторок // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. № 25 (41). СПб., 2019.

⁴ В 1910 г. проект был создан петербургским архитектором-художником О.Р. Мунцем, представившим его в виде средиземноморской виллы XIX в. с высокой четырёхъярусной смотровой башенкой. Возможно, по нему и началось строительство (об этом говорит план здания Мунца). Однако уже в следующем 1911 г. проект был передан И.Е. Бондаренко, который полностью изменил его стилистику, сделав её более современной и наделив некоторыми чертами неорусского стиля. Этим, видимо, и была вызвана перемена зодчего. В его редакции постройка стала гораздо более выразительной и лаконичной, её белые стены были почти полностью освобождены от декора, но получили яркие керамические дополнения. Дата окончания строительства «1912» была изображена на бортике балкона над входом в дом.

⁵ См.: *Нацокина М.В.* Творчество Й.-М. Ольбриха и Дармштадская колония художников // Архитектура мира. Вып. 1. Материалы конференции «Проблемы истории архитектуры». М., 1992.

разы. Ещё более выразительным был кабинет барона, стилизованный под расписную сводчатую древнерусскую палату с очаговой керамической абрамцевской печкой, что, видимо, отражало пожелание владельца акцентировать свою любовь к русской истории.

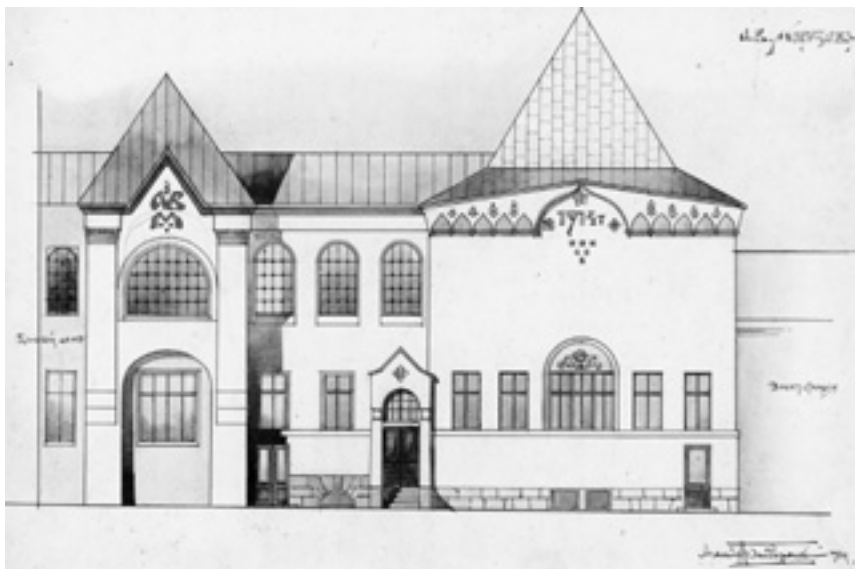
Другим усадебным комплексом, в котором И.Е. Бондаренко уже использовал только древнерусские прообразы, было подмосковное имение Нагорное меховщика А.П. Гуськова, располагавшееся рядом с Архангельским. Окончательный проект этого дома зодчий создал в 1915 г. Эта постройка должна была состоять из нескольких разновысотных объёмов, в том числе шатровых, немного напоминавших композицию Русской деревни в Париже, но некоторые элементы перекалились и с домом в Хуторке¹. Здание предполагалось щедро украсить наружной абрамцевской керамикой, включавшей наличники, настенные панно, короткие вставки-фризы и т. д. Эта постройка стала бы, по-видимому, его самым выразительным произведением в неорусском стиле, но, к сожалению, из-за начавшейся войны дом так и остался в проекте, была возведена только маленькая кирпичная караулка при въезде с Ильинского шоссе.

Ещё одним проектом Бондаренко в формах неорусского стиля стала надстройка вторым этажом дворового крыла особняка А.В. Морозова для двух больших музейных залов, задуманная в 1914 г. для размещения его коллекции предметов русской старины и икон. Выразительное и функционально обусловленное строение с большими окнами и скупым стилизованным декором напоминало по композиции и силуэту древнерусские палаты с двумя шатровыми верхами. Примыкая к основному строению в глубине двора, подчёркнуто музейное по облику здание с монограммой владельца на щипце не вступало в диссонанс с пышными эклектическими формами основного объёма особняка, однако надстройка была осуществлена в других формах. Любопытно, что мотивы древнерусских каменных и деревянных сооружений присутствуют и в послереволюционных проектах Бондаренко, как правило, неосуществлённых. Это своеобразное эхо неорусского стиля зодчего.

Рассмотренные постройки и проекты Ильи Бондаренко с очевидностью показывают оригинальную творческую индивидуальность автора, сумевшего создать свой, неброский, но оригинальный вариант неорусского стиля, дополняющий масштаб-

¹ Западноевропейской составляющей в этом загородном доме стали передовые строительные приёмы Бондаренко – используя опыт западных коллег, он начал строительство с прокладки всех необходимых инженерных сетей, как в то время ещё мало кто делал (об этом он вспоминал сам).

ные стилевые и образные поиски национального в русской архитектуре начала XX в.

Пристройка к особняку А. Морозова. Проект
Архитектор И.Е. Бондаренко

Левитские – уфимские педагоги

При огромном значении образования в судьбах страны, обширная историко-краеведческая литература сравнительно редко обращается к биографиям отдельных деятелей народного просвещения. В историографии Башкирии наибольший интерес вызывают фигуры советской эпохи, как в научно-популярных трудах Ю.В. Ергина, хотя ряд видных работников эпохи Империи удостоились специальных исследований¹. Деятельность руководителей образовательных учреждений Уфимской (Оренбургской) губернии затрагивается в исследовании В.Н. Буравцова, где история, к примеру, уфимской мужской гимназии разбита на периоды директорств (В.А. Толвинского, А.С. Савина, В.Н. Матвеева и других, упоминается воспитатель Митрофан Матвеевич Левитский)². Биографию одного из первых директоров гимназии, И.В. Базилева, и его семейства раскрыл историк-краевед С.Д. Садовников³, показаны жизненный путь и творческое наследие выдающегося педагога первой половины XIX в. И.П. Сосфенова⁴. Судьбы работников народного образования Уфимской губернии затрагиваются в трудах историков соседних регионов⁵.

Не менее важно изучать историю рядовых педагогов, среди которых сложилось немало учительских династий, особенно если краеведческий поиск дополняется семейными воспоминаниями. Одной из таких фамилий были Левитские.

Они не забыты в местном историко-краеведческом сообществе. Краткие биографические данные сразу семерых Левитских включены в справочник М.В. Агеевой (приведена фотография

¹ *Ергин Ю.В.* А.Н. Лисовский (1858–1920): [очерк о жизни и деятельности первого директора Уфимского учительского института (1909–1917)]. Уфа, 2008; *Он же.* Портреты: деятели народного образования Башкирии. Уфа, 2008; *Он же.* У истоков университетского образования: очерки о предыстории Башкирского государственного университета. Уфа, 2009; др.

² *Буравцов В.Н.* Уфимские гимназии и средние специальные училища (очерки по истории учебных заведений Уфы первой половины XIX – первой четверти XX вв.). Уфа, 2013. С. 27 и др.

³ *Садовников С.Д.* Кружева семейных уз дворянских родов междуречья Волги и Урала XVII–XIX веков. Генеалогические записки. Уфа, 2017; др.

⁴ Исторические портреты. В 5 т. Т. 5: Сочинения Ивана Прокофьевича Сосфенова / сост. и отв. редактор М.И. Роднов. Уфа, 2019.

⁵ *Бурлуцкая Е.В., Роднов М.И.* «Здоровые духом». Педагог Александр Иванович Тарнавский о системных проблемах воспитания и обучения юношества в России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник ОGPU (Оренбург). 2025. № 4 (56).

Александра Матвеевича Левитского)¹. Но в целом история этой фамилии подробно не изучалась.

У каждой семьи есть своя память. Это услышанные когда-то, ещё в детстве, рассказы о, казалось бы, далёких-далёких предках, рассказы, со временем превратившиеся в семейные легенды. Это дошедшие до нас фотографии, которым уже более ста лет, с дорогими лицами, всматриваясь в которые отыскиваешь общие черты: вот оно торчащее левое ухо, которое я унаследовала от своей прапрабабушки и передала, тоже левое, своей внучке. Это семейные реликвии, их мало дошло до наших дней, но они бережно хранятся. Например, нательный крест, который при крещении 6 мая 1907 г. надели на моего деда в Успенской церкви Уфы². Не знаю, правильно ли это по церковным канонам, но этот же крест был при крещении надет на моего отца, затем на меня, моего сына и мою внучку.

Уже скоро сорок лет, как покинул этот мир мой любимый дед Алексей Павлович Григорьев из рода Левитских, но я до сих пор помню его рассказы об уфимских родственниках, о детстве сначала в Уфе, а после 1912 г. в Иркутске. Кое-что из его рассказов я в своё время записала и даже построила в конце 1970-х гг. подобие семейного древа. На этом и остановилась, пока в нашу жизнь не вошёл интернет. Не без его помощи нашлись уфимские родственники, потомки рода Левитских, открылась возможность вести изыскания, не выходя из дома. В роду Левитских оказалось много педагогов, общий педагогический стаж, учитывая стаж современных педагогов, насчитывает более пятисот лет. Если пофантазировать, то Левитские могли бы создать учебное заведение, где могли бы получать знания молодые люди в возрасте от трёх до двадцати трёх лет. Левитские – это воспитатели дошкольных учреждений, учителя начальных классов, учителя-предметники среднего и старшего школьного звена, педагоги высших учебных заведений.

А началась история в Уфе, гражданской столице обширной Оренбургской губернии, где в начале XIX в. складывается система народного образования. Кроме начальных училищ, в Уфе в 1800 г. открывается духовная семинария, в 1828 г. – мужская гимназия, в пореформенный период город становится одним из

¹ Уфимские фамилии. Книга I. Дворяне и чиновники. / авт.-сост. М.В. Агеева. Уфа, 2023. С. 182. Не все включённые в справочник Левитские имеют отношение к данной семье.

² 20 апреля 1907 г. родился Алексей, родители – коллежский регистратор Павел Васильевич Григорьев и Мария Александровна (внучка М.В. Левитского) (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 15. Файл 0478).

ведущих центров подготовки педагогических кадров¹.

И в 1830 г. Оренбургскую (в Уфе) духовную семинарию со званием «студент» окончил 25-летний молодой человек – Матвей Васильевич Левитский (1805–1890). При выпуске звание «студент» присваивалось первым лучшим 14 ученикам, им выдавался аттестат, остальные получали свидетельства об окончании учебного заведения. Получившие звание «студент» имели льготы при назначении на места дальнейшей службы, лучшие воспитанники поступали в духовные академии, другие по распоряжению епархиального начальства определялись на церковнослужительские места или назначались на учительские должности, возможно было «увольнение по прошениям» из духовного ведомства на гражданскую службу.

Матвей Васильевич выбрал учительскую стезю. «По окончании курса наук в Уфимской Духовной Семинарии со званием студента в 1830 году определён Инспектором Уфимского духовного училища и учителем высшего отделения Уфимского духовного училища»². В семинарию в начале XIX в. поступали в возрасте 12–18 лет преимущественно дети деревенских священников и дьячков, выпускники уездных духовных училищ. Сыном дьячка и был Матвей Васильевич. Ничего более о происхождении его пока не известно, разве что родился он в 1805 г. Фамилию Левитский, возможно, получил во время учёбы в семинарии, тогда было принято давать ученикам «искусственные» фамилии взамен родовых³.

По поводу фамилии в семейном архиве сохранилось письмо правнучки Матвея Васильевича Веры Ивановны Левитской, написанное в 1989 г. своему племяннику. Вере Ивановне было уже восемьдесят, она 1909 года рождения. Она сообщала, что «фамилия наша раньше была (много лет назад) Орефьевы, но один из предков учился в духовной академии, при окончании которой им давали новые фамилии, поэтому большинство священников имели фамилии Рождественский, Архангельский, Вознесенский, св. происхождения. Мой прапрапрадед сидел и читал книгу про левитов. Ректор духовной академии (в городе Казани) спросил его: "Орефьев, что ты читаешь?" Он ответил: "Книгу про левитов". Ректор сказал ему: "Ну и будь Левитским". Многие пишут Левитский (через ц) и думают, что мы из польской породы,

¹ См.: *Фархшатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. М., 1994.

² НА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 290. Л. 35 об., 36.

³ Левиты – потомки Левия, родоначальника одного из двенадцати колен Израилевых, назначавшиеся на особое служение при храме. Фамилия Левитские / Левитские была достаточно распространённая.

но мы настоящие русачи». По-видимому, Вера Ивановна запомнила: Арефьева – это девичья фамилия её бабушки Евфимии Никаноровны.

Итак, после окончания Уфимской духовной семинарии Матвей Васильевич восемь лет преподавал в Уфимском духовном училище. С 6 сентября 1830 г. он занимал пост инспектора, одновременно являясь учителем высшего отделения. Начало карьеры совпало с тяжким испытанием, в крае вспыхнула эпидемия холеры. Молодой руководитель успешно боролся за жизнь и здоровье учеников, за что 28 августа 1831 г. епархиальное начальство объявило М.В. Левитскому признательность «за особенную ревность и попечение о предохранении учеников училища от бывшей в то время холеры». Уверенное руководство Духовным училищем, «ревностное, исправное и полезное» исполнение обязанностей привели ко второй благодарности 3 августа 1834 г. Левитский поднимается в чинах: коллежский секретарь (1835 г.), губернский секретарь (1837 г.)¹.

На 1836 г. студент Матвей Васильевич «Левицкий», именно так указана фамилия, фактически являлся начальником училища в должности инспектора классов. Официальный глава (смотритель) протоиерей Андрей Степанович Лепоринский был занят делами церковной службы, поэтому трое учителей, низшие работники и все учащиеся находились в непосредственном подчинении Матвея Васильевича². Духовное училище готовило кадры на места диаконов и псаломщиков, а также для поступления в духовную семинарию.

Тем временем, в расположенной неподалёку в Уфе Оренбургской мужской гимназии в 1831 г. сменился директор, им стал прибывший из Симбирска, выпускник Казанского университета, яркий педагог и администратор Иван Васильевич Базилев. Он строит новое здание на Ильинской улице (открыто в 1847 г.), каменные флигеля под квартиры, полностью реорганизуется учебно-воспитательный процесс. Базилев руководил мужской гимназией до 1858 г.³, там учились в основном дети дворян и чиновников, но были представители и остальных сословий.

Большое внимание И.В. Базилев уделял подбору профессиональных кадров, мужская гимназия являлась ведущим учеб-

¹ М. Некролог // Уфимские епархиальные ведомости. 1890. № 10. 15 мая. С. 393–394.

² Адресс-календарь Оренбургского Отдельного Корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части Пограничной, с присо-вокуплением Кратких Статистических сведений. 1836 года. Оренбург, б. г. С. 160.

³ См.: Буравцов В.Н. Указ. соч. С. 14–20.

ным заведением. В небольшом городе все друг знали и отличившийся на педагогической и административной работе в Духовном училище М.В. Левитский в 1838 г. получает приглашение и переходит в мужскую гимназию, где и оклад выше и условия лучше. Здесь он проработает до конца педагогической карьеры. Его учительский стаж составлял 45 лет (до 1876 г.)! Не много подобных наставников было в Уфе.

Переход в светскую систему образования отвечал чаяниям самого Матвея Васильевича. «Он, лишённый возможности в своё время поступить в высшее учебное заведение для дальнейшего образования, чрез семь лет своей службы, захотел пополнить своё образование и стал готовиться к университетскому экзамену». Успешно проходит испытание, получает звание учителя латинского языка и зачисляется в Уфимскую мужскую гимназию¹ (видимо, там Левитский и сдавал экзамен).

В августе 1839 г. Матвей Васильевич утверждается в должности учителя латинского языка, совмещая службу в гимназии с другими обязанностями. С 1839 по 1841 гг. Левитский состоял библиотекарем, в 1844–1850 гг. также преподавал русскую словесность и грамматику. Более того, именно М.В. Левитского директор гимназии И.В. Базилев включил в состав строительного комитета нового здания, которое и поныне стоит в Уфе. Затем, с 1841 по 1856 гг. Левитский «исправлял должность надзирателя в пансионе», где проживали малоимущие ученики, что показывает его талант воспитателя юношества².

На 1851 г. Матвей Васильевич Левитский дослужился до чина надворного советника, в гимназии преподавал латинский язык³. В 1852 г. он уже коллежский советник и состоит в числе старших учителей Уфимской гимназии (возглавляет список)⁴. Скорее всего, М.В. Левитский входил в круг ближайших помощников директора Базилева⁵.

За отличную службу Матвей Васильевич Левитский многократно награждался денежными поощрениями (от 75 до 200

¹ *Соловьёв Евфимий, протоиерей*. Слово, произнесённое за Литургией, при погребении Матвея Васильевича Левицкого, бывшего учителя Уфимской мужской гимназии // Уфимские епархиальные ведомости. 1890. № 10. 15 мая. С. 401.

² *Н. Некролог*. С. 394.

³ Адрес-календарь Оренбургской губернии. 1851 года. Уфа, б. г. С. 95.

⁴ Адресс-календарь Оренбургского края, с добавлением. На 1852 год. Оренбург, б. г. С. 115.

⁵ В июне 1853 г. на выпускном торжественном акте, в присутствии губернатора, именно «Старший учитель Левицкий прочёл свою речь "О преимуществах общественного образования"» (Оренбургские губернские ведомости. 1853. 27 июня).

руб.), а также наградами: знак отличия беспорочной службы за XX лет (1852 г.), орден Св. Станислава 3-й степени (1856), бронзовая медаль на Владимирской ленте «В память войны 1853–1856 гг.» (1856), знак отличия «Беспорочной службы за XXV лет» (1857), ордена Св. Владимира 4-й ст. за 35-летнюю службу (1868), Св. Станислава 2-й ст. (1869), Св. Анны 2-й ст. (1875 г.)¹. На 1871 г. годовое жалование Матвея Васильевича Левицкого составляло 1512 руб.², что было тогда весьма высоким.

При всех директорах он продолжает учительствовать, на 1873 г. Матвей Васильевич «Левицкий» уже статский советник (с 1867 г.) и продолжает преподавать латинский язык³. В учебных программах тогда отводилось большое число часов древним языкам и в уфимской гимназии трудилось уже три учителя латинского. На 1876 г. «Матвей Васильевич Левицкий» последний раз упоминается в справочниках как преподаватель древних языков в губернской гимназии⁴.

Ещё в 1856 г. «по выслуге 25 лет в учебном ведомстве» М.В. Левитскому назначили пенсию в сумме 464 руб. 64 коп. (в год) с оставлением в должности учителя на пять лет. Затем ему ещё трижды продлевали время службы, последний раз в 1871 г., пока 8 октября 1876 г. попечитель Оренбургского учебного округа не уволил Левитского. После всех расчётов, с 4 декабря 1876 г. ему назначают годовую пенсию в сумме 910 руб., на какую «Матвей Васильевич и жил до глубокой старости, содержа и себя, и семью, и помогая другим – нуждающимся»⁵.

М.В. Левитский был старейшим «латинистом» в Уфе. В России того времени шли дискуссии о необходимости вообще преподавать древние языки, под которые отводилось много часов⁶. Для большинства гимназистов они были бесполезными, сложными, отнимали время от действительно значимых предметов и снижали успеваемость. Противники возражали, что латынь приближает к европейской культуре, развивает логику и словарный

¹ *Н. Некролог*. С. 394–396.

² Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год. Оренбург, б. г. С. 195.

³ *Резанцов П.Г.* Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. (К Памятной книжке Уфимской губернии). Уфа, 1873. С. 23.

⁴ Уфимский календарь на 1876 год / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Вып. 1. Уфа, б. г. С. 50.

⁵ НА РБ Ф. И-113. Оп. 1. Д. 14а. Л. 44; *Н. Некролог*. С. 395–396. Показателем кругозора, знаний М.В. Левитского служит также его временное преподавание математики в гимназии с 1859 г.

⁶ На 1873 г. в уфимской гимназии на латинский язык отводилось 49 часов в неделю, греческий – 36, математику – 31, русский, церковно-славянский и логику – 25 часов (*Буравцов В.Н.* Указ. соч. С. 24).

запас ученика, помогает в освоении других иностранных языков¹. Влияла политика.

«Классицизм со схоластическим грамматическим уклоном в мужской средней школе заслонил собой все другие дисциплины и встал во главу учебного дела. Он занимал и всё свободное время ученика, превращал его в зубрилу. Гимназист отвыкал мыслить. В целом, классицизм формально-грамматического направления выполнял полицейскую функцию ограждения гимназий от свободомыслия». Министр просвещения Д.А. Толстой утверждал, что изучение мёртвых языков «является важным средством против так сильно охватившего наше учащееся юношество материализма, нигилизма и самого пагубного самомнения»².

Латынь как учебный предмет врезалась в память выпускника уфимской гимназии: «латинский – язык, на котором не говорит ни один народ, но который необходимо знать "синей говядине". Какая же будет "синяя говядина" без латинского языка?» В ученических стихах «Молитвы после учёнья» звучали строки: «Боже, пошли ты мне боль головную! / Я захвораю и в класс не пойду. / Двойку исправь ты мою четвертную / И прости латиниста в среду!»³

Будущий известный архитектор И.Е. Бондаренко рассказ о поступлении в уфимскую гимназию через несколько лет после выхода Матвея Васильевича Левитского на пенсию неожиданно дополнил фразой: «и был я принят в первый класс, с которого и начиналось обучение латинскому языку». Учитель латыни Л. Лопатинский запомнился ему как «хороший классик, составивший толковую грамматику латинского языка. Он был гуманный педагог и обращался с нами уже более мягко»⁴.

¹ См.: *Максимова С.Н.* Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX – начала XX века. М., 2005; *Резниченко Е.А.* Исторические и методические аспекты преподавания латинского языка в Тобольской губернской гимназии в первой половине XIX в. // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)*. 2023. № 207.

² *Фархшатов М.Н.* Указ. соч. С. 118.

³ *Четвериков Борис.* Повести и рассказы. М.; Л., 1964. С. 11. «Синяя говядина» – прозвище гимназистов в Уфе из-за цвета формы.

⁴ *Бондаренко И.Е.* Записки художника-архитектора. Труды, встречи, впечатления / Под ред. М.В. Нащокиной. Книга первая. М., 2018. С. 90, 116–117. С 1877 г. Лев Григорьевич Лопатинский служил в Уфимской гимназии инспектором, с 1881 г. – директором Троицкой гимназии в Оренбургской губернии, в 1883 г. его перевели директором гимназии в Пятигорск (см.: *Птицын А.Н.* Деятельность Л.Г. Лопатинского на Кавказе // *Русин (Кишинёв)*. 2024. № 76).

В Уфе недолго преподавал известный педагог и учёный, исследователь языков народов Кавказа Л.Г. Лопатинский (1842–1922). Он подготовил несколько учебников по латинскому языку. В Уфе выпустил самое массовое

Воспоминания современников позволяют реконструировать портрет одного из старейших педагогов Уфы. За 45 лет службы М.В. Левитского выросло несколько поколений, которые зубрили у него латынь, русскую грамматику, внимали его поучениям. Складывается образ доброго наставника, не шибко мучавшего юношей латинской премудростью.

«Как вообще человек, он был чужд гордости, был кроток и снисходителен ко всем, был незлобив сердцем, был милостив и сострадателен к бедным и несчастным, всегда готов был оказать помощь всем и каждому, в чём мог»¹. Коллега по гимназии добавлял: «Сколь доброй памяти об нём сохранилось здесь в его питомцах! Убелённые сединами старички, его ученики, поминают Матвея Васильевича, как добрейшего, справедливого и умного их учителя; дети сих старичков, также ученики его и мужи не первой молодости, поминают его теми же достойными и лестными отзывами. Так судил ему Господь, за его добро и истинно христианское исполнение своего долга, слышать похвалы и благодарности и при жизни своей, и по смерти его»².

О личности М.В. Левицкого как педагога ярко высказался в прощальной речи его зять, муж младшей дочери Анны Матвеевны, священник Покровской церкви Уфы Михаил Михайлович Миронов. «Как гражданин, и в частности, как бывший наставник здешнего учебного заведения, он в течение сорокалетнего служения своего здесь не жалел трудов своих на обучение юношества, а ранее в течении не малых лет в должности преподавателя и инспектора духовного училища, и был не только вполне сведущим и трудолюбивым наставником, но даже, можно сказать, родным отцом питомцев, потому что заботился о каждом из них, как о родном сыне, старался каждого поддержать, каждому подать благой совет, руку помощи, и, в случае нужды, дать возможность получить и дальнейшее образование. По этому его все искренно уважали и любили не только как добросовестного и вполне знающего своё дело наставника, но как родного отца и

пособие в двух частях: «Краткая латинская грамматика. Сборник упражнений» (Лопатинский А.Г. Руководство для первоначального обучения латинскому языку в младших трёх классах гимназий и прогимназий. В 2 ч. Уфа: печатня Н. Блохина, 1879). Книга выдержала несколько изданий. Можно предполагать, что не случайно в уфимскую гимназию на место ушедшего на пенсию М.В. Левитского пригласили столь сильного специалиста, вероятно, из-за высокого уровня подготовки по латыни.

¹ [Миронов Михаил, священник]. Надгробная речь, произнесённая при отпевании бывшего наставника Уфимской гимназии, Статского Советника, Матвея Васильевича Левитского, 21 Апреля 1890 года // Уфимские епархиальные ведомости. 1890. № 10. 15 мая. С. 405.

² Соловьёв Евфимий, протоиерей. Слово. С. 401.

благодетеля. Это могут подтвердить все бывшие ученики его, из которых многие собрались теперь сюда, чтобы воздать последний долг, последнее целование любимому ими наставнику»¹.

Умер Матвей Васильевич Левитский 19 апреля 1890 г. «в 7 часов утра после непродолжительной болезни, сопровождавшей-ся полным упадком сил»². После отпевания 21 апреля, «корпорация наставников гимназии вместе с воспитанниками участвовала в выносе тела почившего из дома в церковь и от церкви до кладбища, а г. Директор гимназии всё время нёс гроб почившего вместе с другими на своих руках»³. Несение гроба учениками и коллегами – глубокий символ признания заслуг учителя и его влияния на жизни окружающих, Матвей Васильевич был не просто сотрудником, а наставником, чьё дело продолжало жить в его воспитанниках.

Наверняка, семейство М.В. Левитского в Уфе проживало сначала на разных квартирах, возможно, после постройки в 1852 г. каменных флигелей при уфимской гимназии, они получили там жильё, как директор с инспектором. Во время городской переписи 1879 г. в квартале № 69 домовладение по улице Каретной (ныне Аксакова) принадлежало Елизавете Левицкой⁴.

На 1890 г. семья Матвея Васильевича жила неподалёку от Никольской церкви (освящена в декабре 1882 г.), как отметил зять, она находилась «от дома покойного в нескольких саженьях»⁵. Названная выше усадьба Елизаветы Левицкой (возможно, собственность числилась за умершей супругой) как раз располагалась по улице Каретной (Аксакова) наискосок от храма. Если так, значит домовладение приобрели давно, до 1861 г.

Во время прощания с Матвеем Васильевичем в «епархиальных ведомостях» появилась информация о семье Левитских. В некрологе сообщалось, что «после почившего остались три сына и три дочери. Из последних две не устроены и без средств, потому что жили исключительно на отцовской пенсии, а из сыновей старший уже выслужил пенсию, а двое ещё состоят с честью на службе при той же гимназии...»⁶

¹ [Миронов Михаил, священник]. Надгробная речь. С. 403–404.

² Н. Некролог. С. 393.

³ [Миронов Михаил, священник]. Надгробная речь. С. 404 (директором был знаменитый уфимский педагог Владимир Николаевич Матвеев).

⁴ Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел IV. Описание г. Уфы. С. 139.

⁵ [Миронов Михаил, священник]. Надгробная речь. С. 405.

⁶ Н. Некролог. С. 396. «Все дети (3 сына) почившего состояли, а некоторые и теперь состоят ещё на службе, по мин. нар. просв., которую с честью проходят» ([Миронов Михаил, священник]. Надгробная речь. С. 403).

Ещё во время службы в Уфимском духовном училище в начале 1830-х гг. Матвей Васильевич Левитский создаёт семью. Супруга Елизавета Ивановна (около 1820 года рождения, младше мужа, урождённая Милордова, дочь известного протоиерея из Бугуруслана Иоанна Милордова¹) родила восемь детей, видимо, она была энергичной дамой и вела всё домашнее хозяйство. На её имя была приобретена земля в городе и выстроено жильё (деревянный дом), а затем она стала... помещицей.

Ещё в 1846 г. Матвей Васильевич Левитский, достигнув чина коллежского ассесора, подал прошение в Оренбургское дворянское депутатское собрание о внесении его с семьёй в третью часть Дворянской родословной книги, прошение было удовлетворено и указом Герольдии Правительствующего Сената от 5 декабря 1847 г. Левицкие были внесены в 3 часть дворянской родословной книги Оренбургской (затем Уфимской) губернии². А дворяне могли покупать землю и крепостных.

Видимо, на своё имя (наставник молодёжи) Матвеем Васильевичу было не совсем удобно совершать подобные сделки, хотя директор гимназии И.В. Базилев тоже был помещиком. И на имя супруги в пригородной деревушке Ветошниково, что к западу от города, купили 45 десятин (1 дес. = 1,09 га) земли. Там проживали обедневшие дворяне Ветошниковы.

А чтобы использовать землю и следить за небольшой сельской усадьбой (дачей) в апреле 1852 г. у соседней помещицы А.А. Раньен купили семейство крестьянина Андрея Александрова из десяти душ. Затем в марте 1855 г. у помещицы Белебеевского уезда В.В. Богинской приобрели семейство вдовы Акулины Арефьевой (4 чел.)³. Александровы пахали землю, а Арефьевы числились дворовыми, следили за домом. Крепостные в Уфимском крае стоили огромных денег.

На момент отмены крепостного права в 1861 г. в Ветошниково располагались четыре маленьких поместья, в том числе Левицкой (9 душ крепостных). Наверняка, здесь семейство проводило летние месяцы, а поступления с небольших огорода и полей пополняли бюджет педагога. Они «окунулись» в барскую жизнь. Не случайно, в 1872 г., когда в соседней Романовке дворяне Епанечниковы⁴ делили наследство, у двух несовершеннолетних девиц опекуном назначили Матвея Васильевича Левицкого. На

¹ См.: ОГАОО. Ф. Ф-173. Оп. 8. Д. 2250.

² НА РБ. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 290. Л. 11.

³ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 713. Л. 33–36.

⁴ Инспектор Оренбургской гимназии коллежский советник Василий Иванович Епанечников в 1853 г. был крёстным Митрофана, последнего сына Матвея Васильевича и Елизаветы Ивановны Левитских.

1881 г. при деревне Ветошниково сохранялось именьеце наследников Елизаветы Ивановны Левицкой (41 дес. 238 саж.)¹.

После отмены крепостного права крепостных в таких маленьких поместьях выкупало государство, они получали часть земли и становились государственными или уходили в город (в мещане). Левитские, скорее всего, оставшуюся землю сдавали в аренду, сохранив за собой дачу под летний отдых. На 1874 г. маленькое владение при Ветошниково (39 дес.) принадлежало наследникам Левицкой². Имение было продано в 1880-е гг.

К тому времени Елизавета Ивановна Левитская умирает 31 марта 1861 г. «от грудной болезни» в возрасте всего 41 года³. Матвей Васильевич «последние двадцать девять лет трудился совершенно один, лишившись своей супруги, все свои средства употреблял на воспитание детей своих, которых желал видеть просвещёнными и добрыми людьми, преданными сынами церкви и верными слугами отечества»⁴.

По разным источникам можно установить состав семьи Матвея Васильевича и Елизаветы Ивановны Левитских, у них родились Николай (23 ноября 1834 г.), Мария (29 декабря 1835 г.), Василий (29 декабря 1836 г.), Иван (9 февраля 1838 г.), Александр (27 ноября 1842 г.), Ольга (1 июля 1844 г.), Анна (2 октября 1847 г.) и Митрофан (19 ноября 1853 г.).

Второе поколение.

Из пяти сыновей двое не пошли по стопам отца. Василий Матвеевич Левитский окончил Казанский университет (1855–1859 гг.), служил чиновником в Оренбурге и Санкт-Петербурге, супруга Надежда Александровна, известны дети – Александр (род. 9 июля 1870 г. в Петербурге), Анатолий (1876 г. р.), возможно, Ирина. Связи с Уфой сохранялись, Анатолий Васильевич в 1904 г. венчался здесь. Похожая карьера сложилась у Ивана Матвеевича Левитского. После учёбы в Казанском университете (1856–1859 гг.) он служил в Москве и других местах. В 1911 г. в одном из столичных храмов свидетелем стал статский советник Иван Матвеевич Левицкий⁵.

¹ Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в.: Забелье. Запад. Уфа, 2019. С. 25–27, 41.

² Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 73.

³ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 2. Файл 00537.

⁴ [Миронов Михаил, священник]. Надгробная речь. С. 403.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 2125. Оп. 2. Д. 106. Л. 137. Яндекс. Поиск по архивам.

Остальные трое сыновей избрали стезю педагога. Биографию старшего сына Николая Матвеевича Левитского позволяют восстановить сохранившиеся формулярные списки за 1879 и 1881 гг.¹ Родился Николай Матвеевич в 1834 г., в 1852 г. окончил полный курс Оренбургской мужской гимназии в Уфе², «выдержал испытания в Педагогическом совете этой же гимназии и был назначен 31 декабря 1852 года учителем арифметики и геометрии в Бирское уездное училище». В связи с нехваткой учителей Николай Матвеевич также с января 1853 г. по октябрь 1854 г. преподавал ещё географию. А в 1856 г. Николай Матвеевич переводится в Уфимское уездное училище на ту же должность – учителя математики. Опять ввиду нехватки педагогов, Николай Матвеевич преподаёт русский язык, историю, географию, черчение, рисование. Также целый год с 7 января 1863 г. по 1 января 1864 г. вёл математику в трёх классах мужской гимназии Уфы.

С января 1877 г. Николай Матвеевич – штатный смотритель в Уфимском уездном училище. В этом году педагогический стаж Николая Матвеевича составил 25 лет и ему продлили срок нахождения на службе на пять лет. А в 1878 г. назначен членом Уфимского уездного учительского совета от Министерства народного просвещения. В памятной книжке за 1878 г. имя Николая Матвеевича упоминается последний раз, он по-прежнему штатный смотритель (глава) уездного училища³. Зарплату получал скромную, на 1871 г. годовое жалование коллежского ассесора Николая Матвеевича Левитского, учителя арифметики и геометрии в Уфимском уездном училище составляло 330 руб.⁴

Затем выходит в отставку, на 1883 г. его в списках учителей нет. Отработав почти 30 лет на педагогической ниве, в чине коллежского ассесора Николай Матвеевич вышел на пенсию. Труд его отмечен медалью «В память войны 1853–1856 гг.» в августе 1856 г., орденами Св. Станислава 3-й ст. в декабре 1876 г. и Св. Анны 3-й ст. в декабре 1879 г.

¹ См.: НА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 347; Оп. 2. Д. 111.

² Он хорошо учился. В 1847 и 1848 гг. «за отличные успехи и благонравие» Николай Левицкий получал награды уже во втором и третьем классах (Оренбургские губернские ведомости. 1847. 20 сентября; 1848. 4 сентября). По сведениям И.П. Сосфенова, из выпускников Оренбургской гимназии за 1851–1852 академический год «Левицкому же, Нагадкину, Стрелкову и Холкину дано право поступить в университет без особого испытания» (Там же. 1852. 5 июля).

³ Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / Сост. В.А. Новиковым и Н.А. Гурвичем. Уфа, б. г. Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. С. 31.

⁴ Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год. С. 197.

Семьи не создал, наверняка, проживал вместе с отцом и сестрой Марией Матвеевной в фамильной усадьбе. Ему была уготована долгая жизнь (на учительскую пенсию), предположим, подрабатывал частными уроками. Скончался Николай Матвеевич Левитский в возрасте 74 лет 6 апреля 1909 г.¹, отпевали в Никольской церкви Уфы.

В 1853 г. 19 ноября у сорокавосемилетнего старшего учителя Уфимской мужской гимназии, коллежского советника Матвея Васильевича Левитского и его жены Елизаветы Ивановны рождается сын². На третий день мальчика крестили в Спасском храме Уфы и нарекли его именем *Митрофан*. В восьмилетнем возрасте мальчик теряет свою мать Елизавету Ивановну, воспитание сына полностью ложится на плечи отца. Восприимницей у Митрофана была старшая сестра Мария Матвеевна, она-то и заменила мальчику мать и хозяйку в доме, так и не выйдя замуж, не создав собственную семью. Хотя и не всё благополучно было со здоровьем у Митрофана, он успешно заканчивает курс Уфимской мужской гимназии, в 1871 г. поступает на юридический факультет Казанского императорского университета³. В феврале 1876 г. в звании кандидата юридических наук поступает на службу в Уфимскую палату уголовного и гражданского суда писцом первого разряда. Прослужив четыре месяца в суде, подаёт прошение о переводе его в воспитатели пансиона при Уфимской мужской гимназии. Выдержав соответствующие испытания, Митрофан Матвеевич приступает к педагогической деятельности с февраля 1877 г., одновременно по ноябрь 1884 г. заведует библиотекой в гимназии. Митрофан Матвеевич выдерживает испытания на возможность преподавать историю и географию. В личном деле М.М. Левитского записано, что в 1879 г. он преподаёт историю и географию в четырёх низших классах гимназии, с 1879 по 1880 гг. был классным наставником⁴. С 1880 по 1896 гг. служил также воспитателем пансиона при Уфимской мужской гимназии⁵.

В адрес-календарях и справочных книжках Уфимской губернии с 1878 по 1895 гг. указано, что Митрофан Матвеевич

¹ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 22. Файл 00092.

² Там же. Оп. 1. Д. 24. Файл 00049.

³ К столетней годовщине Казанского университета. Преподаватели, учащиеся и служащие в Императорском Казанском университете (1804–1904). Материалы для истории университета. Ч. 1. Вып. 2 (1865–1884). Казань, 1904. С. 721, 812, 814.

⁴ См.: НА РБ. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 290.

⁵ *Поликарпов А.* Краткий исторический очерк семидесятилетия Уфимской мужской гимназии (1828–1903). Уфа, 1904. С. 78.

преподавал в Мариинской женской гимназии историю и географию. И всё-таки болезнь даёт о себе знать, в 1892 г. врач Уфимской мужской гимназии направляет Митрофана Матвеевича на обследование в университетскую клинику Казани, ему поставлен диагноз – катаральная желтуха и хронический желудочно-кишечный катар, а в 1897 г. в возрасте сорока четырёх лет статского советника Митрофана Матвеевича Левитского увольняют из гимназии по болезни, ему назначается пенсия за двадцать лет службы в размере 650 руб.¹ Сведения о наградах пока не найдены².

Ещё 9 ноября 1883 г. надворный советник 29-летний Митрофан Матвеевич Левитский обвенчался в Покровской церкви с 19-летней дочерью уфимского купца 2-й гильдии Марией Михайловной Полетаевой, в свидетелях брат Александр³. Супруга происходила из старинной, но обедневшей купеческой фамилии.

Семья была тоже многолюдная, известно о семи детях, эти Левитские проживали отдельно. На 1908 г. домовладение по адресу Малая Ильинская, 11 принадлежало Марии Михайловне Левитской. Сам же Митрофан Михайлович, видимо, скончался в 1905 г. Именно тогда Мария Михайловна брала выписки из метрических книг о рождении их семерых детей, наверное, для оформления пенсии по потере кормильца⁴.

¹ См.: НА РБ. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 290.

² В справочнике М.В. Агеевой указана медаль в память царствования императора Александра III в 1895 г. (Уфимские фамилии. Книга I. С. 182).

³ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 24. Файл 00276. Сестра жены – Ольга Михайловна стала супругой известного церковного деятеля Уфы – Е.А. Зефирова, автора ярких мемуаров (см.: *Зефи́ров Е.А.* Мои воспоминания о преосвященном Никаноре за время его пребывания на Уфимской кафедре (1877–1884). СПб., 1894).

⁴ У Митрофана Матвеевича и Марии Михайловны Левитских родились: Мария (12 февраля 1885 г.), Вера (7 сентября 1886 г.), София (24 мая 1888 г.), Сергей (7 октября 1890 г.), Николай (3 апреля 1894 г.), Георгий (23 марта 1896 г.) и Ольга (23 июня 1900 г.). Всех крестили в Покровской церкви, где священником служил М.М. Миронов, муж сестры – Анны Матвеевны. Крёстным Марии и Веры стал дедушка Матвей Васильевич Левитский.

Дочери Митрофана Матвеевича обучались в Мариинской женской гимназии, сохранились личные дела Веры (НА РБ. Ф. И-117. Оп. 2. Д. 663) и Софьи (Там же. Д. 691).

Сергей стал военным, прапорщик, воевал в Белой армии. В 1915 г. окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков, служил в 17-м Туркестанском стрелковом полку, награждён орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

Об остальных детях Митрофана Матвеевича и Марии Михайловны известны только метрические свидетельства о рождении. Но состав восприемников (крёстных) при крещении детей показывает социальное окружение семьи, тут и дедушка М.В. Левитский, и купцы Полетаевы, инспектор

Средний брат, Александр Матвеевич Левитский – человек непростой судьбы. Родился 27 ноября 1842 г., как и братья окончил Уфимскую мужскую гимназию, в 1861 г. поступил в Казанский императорский университет¹ на математическое отделение физико-математического факультета, но уже в ноябре 1861 г. Александр Матвеевич подал прошение об увольнении из университета. Точная причина прекращения его обучения не понятна, в 1862 г. Александр Матвеевич восстанавливается в университете на том же факультете, а в 1863 г. переводится на первый курс юридического факультета. С 1864 по 1867 гг. он являлся стипендиатом от Оренбургской губернии, «18 октября 1867 года уволен из 3 курса означенного факультета за невзнос платы за слушание лекций за 1 половину 1867 академического года». В связи с тем, что Александр Матвеевич получал стипендию от Оренбургской губернии, после отчисления из университета он должен был вернуть выплаченные деньги или отработать на государственной службе по какому-нибудь ведомству в Оренбургской губернии шесть лет. Александр Матвеевич предпочёл отработать установленный срок в системе народного просвещения: выдержал испытания в педагогическом совете Оренбургской гимназии и был удостоен звания «учителя русского языка в уездных училищах»².

Александр Матвеевич Левитский в зрелом возрасте
(все фотографии из личного архива автора)

семинарии А.А. Зефиоров с домашними, представители известной в крае семьи служащих и священников Касимовских, родственники из семьи сестры А.М. Мироновой. Надворный советник Александр Матвеевич Левитский единственный раз стал крёстным у Николая в 1894 г. (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 26. Файл 0341; Д. 27. Файл 0345; Д. 29. Файл 0384; Д. 31. Файл 00427; Д. 36. Файл 0010; Д. 47. Файл 00071).

¹ К столетней годовщине Казанского университета. С. 518.

² См.: НА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 290.

Почему же Александр Матвеевич так и не окончил Казанский императорский университет? На этот счёт существует семейная легенда, подтверждённая архивными документами. Как сказано выше, Левитские приобрели небольшое имение (дачу) с крепостными, где за усадьбой следила вдова Акулина Арефьева (Арефьевна, скорее всего, правильнее считать, что это отчество). У неё имелась дочь Офимья, которой в 1858 г. исполнилось пятнадцать лет (около 1843 года рождения)¹. С Александром они почти одногодки и, наверняка, приезжавший летом в имение Саша постоянно общался с молодой дворовой девушкой.

Вот эту Офимью, впоследствии Евфимию Никаноровну Логинову (она же Арефьева), и полюбил Александр Матвеевич Левитский. После 1861 г., отмены крепостного права, Евфимия Никаноровна получила статус мещанки и проживала у родственников своего отца Никаноровых в Уфе, была прихожанкой Спасской церкви, об этом указано в исповедальных росписях на сайте Спасской церкви².

Родительского благословения на брак Александр Матвеевич не получил, разрывался между Казанью и Уфой, учёбой в университете и своей возлюбленной. Отец отказал в оплате за обучение. А в июле 1867 г. у Александра Матвеевича и Евфимии Никаноровны родился уже второй ребенок, денег катастрофически не хватало. Вот и вынужден был Александр Матвеевич бросить учёбу, чтобы содержать семью. Матвей Васильевич Левитский так и не признал ни одного из своих внуков от бывшей крепостной, ни у одного из одиннадцати не был указан в восприемниках, чего не скажешь о внуках от младших детей Анны Матвеевны и Митрофана Матвеевича.

Левитская (Логинова) Евфимия Никаноровна

¹ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 713. Л. 35.

² См.: <https://spas-ufa.cerkov.ru/1862-2/>.

В поисках заработка Александр Матвеевич уезжает в Оренбург (можно предположить, что авторитет отца в Уфе не позволил найти службу здесь). В 1868 г., не имеющий чина 26-летний, холостой Александр Матвеевич Левитский, поступает на службу в Оренбургское уездное училище. Он становится учителем русского языка с окладом в 330 руб.¹, преподаёт русский язык в Оренбургской женской прогимназии, с 1869 по 1870 гг. служит в Оренбургской гимназии, с 1870 по 1875 гг. – в Оренбургском ремесленном училище, с августа 1871 по октябрь 1874 гг. – исполняет дела штатного смотрителя в Оренбургском уездном училище. В сентябре 1875 г. Александр Матвеевич, отработав шесть лет в Оренбургской губернии, переводится к новому месту службы в Уфу. Поступил он на вакантную должность помощника классных наставников в Уфимскую мужскую гимназию (в Уфе стаж считали с 1873 г.), с 1876 г. дополнительно назначен учителем приготовительного класса, преподавал русский язык и арифметику, был в приготовительном классе наставником. С 1884 г. был ещё воспитателем в пансионе при мужской гимназии².

Вся дальнейшая трудовая биография Александра Матвеевича Левитского была связана с мужской гимназией. Но он всего лишь учитель приготовительного класса и помощник классных наставников (до 1883 и по 1912 г.), наверняка, со скромной зарплатой. Директор гимназии В.Н. Матвеев «ходу ему не давал», он даже не получил повышения в чине, остался надворным советником, несмотря на внушительный стаж. В отличие от отца и братьев, А.М. Левитский большой карьеры не сделал.

Видимо, Александр Матвеевич имел склонность к общественной работе. На 1889 г. он неожиданно оказался (избран) в депутатах (гласных) Уфимской городской думы³. Это примечательный факт, ведь право избрания получали только владельцы недвижимости. В адрес-календаре за 1905 г. указан его адрес: улица Никольская, 40, собственный дом. В городском справочнике за 1904 г. домовладение по Никольской, 40 принадлежало дворянке Ефимии Никандровне Левицкой (и в 1911 г.). Значит, родовая усадьба почти напротив Никольской церкви досталась Александру Матвеевичу. Там проживал престарелый старший брат Николай Матвеевич (до 1909 г.), возможно, другие родичи. А избрание в гласные (отец скончался в 1890 г.) свидетельствует, что тот завещал фамильный дом «проблемному» сыну.

¹ Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год. С. 189.

² См.: НА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 290.

³ Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года / Сост. Н.А. Гурвичем. Уфа, 1889. С. 43.

Общественная «жилка» проявилась в служении Александра Матвеевича Левитского также в благотворительном Обществе вспомоществования оканчивающим курс бедным ученикам Уфимской гимназии при поступлении их в университет, там он состоял членом комитета с 1904 по 1914 гг. (возглавлял общество директор гимназии Матвеев, значит всё-таки ценил способности Левитского). К сожалению в формулярном списке не указано, какими государственными наградами был отмечен, но в семье сохранилась его фотография в мундире служащего Министерства народного просвещения, где в петлице мундира – орден Святого Владимира 4-й степени.

В гражданском браке появлялись дети, все незаконнорождённые, отец в метрике Спасской (Григория крестили в новой Никольской) церкви не указан: Иван (родился 3 января 1864 г.)¹, Мария (19 июля 1867 – † до 1882)², Александр (6 февраля 1870 г.)³, Алексей (12 марта 1872 – † до 1878)⁴, Надежда (20 августа 1873 г.)⁵, Пелагея (4 мая 1876 г.)⁶, снова Алексей (1 марта 1878 г.)⁷, Сергей (10 сентября 1879 – † до 1886)⁸, опять Мария (12 января 1882 г.)⁹, Григорий (18 апреля 1884 г.)¹⁰, второй Сергей (24 февраля 1886 г.)¹¹. Первые Алексей, Мария, Сергей умерли в детстве, но отпевали их в другом храме.

¹ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 5. Файл 00445. Мать записана как «уфимская мещанская девка Ефимия Никонорова Логинова – она-же Арефьева» (двойную фамилию после записывали в метриках ещё не раз), крёстные: мещанская жена Екатерина Ивановна Никонорова и бирский мещанин Семён Васильевич Калганов. По именам крёстных присваивались незаконнорождённым детям отчества, то есть сыновья и дочери Евфимии Никоноровны долгими десятилетиями носили разные отчества.

² Там же. Д. 8. Файл 00355. Крёстные уфимские мещане Гавриил Васильевич Никаноров и Е.И. Никанорова.

³ Там же. Д. 11. Файл 00428. Мать – Евфимия Никонорова, крёстные – мещанин Михаил Васильевич Никоноров и девица Матрона Александровна Логинова.

⁴ Там же. Д. 13. Файл 00305. Крёстные – М.В. и Е.И. Никонорovy.

⁵ Там же. Д. 14. Файл 00364. Крёстные те же.

⁶ Там же. Д. 17. Файл 00380. Мать – Афимья Никаноровна Логинова она-же Арефьева, крёстные – мещанин Денис Никонорович Логинов и удельная крестьянская девица Раиса Васильевна Кузмина.

⁷ Там же. Д. 19. Файл 00391. Крёстные – Иван Семёнович Логинов и Р.В. Кузмина, крестьянка из сельца Казанка Бугульминского уезда.

⁸ Там же. Д. 20. Файл 00389. Крёстный тот же, крёстная – солдатская жена Матрёна Александровна Огородникова (в девичестве Логинова).

⁹ Там же. Д. 23. Файл 00365. Крёстные те же.

¹⁰ Там же. Д. 25. Файл 00160. Крёстные те же.

¹¹ Там же. Д. 27. Файл 0182. Крёстные те же.

Двойственность фамилии гражданской жены Александра Матвеевича Левитского происходила по причине отсутствия таковых у крепостных. После 1861 г. фамилии у них возникали либо по отчествам (Арефьевы), либо по прозвищам (Логиновы). Из материалов последней ревизии за 1858 г. видно, что у Евфимии / Офимьи была младшая сестра Матрона (около 1854 года рождения), на 1870 г. она носила фамилию Логинова с отчеством Александровна (у неё с Евфимией были разные отцы), к 1879 г. она выйдет замуж за солдата Огородникова.

А также был родной (единокровный) брат Денис, 9 лет в 1858 г. Он тоже был Никаноровичем и носил фамилию Логинов в 1878 г. Однако, в метриках Спасской церкви за 1880 и 1881 гг. встречается Денис (Дионисий) Никонорович уже Арефьев¹. Окончательное закрепление фамилий у бывших крепостных происходило постепенно и растягивалось на долгие годы.

Скорее всего, первоначально, особенно когда гражданский муж трудился в Оренбурге, Евфимия Никаноровна проживала вместе с родственниками Логиновыми / Никаноровыми в приходе Спасской церкви, предположительно в северной части за оврагами. На 1904 г. на Церковной улице (совр. Худайбердина) домовладение № 27 принадлежало Логинову Георгию Семёновичу². Недалеко лежала усадьба Митрофана Матвеевича, но среди крёстных никого из Левитских нет вообще. Все гуманисты-учителя игнорировали бастардов.

Последних двух сыновей крестили уже в Никольской церкви, значит к 1883 г. семейство перебирается в родовую усадьбу на улице Никольской, которая после смерти деда переходит к Александру Матвеевичу Левитскому. Можно строить разные догадки (вплоть до нигилистических воззрений, отрицания святости и важности казённого брака). Хотя по своей натуре, говорят фамильные предания, Александр Матвеевич был бунтарём в семье, но всё-таки наперекор отцу не пошёл (не захотел), не стал юридически оформлять брак с Евфимией Никаноровной.

Вообще ситуация в семье Александра Матвеевича странная, если не сказать, скандальная! Случай редчайший! И это у педагогов, вся жизнь которых в маленьком городке была «под

¹ Там же. Д. 21. Файл 00405; Д. 22. Файл 00391. Уфимский мещанин Денис Наконорович Логинов, 30 лет, 1 июля 1879 г. венчался в Покровской церкви, избранницей его стала 19-летняя крестьянская дочь Агафья Андреевна Кочкина, в свидетелях бывший солдат Кирил Никонорович Агородников (Там же. Оп. 2. Д. 20. Файл 00258).

² Список улиц и домовладений гор. Уфы и адреса должностных лиц и общественных деятелей / Сост. А.Ф. Сильвестров и В.А. Ошурко. Уфа, 1904. С. 356.

стеклом». В мемуарной литературе Уфы много образцов, что гимназисты были в курсе внутренней жизни учителей.

Но даже после кончины отца, Александр Матвеевич не признаёт своих восьмерых (!) детей как законных и, что весьма важно в те времена, они не получают дворянство, которое резко поднимало социальный / сословный статус. При живом отце – восемь детей с разными фамилиями и отчествами, некоторые уже взрослые!?

С другой стороны, Александр Матвеевич Левитский заботится о чадах, свои не такие уж большие доходы тратит на гимназическое образование. По семейной легенде, лишь по настоянию зятя, мужа младшей дочери Марии – важного чиновника Павла Васильевича Григорьева, через 14 лет(!), как стал домоладельцем, летом 1904 г. он согласился узаконить отношения.

В окраинной Семёновской церкви Уфы, подальше от дома и сплетен соседей, 23 июля 1904 г. венчались надворный советник дворянин Александр Матфиев Левитский, 61 год, первый брак, и 59-летняя уфимская мещанская дочь девица Евфимия Никонорова Арефьева (она же Логинова) тоже первый раз.

Поручителями со стороны жениха явились прикомандированный к канцелярии Уфимского губернатора околоточный надзиратель 2-го участка Уфы Павел Васильевич Григорьев и житель деревни Каменки пригородной Казанской волости запасной фейерверкер Пётр Константинович Яковлев. «Молодую» у амводна представляли мещане – Михаил Михайлович Маршалов и Пётр Сергеевич Филиппов¹. Состав свидетелей показывает окружение семьи Левитских, от мещан до крестьян и чиновников².

¹ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 7. Файл 00000521.

² Именно по настоянию Павла Васильевича брак Александра Матвеевича и Евфимии Никоноровны был всё-таки заключён. Из рассказов моего деда Алексея Павловича Григорьева, Павел Васильевич – человек деятельный, происходил из уфимских мещан, дослужился до коллежского секретаря, последняя, занимаемая им в Уфе должность – старший помощник правителя канцелярии губернатора, одновременно делопроизводитель в местном управлении Российского общества Красного Креста, заведующий хозяйственной частью Уфимской Александринской общины сестёр милосердия и вдобавок казначей Аксаковского кружка охотников-уфимцев (Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год. Уфа, 1911. С. 23, 44, 46). Павлу Васильевичу, по-видимому, престижно было иметь в жёнах дворянку, а не незаконнорожденную дочь уфимской мещанки, к тому же он с детства дружил с детьми Логиновыми и особенно с Алексеем. По семейным преданиям, Павел Васильевич отличался красноречием, за что и простился с жизнью в 1938 г. Вот и убедил Александра Матвеевича Левитского «признать» своих детей, дать им свою фамилию, отчество и дворянство.

Юридическое оформление семейных уз имело важное значение. Родитель подаёт документы на признание всех деток законными с правом ношения его фамилии и причисления к благородному дворянству. Оформили быстро. Уже 12 октября 1904 г. Уфимский окружный суд признал всех детей за родителями, надворным советником Александром Матвеевичем Левитским и Евфимией Никаноровной. По этому случаю 29 ноября 1904 г. Уфимская духовная консистория, в ведении которой находились записи в метрических книгах, признаёт решение суда и священники Спасской и Никольской церквей получают приказ вписать добавления, как у Ивана в записи 1864 г.¹ Куча народа – сыновья и дочери, их жёны и мужья с народившимися детишками дружно поменяли фамилии с отчествами и вошли в состав привилегированного дворянского сословия Российской империи.

Из одиннадцати детей Александра Матвеевича и Евфимии Никаноровны до зрелого возраста дожили только восемь, но определением суда в 1904 г. узаконены только семеро из восьми. На тот момент была не известна судьба сына Александра (1870 г. р.). В 1893 г. он подпоручик Златоустовского резервного батальона, участник Русско-японской войны (1904–1905 гг.), был пленён, но об этом семья не знала. Только в 2025 г. правнучка Александра Матвеевича Левитского Диана Валентиновна Доскевич (1934 г. р.) рассказала: «Когда дядю Сашу освободили из плена, он побоялся вернуться в Россию. Остался жить в Маньчжурии, там женился на японке. В 1956 году в сопровождении дочери Натальи приехал в Уфу в 86-летнем возрасте. Прожил полгода и умер. Похоронен в Уфе. Наталья вернулась теперь уже в Китай к мужу». Так что Александр так и остался Логиновым Александром Михайловичем.

Помимо сыновей-педагогов, в семье Матвея Васильевича Левитского имелись дочери. Старшая Мария (1835 г. р.) так и не вышла замуж, жила при отце и брате. Наверняка, именно она после кончины матушки в 1861 г. стала вести хозяйство. Не найдены сведения про Ольгу (1844 г. р.), тоже, видимо, оставшейся одинокой. Лишь последняя дочь Анна (1847 г. р.) имела семью. От этих троих: Анны, Александра и Митрофана Матвеевичей и протянулись в будущее новые поколения....

Третье с четвёртым поколения.

В Уфе последний период истории Российской империи встретили представители третьего поколения Левитских, часть которых осталась верна призванию учителя. Вкратце суммируем

¹ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 5. Файл 00445.

данные разных источников, вместе с семейными воспоминаниями это позволит в общих чертах показать судьбу следующих поколений уфимцев из рода Левитских.

Анна Матвеевна Левитская нашла спутника жизни в «своём» кругу, в 1866 г. она выходит замуж за бывшего учителя духовного училища Михаила Михайловича Миронова, в свидетелях на свадьбе сам А.С. Суходольский и другие известные педагоги. Муж избирает духовную стезю, принимает постриг, становится священником, а Анна – матушкой. С конца 1870-х гг. о. М.М. Миронов служил настоятелем Покровской церкви Уфы¹.

Известны их дети: Дмитрий (стал священником в Шемяке), Валентина (вышла замуж за псаломщика), Александр, Николай (судейский чиновник в Санкт-Петербурге), Александра, Антонина, Ольга, Лидия, Екатерина. Антонина и Екатерина Михайловны Мироновы учительствовали в уфимских школах. В отличие от брата Александра, внуков Анны Матвеевны дедушка признавал, стал крёстным у внучки Оленьки в 1887 г.²

Семья Митрофана Матвеевича тоже была обильна детками, на свет появились Мария, Вера, Софья, Сергей, Николай, Георгий³, Ольга (см. выше), но по стопам отца, вроде, никто не пошёл, не выбрал профессию учителя.

Естественно, непростая судьба ждала детей Александра Матвеевича Левитского и Евфимии Никаноровны (при таком-то отце). Старший *Иван* (1864–1942), сначала Иван Семёнович Логинов, с 1904 г. – Иван Александрович Левитский, служил частным землемером (видимо, окончил уфимское землемерное училище). В конце 1880-х гг. женился на дворянке Марии Матвеевне Ветошниковой. Скорее всего, Иван занимался остатками имения Левитских при деревне Ветошниково, где и познакомился с супругой. Ей вплоть до 1917 г. там принадлежала земля. У них было много детей, которым они давали гимназическое обра-

¹ Это был один из наиболее известных священников Уфы. На различных церковных должностях служил по 1917 г., а в Покровской церкви, судя по метрикам, оставался священником до сентября 1914 г.

² Восприемниками Ольги (род. 8 июля 1887 г.) стали статский советник Матвей Васильевич Левитский и жена губернского секретаря Елизавета Михайловна Альбинская (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 28. Файл 0358). Девочка прожила всего четыре месяца и скончалась 26 ноября 1887 г. (Там же. Файл 0392).

³ Георгий Митрофанович Левитский (1896 г. р.), окончил Уфимскую гимназию и в 1915 г. поступил на естественный факультет Московского университета (*Роднов М.И.* Уфимские студенты в Московском университете // Река времени. 2019. Уфа, 2019. С. 118).

зование: Александра¹, Владимир, Василий, Наталья, Александр, Вера², Ольга, Валентина.

Иван Александрович Левитский с внучкой

По всей видимости, семья Ивана Александровича постоянно проживала в пригородном Ветошникове. Когда 16 июня 1912 г. появилась на свет последняя дочь Валентина, отца в метрике указали как Уфимского уезда Дмитриевской волости деревни Ветошниковой потомственного дворянина³. С 1912 по 1917 гг. Иван Александрович Левитский неожиданно был принят (или избран) на службу членом Уфимской уездной дворянской опеки. Её возглавлял уездный предводитель дворянства, здесь устанавливалась опека над оставшимися без родителей малолетними дворянами и их имуществом. Эта работа требовала ответственного подхода по сохранению наследства детей, выбирали сюда людей опытных и совестливых.

Во время революции уфимские дворяне пытались спасти своё наследие (дворянский дом с архивом) и в октябре 1917 г. они создают Общество лиц, записанных в дворянские родослов-

¹ В 22 года дворянская дочь девица Александра Ивановна Левитская в Успенской церкви 16 августа 1910 г. обвенчалась с 46-летним вдовцом личным почётным гражданином Александром Феодотовичем Клементьевым (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 25. Файл 00659). Старшие дочери Александра (в 1912 г. брали копию метрики) и Наталья (1898 г. р.) были замужем и оставались в Уфе.

² Вторая. Первая Вера, дочь уфимского потомственного дворянина Иоанна Александровича Левитского, умерла от простуды 2 марта 1905 г., похоронена «на новом городском кладбище» (Там же. Д. 10. Файл 00202).

³ Там же. Д. 33. Файл 00517.

ные книги. Учредителями стали дворяне, проживавшие в Уфе, в их числе Иван Александрович Левитский (Никольская, 4)¹. Он по-прежнему проживал в городе на семейной усадьбе (надо, 40).

Старшие сыновья Владимир (1893 г. р.) и Василий (1896 г.р.) были уже взрослыми. Первый служил в Уфимском отделении Крестьянского банка², призван на военную службу в 1914 г. и дальнейшая судьба его неизвестна. О Василии Ивановиче все разговоры в семье были под запретом, был расстрелян большевиками, но где и при каких обстоятельствах тоже неизвестно.

А сам Иван Александрович с Марией Матвеевной и младшими дочерьми Верой (1907 г. р.), Ольгой (1910 г. р.), Валентиной (1912 г. р.) и сыном Александром (1904 г. р.)³ покинули Уфу с отступающей белой армией. После долгих мытарств по Сибири и Дальнему Востоку, потеряв жену, И.А. Левитский в 1922 г. покидает Россию с установлением советской власти в Приморье. Семья обосновалась в Маньчжурии (Харбине), где Иван Александрович Левитский и скончался.

Внук Ивана Александровича Владимир Васильевич Левитский (1935, Харбин – 2020, Харьков), сын Валентины Ивановны, поделился со мной, так и написал, «фрагментиком» своей родословной: «Старший сын Иван Александрович, мой дедушка [...] умер в Харбине в 1942 году, помню его похороны, шагал за катафалком по Большому проспекту к Новому кладбищу. Оно было уничтожено китайскими коммунистическими властями в 60-е годы, но тётя Вера успела перед отъездом в Японию перезахоронить своего отца на русском кладбище в Ашихэ, пригороде Харбина». По-видимому, Владимир Васильевич имел ввиду русское кладбище «Хуаньшань», куда переносились останки с Успенского (Нового) кладбища, закрытого в 1957 г., на сайте кладбище в списках погребённых значится имя Ивана Александровича Левитского. Очень жалею, что нашему общению с Владимиром Васильевичем было отведено до обидного мало времени, всего несколько месяцев, он уже был сильно болен и общались мы только через его бывшую студентку.

Как и его далёкий предок Матвей Васильевич Левитский, Владимир Васильевич Левитский тоже был педагогом, филологом, специалист по лексикологии русского языка, кандидат наук (1971 г.), доцент кафедры русского языка филфака ХГУ, почти сорок лет преподавал в Харьковском университете. Кроме научных работ, оставил несколько исследований по эмиграции⁴.

¹ 44-е очередное Уфимское губернское дворянское собрание 1911 г. в освещении прессы (публикация М.И. Роднова) // Река времени. 2019. С. 141.

² См.: НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 206.

³ Их рождение см.: Там же. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 7, 17, 27, 33.

⁴ *Левитский В.В.* Воскресение имени: Историко-филологическое обозрение.

Если дети И.А. Левитского Александр¹ и Валентина потом вернулись в СССР, то две дочери – Вера и Ольга перебрались в Японию. Там Ольга Ивановна (род. 29 апреля 1910 г., крестили в Семёновской церкви)² вышла замуж за японца из древнего рода самураев Кеманай, её дочь Муза Кагава проживает в Японии.

По остальным детям Александра Матвеевича и Евфимии Никаноровны Левитских информации мало. Изучение документов и семейные предания свидетельствуют, что старшая (из выживших) дочь *Надежда* (1873 г. р.), будучи Надеждой Михайловной Никаноровой, долго сидела «в девках», скорее всего, нужно было помогать отцу и брату с хозяйством и воспитанием младших. Лишь в 1900 г. она выходит замуж за отслужившего в армии Петра Константиновича Яковлева. По воспоминаниям, имела пятерых детей, известна Анна.

Пелагея (1876 г. р.) вышла замуж за стерлитамакского мещанина Матвея Семёновича Хренова, родила дочерей Екатерину (1901 г.) и Ираиду (1903 г.). Обе крещены в Никольской церкви, видимо, семья проживала в Уфе. В 1908 г. крёстной у родственников Левитских стала дочь стерлитамакского мещанина Екатерина Матфиевна Хренова.

Алексей (1878–1936), сначала Алексей Иванович Логинов, после утверждения в дворянстве и смены фамилии, в 28 лет женится. 29 октября 1906 г. в Никольской церкви счётный чиновник Казённой палаты Алексей Александрович Левитский повёл под венец уфимскую мещанку Екатерину Васильевну Калининну, 21 года. В поручителях брат Иван³. Дети: Александр (1908–1969), Людмила (1909), Любовь (1911–1988, учительница в Красноярском крае), Нина (род. в 1914 г., видимо рано умерла), Ираида (? , жила в Уфе), Нина (1917–1997). Одна из дочерей стала продолжателем династии Левитских-педагогов, затем профессию продолжили четверо внуков и четверо правнуков Алексея Александровича и Екатерины Васильевны.

Метрические книги показывают, что часто восприемниками были старшие дети в семье Левитских. Александр Матвеевич и Евфимия Никаноровна, несмотря на все жизненные проблемы, прививали детям любовь друг к другу с детства. Так Алексей

Харьков, 2002. Его биографию см. на сайте: Мой Харбин. Милый город, горд и строен (http://myharbin.name/personalii/175-levitskij-vladimir-vasilevich?fb_comment_id=4253024934750347).

¹ Сведения об Александре сохранились в Хабаровском архиве в Главном бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (ГАХК. Ф. 830. Оп. 5. Д. 26709).

² НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 27. Файл 0517.

³ Там же. Д. 13. Файл 0529. Копию метрики брали в 1952 г.

и Мария стали лучшими друзьями и пронесли тёплые отношения через всю жизнь. Вот такие же тёплые отношения установились и у их ныне живущих потомков.

Мария (1882–1950) сначала числилась Марией Ивановной Логиновой, в 1902 г. вышла замуж за чиновника Павла Васильевича Григорьева, друга детства брата Алексея. Из показаний, которые давал в 1936 г. в органах НКВД Павел Васильевич (семейный архив) относительно того, что его связывает с Алексеем Александровичем Левитским помимо родства – это совместная учёба в Уфимском уездном училище и военная служба. Оба служили в 1901 г. писарями в 9-м гренадерском Сибирском полку в городе Владимире-на-Клязьме, а затем переведены в штаб 3-й гренадерской дивизии в Москву на тех же должностях.

Мария (потом Александровна) в 1900 г. с золотой медалью окончила Уфимскую Мариинскую женскую гимназию, затем двухлетние педагогические курсы при ней и удостоилась звания «домашней наставницы по предметам русского языка и арифметики»¹. Хотя педагогический стаж был небольшой, в 1902 г. выходит замуж, старших детей французскому языку выучила.

Мария Александровна с детьми (до июня 1912 г.)

¹ См.: Там же. Ф. И-117. Оп. 2. Д. 672.

Семья была большая, жили в Уфе, дети: Николай (1904–1904), Владимир (1905–1992), Алексей (1907–1992), Ариадна (1909–1996), Нина (1911–1912), Нина (1913–2008), Людмила (1915–1937), Ольга (1917–1994), Александр (1919–1991). Супруг сделал успешную карьеру в Уфе, почему в ноябре 1912 г. Павел Васильевич Григорьев переводится в Иркутскую губернию в город Бодайбо. Он служил секретарём Управления Витимского и Олемневского горных округов, затем горным исправником на Успенском и Надеждинском золотых приисках, после 1917 г. – делопроизводитель и помощник управляющего Главной конторы золотопрома в Иркутске.

К нему в Иркутск переезжает семья Алексея Александровича и вся дальнейшая судьба многочисленных потомков рода Левитских связана с Сибирью. Никто из детей Григорьевых в педагогику не пошли, хотя одна из дочерей закончила Иркутский педагогический техникум. Внук и правнучка Марии Александровны и Павла Васильевича по профессии режиссёр и актриса, делятся со студентами секретами мастерства. Так что можно считать они продолжили династию Левитских-педагогов.

И ещё немного о Марии Александровне. После революции в Иркутск приехала родная сестра Павла Васильевича Софья Васильевна Григорьева. В Уфе её ничего не держало: родители умерли, сестра погибла на фронте, семью свою не создала, а семья брата нуждалась в помощи. Вместе они проживали под одной крышей более тридцати лет и до самой смерти Марии Александровны в 1950 г. Софья Васильевна и Мария Александровна обращались друг к другу только на «вы», «Марусенька» и «Сонечка».

Григорий (1884 г. р.) был женат на Антонине Евграфовне. По воспоминаниям имел пятерых детей, известны Анатолий (род. в 1905 г.), Николай (1907), Ольга (1908), Нина (1910).

Последний сын *Сергей* родился в 1886 г., из Уфимской гимназии выбывает «по прошению отца для поступления в военную службу», отслужил в армии и после работал в Крестьянском банке писцом с 1911 г.¹ 6 ноября 1911 г. в Никольской церкви запасной нижний чин из потомственных дворян Сергей Александрович Левитский (25,5 лет) венчался с 21-летней уфимской мещанской девицей Верой Алексеевной Сухановой, свидетели – братья жениха Григорий и Алексей². По воспоминаниям Дианы Валентиновны Доскевич (дочери Любви Алексеевны Левитской), Вера Алексеевна Суханова была двоюродной сестрой её

¹ См.: Там же. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 205.

² Там же. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 28. Файл 0075.

бабушки Екатерины Васильевны Левитской (урождённой Калининой, см. выше). Дети: Иулия (17 декабря 1913 г., умерла в пять месяцев), вторая Иулия (12 декабря 1914 г.), София (22 мая 1916 г.)¹. В 1914 г. Сергей Александрович Левитский ушёл на войну, семья получала от банка пособие до ноября 1917 г. Со слов старших родственников С.А. Левитский погиб в годы революции (или Гражданской войны).

Сам глава столь обширного рода – дворянин города Уфы *Александр Матвеевич Левитский* прожил долгую жизнь и в возрасте 77 лет (записали в метрике Никольской церкви) скончался «от старости» 14 февраля 1919 г., отпевали 17-го числа². По воспоминаниям внука из Харькова: «умер от "разрыва сердца", т. е. инфаркта, в 1918 году, когда красные части, сломив сопротивление и вытеснив белых, вошли в город и учинили кровавую расправу».

Продолжателями уфимского учителя, знаменитого латиниста Матвея Васильевича Левитского стали его сыновья, внуки и внучки. Профессия педагога нелегка, но уже шестое поколение Левитских идёт по этому нелёгкому пути. Левитские нашего времени – это педагоги Клявлины, Петровы, Печенкины из Уфы, Агафоновы и Антоновы из Нижнего Новгорода, Герасимовы из Волгограда, Григорьевы и Морозовы из Москвы, Доскевичи и Коняхины из Красноярского края.

История провинциального учительства, несмотря на внушительную литературу, хранит огромные массивы неизвестной информации. В общем рядовая семья уфимских педагогов Левитских, впрочем, не такая уж обыкновенная, оставила огромное наследие. Поиск архивных документов, введение генеалогических данных в сочетании с семейными преданиями позволяют увидеть реальную жизнь российского учительства XIX – начала XX вв. Они воспитали, выучили миллионы россиян, те поколения, которые построят великую страну и полетят в космос!

¹ Там же. Д. 35. Файл 0710; Д. 39. Файл 00000722; Д. 44. Файл 00000566. Копию метрики о рождении Софии брали в архиве в 1969 г.

² Там же. Д. 51. Файл 0387.

Список сокращений (кроме статьи Я.Г. Солодкина)

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края;
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан (Уфа);
НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей библиотеки академии наук (Санкт-Петербург);
ОГАОО – Объединённый государственный архив Оренбургской области;
ОИРУ – Общество изучения русской усадьбы (Москва);
ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи;
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва);
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург);
ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области;
ЦГА Москвы – Центральный государственный архив Москвы.

Список авторов

Денисевич Ольга Владимировна – краевед (Нижний Новгород);

Друганкин Сергей Викторович – краевед (Уфа);

Курмаев Виктор Николаевич – краевед (пос. Красноусольский РБ);

Нащокина Мария Владимировна – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (Москва);

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа);

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, Нижневартровский государственный университет;

Тарасова Татьяна Викторовна – краевед (Уфа)

Научное издание

Река времени. 2026

Составитель и ответственный редактор
М.И. Роднов

Подписано в печать 16.04.2026.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура: «Bookman Old Style».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. 7,67. Уч. изд. 7,94.
Тираж 100 экз. Заказ № 45.

Отпечатано в ООО ПМ «Книга-принт»,
в полном соответствии с предоставленными материалами
г. Уфа, Ул. Рабкоров, д. 2/7,
Тел. 8 (347) 266-40-52. www.kniga-printufa.ru